

В. Федоров и А. Зайцев
Роло, или Зеленые оковы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22165697

Владимир А. Федоров
Алексей В. Зайцев
РОЛО или ЗЕЛЁНЫЕ ОКОВЫ

Оглавление:

Пролог.

Часть 1. Будущее.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Глава 11.

Часть 2. Прошлое.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Часть 3. Будущее и прошлое.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Эпилог.

Благодарности.

Синописис.

Пролог.

Он родился в воскресенье утром. Мама очень сильно волновалась. Это был ее первенец.

Он впервые в жизни вздохнул полной грудью и закричал. Он еще не видел свою маму, которая только что подарила ему жизнь, но чувствовал, что она рядом. Двумя минутами позже появился и второй мальчишка, который как две капли воды был похож на первого. Он тоже сделал вздох, насколько позволяли маленькие легкие, и задорно закричал.

Он бесконечно полюбил свою маму, которая дала ему с братом путевку в жизнь. Он полюбил своего брата с самой первой минуты его появления. Он смотрел на этот неведомый огромный мир своими голубыми глазками и искал взглядом любимую маму. Она всегда была рядом, готовая жертвовать собой. Мальчишка чувствовал это и своей искренней любовью платил матери за ее доброту и ласку.

Прошло несколько лет и два мальчугана, взявшись за руки и прихватив свои портфели, отправились в школу. Это был их день рождения. В этот день они познакомились со своей учительницей, которая открыла им первые тайны этого мира. Она научила братьев писать и читать. Она рассказала, что камень— мертвый, а дерево— живое. Она поведала, откуда берутся облака и куда они уходят. Она им ставила их

первые двойки за поведение и вызывала маму в школу.

Он рос и не ведал, что где-то в синеве неба, куда не падает взгляд, крутится Марс, вокруг которого бегают два спутника Фобос и Деймос. Он не знал, что есть гигантская газовая планета с огромным кольцом, которую называли однажды именем старого бога Юпитера. Ему было неизвестно, что вокруг Юпитера навсегда поселился спутник Ганимед с его розовыми аммиачными льдами, на котором так легко и приятно кататься на коньках.

Он много позже узнает, что где-то на задворках Солнечной системы есть маленькая мертвая планета Плутон с его вечным спутником, проводником в царство теней, Хароном. Что за ними крутится вокруг Солнышка маленький Кваоар в поясе Койпера. Однажды он узнает, что есть система Альфы Центавра, которая состоит из двух похожих звезд— близнецов Альфы А и Альфы В, и маленькой звездочки Проксимы Центавра, которая вальсирует вокруг близнецов. Пройдет еще много лет, и станет известно, что у Альфы есть планета, окруженная азотом и покрытая льдом. Однажды ее назовут Изольдой.

Когда-нибудь мальчишка узнает, что на небосводе есть яркая звезда, имя которой— Вега. У нее есть планета, которой эта блистательная звезда подарила жизнь. Позже эту планету станут величать Адло. На ней живут странные существа— рептилии, обладающие телепатией. Они ходят на четырех лапах и садятся на свой хвост, как кенгуру.

И в один прекрасный день он узнает, что на другом конце галактики светит небольшая звездочка, на которой обитают разумные птицы— цватпахи, но скоро об этом забудет

Мальчишка будет смотреть на звездное небо и мечтать о космических кораблях и звездных войнах, о могущественных пришельцах и прекрасных принцессах с Магеллановых облаков, которых заключили в заточение злобные пришельцы из других миров. Он даже построит свою межзвездную ракету, которой не будет суждено подняться в воздух.

А потом мальчишки вырастут и станут мужчинами. Один из них уедет в другой город, постигать науки. Другой останется в родном городе и станет инженером.

Они встретятся. Они обязательно встретятся, и их свидание потрясет саму вселенную до самых ее отдаленных уголков.

Часть 1

Будущее

Глава 1.

–Басмач, а где Танька то твоя, эта бессмысленная несуразица?– Весело засмеялся Отец.

Он любил лежать так вот на своей узкой металлической кровати, едва перетянутой старыми железными пружинами, без задней спинки с давно продавившимся от времени матрацем, и донимать своего соседа. Гурик осторожно перевернулся на другой бок. Предчувствие предстоящей перепалки соседей доставляло ему наслаждение. Где-то внутри него что-то начинало легонько клокотать, это еще не родившийся смех несмело ерзал в эпигастрии.

–Пошел ты...– Басмач был недоволен.

Такая сокровенная и трогательная тема была опорочена в одночасье. Это могло означать, что два его соседа будут весь вечер склонять его пассивно на все лады с изложением всех фактов в самой непристойной форме. В итоге настроение будет на весь вечер испорчено.

–Нет, правда, неужели она не придет? Гурик,– Отец пихнул соседа в бок,– походу нам помирать от скуки сегодня. Басма, выручай, дуй скорее за своей курицей, я пока народ соберу, представление устроим.

–Отец, что у тебя за манеры? Отстань. Не то, я тебе шею начищу.– Басмач как раз закончил втирать себе в щеки, какой– то весьма пахучий лосьон, от которого запах затхлой

лишты разнесся по всей комнате.

– Гурик, слышишь, я что придумал: мы с тобой этих двух бездельников будем по ярмаркам водить, представления давать. Они на людях ругаться будут, а мы – ходить, деньги собирать. Разбогатеем! – Отец не унимался.

Гурик уже окончательно проснулся, и стал тихонько хихикать. Басмач с некоторым остервенением достал из-под кровати гладильную доску и стал бережно укладывать на нее брюки.

– Найдем подстрекал... – Продолжал Отец.

Басмач бросил гневный взгляд на Отца, подошел к зеркалу и, пока грелся утюг, стал брызгаться одеколоном.

– Под хвостом еще... – Заговорил Гурик.

– Что? – Не понял Басмач.

– Я говорю, под хвостом надуши, а то, как ты пойдешь, если от тебя плохо пахнуть будет? Что люди подумают? – Засмеялся Гурик.

– Ты-то, что проснулся? Спал бы еще. А то еще есть запросишь, прорва твоя. – Огрызнулся Басмач.

Такой оборот дел его не устраивал. Еще с одним Отцом можно было потягаться, но сразу два охочих до зрелищ соседа – это было уже слишком.

– Басма, Гурик дело говорит, сам знаешь, случаи бывают разные. Вот встретишь какого-нибудь земляка, конфуз выйдет, понюхает он тебя и загрустит. – Засмеялись все втроем.

– Вот-вот, подумает, плохие хозяева земляку достались,

плохо кормят, на прогулку редко выводят, так что одумайся, пока есть время... – Конвульсии сковали Гурика. Он держался за живот, словно боясь, что вылезет грыжа, да скулил.

– Мои земляки чистоплотней вас, двоих дураков вместе взятых будут. – Басмач взялся утюжить брюки.

– Да уж куда там, ты хочешь сказать, что они теперь иногда умываются? – С участием спросил Гурик.

– Вам поговорить больше не о чем? Шли бы вы оба... – Басмач sprыснул на брюки.

– Гурик, знаешь, как Басмач попал к нам? – Отец повернулся к соседу. – Смотри он какой черный, видимо старик Дарвин был прав, что басмачи вывелись из австралийских обезьян. Басмач в свою раннюю молодость жил на пальме и его оттуда спугнул зверь какой-то, а потом он вместе с крысами пробрался на корабль и грыз всю дорогу бананы. – Отец был доволен своими домыслами.

– Неувязочка, Отец, здесь то моря нет. – Басмача самого заинтересовала перепалка.

– А так тебя не сюда завезли, а в Грузию, вот ты и решил, что ты – грузин. Тебя там за своего приняли. А потом, когда ты с гор спустился за солью, тебя поймали, хвост отрубили, мочиться стоя научили и депортировали к черту оттуда, сказали: будешь человеком. Но ты, Басмач, не обольщайся, ты и человек – это также различно, как канал и канализация. – Отец засмеялся.

Гурик вторил ему.

—А Танька его прибрала. С рук есть научила. Она любит плюшевых медведей.— Сказал Гурик.

—Ой, а твои то подружки— страшилища, одна красивее другой. Мимо всякой уродины пройти не умеешь, хоть бы очки носил, коли не видишь.— Басмач взорвался гневом.

—Ну да, Танька твоя— дочь Клавы Шифер и Гарри Каспарова, такая— же умная как папа и красивая как мама.— Вступился Отец.

—И ты, скотоложец, молчи. Твои бабы— тоже коровы, одна к одной. Жуть да и только. Жмурку то ты давно не навещал? А? Что, сдулся?— Спросил Басмач.

—Не, Басма, я тебе ее подарил. Как-то она сказала, что тебя любит.— Отец нежно оскалился.

—Слушай, Отец, иди ты . . . , достал ты меня.

—Ладно, Басмач, не злись. — Отец посмотрел на Гурика, тот ехидно улыбался.

—Гурик, займи червонец на недельку.— Долетело из клубов пара. Басмач пытался перевести тему, хотя сам слабо рассчитывал на успех.

—Басмач, в магазине мозги не купишь, на кой черт тебе червонец? Ты просто не открывай рот на людях, и ты не будешь выглядеть полным дебилом. Так проще, и деньги целее будут.— Гурик сел на край койки и закурил.

—Дай, что как скряга-то. Отец, или ты дай. Хотя откуда у тебя, голодранца деньги?

Доска поскрипывала. Басмачу на самом деле и не нужны

были деньги, просто он знал, что у Отца их нет, а тот терпеть не может, когда его величают голодранцем.

—А— а, хомячок, отправлю я тебя опять в Австралию, договоришься. Будешь там снова с кенгуру путаться, сифилис по саванне разносить. Понарожают уродов.— Отец сам начал злиться.

—Отец, тебе, наверное, на свете интересно жить?— Спросил Басмач, отрываясь от брюк.

—Еще как,— огрызнулся Отец.

—Я так и думал. Глупым людям всегда интересно жить— они еще умеют удивляться.— Басмач остался доволен.

—Боже ты мой, Эйнштейн заговорил, какое счастье! И откуда он такой умный выискался? И надолго ли к нам?— Отец заерзал, чувствуя, как полегоньку к нему пробирается позор.— Гурик, смотри, Чита разговорилась, эта обезьянка еще недавно из мамы выпала, а уже Отца учит.

Басмач злился. Сравнение его с обезьяной никоим образом не льстило его самолюбию. Родственные отношения с хомячком тоже не добавляли ему вес в собственных глазах. А друзья распаялись. Басмачом его стали называть здесь, в институте, когда выяснилось, что он вырос на Кавказе. Еще малышом его родители, порядочные и интеллигентные люди, отвезли в Грузию из маленького русского городка, где жили прежде, там и осели. Так он и рос вместе со своим старшим братом на шашлыках, хинкали и хачапури вместе с чумазыми грузинскими детишками. Позже стал попивать Аха-

шени, Кинзмараули и Ркацители, когда первые мягкие волосы стали пробиваться на его щеках. Он купался в бурных водах Куры, да прогуливался по Шота Руставели, когда всей семьей выезжали из Рустави в Тбилиси, навестить дальнюю родню.

Наконец брюки были выглажены, Басмач принялся уютить рубашку.

–Басмач, ты же все равно к Таньке идешь, мог бы и трубку надеть, она все равно не заметит.– Пришел на помощь Гурик.

–Я не хотел тебе это говорить, Басма, но вчера Танька мне на ушко шепнула, что она меня любит, и тебе с ней ловить нечего. Я точно тебе говорю, так и сказала.

–Она с тобой даже по нужде на одном гектаре не сядет, не то, что на ухо шептать.

–Одумайся, Басмач, ты встал на порочный путь. Твоя похоть тебя погубит однажды. Попомни мои слова. – Сказал Гурик.

В комнату постучали.

–Да,– заревел Басмач.

В дверях показался маленького роста белобрысый паренек, от которого разлило алкогольными парами, словно от пивной бочки. Одет был он просто: дырявые старые тапки на босу ногу, залатанные во многих местах домашние широкие шаровары, желтого цвета растянутая майка на голом теле и добродушная улыбка под носом.

—О-о, Боц, каким ветром тебя?— Спросил Басмач и немного ругнулся по-грузински.— Тьфу, а пьяный-то, ты где так набрался?

—Имею право?— Икнул Боцман.— А ты никак к Таньке собрался, что-то ее давненько не было видно? Ох, Басмач, Басмач!

—Здорово, Боцик.— Протянул руку Отец.

Гурик с кровати махнул пареньку.

—Привет, орлы, я пропил ваши деньги,— Боцмана немного пошатывало, однако он героически сносил удары судьбы.— Тпру, Басмач, Танька меня любит.

—Отец ему уже говорил это,— сказал Гурик.

—Когда успел?— Развел руками Боцман.

—Ну-ка фу, оба.— Крикнул Басмач.

—А что это он такой злой у вас, вы что, его еще не кормили? Басмач, чего реवेशь как медведь в жару?

—Боц, ты чего здесь нарисовался? Говори и проваливай.— Спросил Басмач и начал облачаться в одежды.

—Эта-а-а...— Боцман пытался уловить мысль.— У вас соль есть? А зачем мне соль, а Басма?.. Не, соль нужна..., есть?

—Бери и пшшел вон отсюда,— сквозь зубы прошипел Басмач, указывая на солонку.

—Понял,— Боцман схватил солонку и испарился.

—Чего-то раненько он сегодня,— пропыхтел сигаретой Гурик.

—У Бочи сегодня праздник, он зачет сдал. Ну, правда с

пишнадцатого раза, но это-то никого не тревожит.— Сказал Отец.

Он знал, что в соседней комнате сегодня вечером будет фестиваль с песнями и плясками. Этим всегда заканчивались попытки Бочкарева сдать зачет, причем от результата исход вечера не менялся.

И Боцман, и Бочкарев жили в соседних комнатах, учились на курс старше. Боцман был на своем курсе, тогда как Бочкарев лет уже как пять должен был окончить институт, но он так прикипел к студенчеству, что особого рвения к учебе не испытывал, да и года уже были не те. Зато имел страсть нетерпимую к этанолу. Ее-то он нежил и лелеял, а возлияния его с каждым разом становились безудержнее.

Есть люди которых любят, есть— которых терпят, есть— которых ненавидят. Боцмана же, как и пельмени, любили все от мала до велика. У него никогда не было денег и если нечаянно они появлялись, то тут же исчезали, как девственница в выпускную ночь. С ним постоянно случались вещи, которые никогда не могли случиться с другими обитателями общаги.

Однажды в день великой биохимической травмы, после какого-то малозначимого для мировой культуры, но великого для русского менталитета праздника, Боцман лежал у себя в комнате и болел сам с собой. Внимание привлек стук. Кто-то сильным кулаком сотрясал дверной проем. Боцман открыл дверь, и, решив, что это плод больного воображения, разыгравшаяся большая фантазия, не поверил своим глазам:

на пороге стоял поп. Священник был одет в длинную рясу, черного цвета пышная борода не давала сомнениям разгуляться, что ее обладатель не меньше чем архимандрит. Тяжелый золотой крест висел на шее прикрепленный огромным золотым кольцом к толстой цепи, которая могла вынести тяжесть небольшого буксировочного катера. Боцман махнул перед собой рукой, мол, изыди, нечистый. Подумал, что померещилось: на второй день всякое привидеться может, он знал это на своем горьком опыте. Стал, было, закрывать дверь, да поп ногу в щель сунул, и говорит, мол, Боц, не больше не меньше, не ваше величество, ни ваше вашество, я, говорит, знаю у тебя переночевать можно. А Боцман ему в ответ, ты, говорит, батюшка ничего не попутал? Поп ему: «Мне мужики, вон те, сказали, что ты приютить можешь. Пусти, Боцман, я тебе двести долларов заплачу, проживу только три дня. Ничего мне не надо, ни есть, ни курить, дай только три ночи полежать на кровати. Принесешь мне телевизор, да кружку с водой рядом поставишь». Волшебное слово— «заплачу», Боцман ему и телевизор старенький принес, и кровать показал. Прожил поп у Боцмана, правда ничего не стащил, но и обещанных долларов не оставил. Прошло три дня, попа Митькой звали.

Басмач, наконец, собрался, накинул на себя пальто, обулся, и кинул:

—Ладно, давайте. Приду рано, еще трамваи ходить не будут. Чтобы к приходу было убрано, еда приготовлена. В про-

тивном случае будут жертвы. Кто будет лениться, тот получит по хитрой толстой морде.— Он недвусмысленно намекал на Гурика, поскольку он был из них, пожалуй, самый крепкий.

—Давай, давай, пошевеливайся, рейнджер.— Присвистнул Гурик.

Хлопнула дверь, и Отец с Гуриком остались вдвоем.

—Отец, пошли к Бочкареву, на поживу и известь— творог.— Сказал лениво Гурик.

—Не, я поучиться хотел, а к Боче я послезавтра пойду. Я думаю, они до пятницы не останятся.— Отец поправил подушку и закинул руки за голову.— Сходи, они же тебя звали, Бочик за солью неспроста приходил— еду готовят.

—Ну, ладушки, где меня искать знаешь, приду вероятнее всего не очень свежим.

Гурик ушел. Учиться не очень хотелось. Отец лежал. За стеной слышна была музыка, приглушенные голоса праздных студентов, шум посуды, хлопанье дверей и девичьи трели. Сейчас ему было хорошо. Он подумал, что, наверное, это и есть счастье: это веселье за стеной, несколько грубоватый Гурик, этот чистюля Басмач, эта маленькая комнатка, с тремя панцирными кроватями, постоянный едва уловимый студенческий запах учебы с привкусом табака.... Все это было очень дорого Отцу. Он знал, что то же самое чувствуют и его друзья, оставаясь одни в комнате.

Он вспомнил свою подругу. Вдруг стало так неожиданно

легко. Он улыбнулся и раскинул пошире свои конечности. Ее звали Мать. Была она несколько застенчива и угловата. Маленькое по-детски доброе личико, большие глаза и длинные волосы особенно подчеркивали ее, казалось, юный возраст. Как будто природа чего-то ждала, не давая ей, наконец, распусться всею своей красотой. Вспомнил и Таньку, подружку Басмача, красивую и заносчивую девицу. Отец ее недолюбливал, считая ее слишком эгоцентричной и импульсивной, за то, что из Басмача делала теленка, за то, что в салат «под шубой» клала слишком мало майонеза. Вспомнил он, как однажды ее отец попал в конфуз, сам того не подозревая.

Подруга Басмача была профессорской дочкой. Ее отец – профессор и заведующий кафедрой истории читал лекции о прошлом великой страны. Он занятно рассказывал на своих лекциях про то, как Россия была беременна революцией, и про то, как произошел выкидыш революционной ситуации. Он поведал студентам историю Государства Российского в том свете, в котором видел ее сам. Его взгляд на историческую правду был, по меньшей мере, предвзятым, если принять на веру такую фразу, которую любил повторять: «Вы думаете, что революцию сделал народ? Бред! Революцию сделала кучка пьяной матросни!!!».

Некоторая фривольность, которую себе позволял профессор на занятиях, стяжала ему славу отца всех студентов и их лучшего друга. Заведя себе несколько друзей с каждого курса, в конце рабочей недели профессор, запевшись в своем

кабинете, распивал с ними горькую и вел панибратские беседы на предмет студенческой жизни, лошадей, вина, карт и женщин. Ему без труда удавалось быть в курсе новых течений и настроений студенчества. Интерес профессора носил меркантильный оттенок, поскольку его красавица дочь посещала его лекции. Он знал всех жеребцов, для которых женщина— лишь очередная спортивная ступень и старался уберечь свою дочку от них, знал кляузников и зубрил, на которых обращал ее внимание.

В один из тех прекрасных дней, когда заканчивается трудная учебная неделя лекцией по истории, профессор, пребывая в отличном настроении, поинтересовался у Басмача его новыми успехами на любовном фронте.

—Ты скажи мне, дорогой,— спросил он Басмача, стараясь перекричать огромную шумную аудиторию.— Не всех ли ты девиц испортил на курсе?

Вопрос неформального историка поднял бурю ухмылок и хохота в лекционном зале. Профессор счел свою шутку удачной, поскольку сам себя причислял к великим острякам текущего столетия. Увидев смущение и пунцовый окрас на щеках Басмача, он утвердился во мнении, что очень тонко поддел красавца с Кавказа. Лишь несколько лет спустя он понял, что студенты смеялись вовсе не над Басмачом. Вся комичность ситуации принадлежала ему и только ему, поскольку, к этому моменту его дочка и Басмач уже успели до тонкостей познать друг друга.

Отец достал из-под кровати толстую книжку, открыл ее, заставляя себя верить, что вот-вот начнет постигать науки, но вскоре, потеряв всякую надежду, бросил ее назад, закрыл глаза и уснул...

–Открывай, жаба...– громыхала дверь.– Открывай лежебока, жаба... Ох, нехристь нечистый. Открывай, жаба... Да ты же жаба...

–Боц, ты чего там кудахчешь?– Не открывая глаз, спросил Отец.– Набрался, веди себя пристойно.

–Открывай, жаба, слышать ничего не желаю, жаба... Открой...– Не унимался Боцман.

Отец нехотя соскользнул с кровати и повернул ключ. К нему на руки упало нетронутое трезвостью тело Боцмана.

–Отец родной, ты мне скажи, почему такая вопиющая несправедливость, ну почему, Отец? Скажи как на духу, родной...

–Боц, ты меня разбудил, а я в гневе страшен. Говори чего надо и убирайся, пока бока целы.– Отец вовсе не собирался калечить друга, однако, спросонья в голову приходят гениальные мысли, за которые позже становится стыдно.

–Ты меня испугал,– Боцман выпрямился.– Дай соль, я посолить хочу...

–Ты уже брал ее,– теперь Отцу стало понятно, что Боцман пришел за общением, которого сейчас он дать не мог.

–Что, я уже посолил?– Удивление не было убедительным и искренним, и это утвердило Отца во мнении, что его другу

нечем заняться.

В конце темного коридора показался Басмач. Отец посмотрел на часы— он проспал от силы минут сорок, это означало что на этот раз его сосед с Танькой что-то рано разругались, хотя прецеденты уже были.

—Смотри, Басмач, какое тело к нашему борту прибило!— Отец кивнул на шатающееся тело.

Боцман воровато скосил глаза за спину и попытался что-то сказать.

—Сейчас я его прибью, если этот Гаврош— попрошайка в секунду не исчезнет!— Басмач был не на шутку зол.

—Ухожу, но скоро вернусь,— Боцмана качнуло по направлению к кухне.

Морской шаркающей походкой паренек удалялся по коридору, мурлыча глупую песенку:

Никто мэнэ не любэ, никто нэ уважае,

Пойду скория в лис я, наймся червечкив,

Вонэ ж такая зкусныя, вонэ ж таки соленыя...

—Что, Басмач, совсем бабы заели?— Сочувствуя горю, спросил Отец. Он прекрасно понимал, что Басмача сейчас трогать нужно край, как аккуратно.

—Не говори,— Басмач раздевался. От бывшего педантизма не осталось и следа,— бабы еще хуже комаров. Те, хоть, когда кровь пьют— не жужжат.— Он сделал вид что сплюнул.— Ну не куры ли, ты подумай. Голову бы отвернул.

–Так оторви, за нее больше пятнадцати суток тебе не дадут.– Отец тихонько хохотнул.

–Где еда?– Басмач выругался.

–А какого мяса ты к ней пожаловал? Знал же, что ругаться будете.

–Она ж как собака, ее не выгуливай, так она дома пако-стить начнет.

–Тебе надо будет ружьишко справить, да гонять ее, как Сидорову козу, как мой дед.

Басмач улыбнулся. Он вспомнил, как Отец рассказывал ему про своего деда, который чуть не застрелил свою бабку за то, что она съела его помидоры, которые он определил, как семенные.

–Да... дед у тебя грамотный. Я с удовольствием Таньку тоже бы погонял, до паралича сфинктеров, чтобы, как коро-ва, бежала и за собой дорогу делала.– Басмач мечтал.

–Она и так у тебя как корова, ума и красоты столько же.– Отец подыгрывал Басмачу. Сейчас ему нужна поддержка.

–Ладно, полегче...

–Что, Басмач, теперь тебе нужно будет свой кальций сбе-регать, он скоро пригодится.

–Это ей нужно мел с рыбьим жиром пить, чтоб рога гуще росли.– Басмач оскалился, представив какие будут у Таньки рога.

–Ну и тебе и ей.– Поддакнул Отец.

–Пошел ты... А этот лоботряс где?– Басмач кивнул на

кровать Гурика.

–У Бочи, где ж еще?

–Его Юлька тоже ему рожки делает, так что мел втроем поедать будем. Вот Валет, слепой– слепой, а рога делает, как зрячий. Пока Гурик со змием зеленым борется, подружка его озорничает.– Басмач злорадствовал.

–На передок все бабы слабы. Это точно.– Кивнул Отец.

–Ты-то что ухмыляешься? Мы и с тобой мелом поделимся, думаешь ты один, такой герой?

–Не, Басма, тебе мел нужнее, оставь его, вот мне он ни к чему.– Парировал Отец.

–Еще посмотрим, на чей хвост муха сядет. Боцману, вот кому точно кальция в организме хватает. Рога ему не грозят.

Оба друга засмеялись.

–Отец, пошли к Боче. Что-то в моем животе пусто, как в голове у Боцмана. У Таньки не получилось поесть...

–Поздно, там уже Гурик. Уже все съедено давно.– Отец хмыкнул.

–Пошли, хоть выпьем.

–А мне-то что пить? Я свою зазнобу уже как три дни не видел, так что нервы мне кроме тебя с Гуриком никто не мотает, я счастлив и доволен, как дохлый лев.

–Ладно, пойду я, схожу к ним.– Сказал Басмач.

–Не ходи, на смех с твоей Танькой поднимут, не оберешься.

–Да я только съем кого-нибудь и назад.

—Как знаешь.— Басмач ушел, Отец снова остался один. На этот раз совсем ненадолго.

В коридоре послышался звук шаркающих шагов, затем стук в дверь. Через секунду за стеной прозвучало едва слышное слово, которое, скорее всего, заканчивалось на мягкий знак. Гулкий смех— это Басмач вошел в комнату Бочкарева, и затем уже нам знакомое:

—Открывай, жаба, ленивец гималайский, ты же жаба...— Боцман выпрашивал разрешение войти.

—Боцик, как ты меня достал уже, иди над Басмой посмейся,— открыл дверь Отец.

—Пошли вместе, один не пойду.

В комнате Бочкарева дым висел коромыслом. В сизом сумраке виднелся огромный живот хозяина комнаты. Косматые и неровно остриженные волосы его торчали в разные стороны. Такая же старая, времен Очаковских и покорения Крыма, желтая майка облегла далеко не тщедушное тело. Он курил. Сигарету Бочкарев держал в одной руке, другой обнимал какую то растрепанную захмелевшую девицу и что-то шептал ей на ухо. Девчонка очень нескромно громко похмыкивала. Чуть в стороне сидел Гурик, что-то доедая в своей тарелке прямо руками. Перед ним стояла рюмка, как живое свидетельство невоздержания оного. Подле Гурика сидела вторая, и не более трезвая девица, которую в общаге звали Белкой. Боцман был к ней равнодушен. С края сидел Басмач. Он уже успел закурить, и накладывал что-то из

кастрюли, которая стояла тут же на столе. В дыму и сизом сумраке было не видно, чем питаются в этой берлоге.

—Здорово, Отец, заходи, гостем будешь, а ты где этого зверя поймал? Мы же его поймаем и выпустили.— Бочкарев оторвался от своей подруги и кивнул на Бочмана.

—Здорово, да в коридоре приبلудился, плакал, домой просился.— Ответил Отец.— Слушай, Боча, ты мне скажи, почему это у тебя такой огромный живот, никак от пива?

—Не от пива, а для пива, заходи, садись, что делать дальше— знаешь.

—А-а, Ромео, и ты тут уже, выпиваешь?— Отец похлопал по плечу Басмача.— Дездемона твоя осерчает, как узнает, что к Бочкареву приходил. Только ты не кручинься, пошли ее ко всем чертям.

—Отстань, леший.

—Не ласков, собака. Мужики, посмеяться хотите? Басмач сегодня три часа наглаживался, нализывался для Таньки, а та ему чертей за две минуты дала и выгнала. Она даже и не заметила, что Басмач в костюме был.— В комнате раздался смех.

—Это чтобы ты не расслаблялся, Басмач, тебя бьют, а ты крепчаешь.— Хмыкнул Бочкарев.

—Иди, я тебя приласкаю.— Протянула к нему руки Белка.

—Цыц, баба... Когда говорят мужчины, даже горы молчат.— Сверкнул глазами Басмач.— А ты, Отец, еще пожалеешь об этом.

–Гурик, он меня обижает.– Пожаловался Отец.

–Я ем.– Промычал Гурик.

–Ешь, ешь, Гурик. Хотя в это время ты разговаривать не умеешь. Знаете, когда Гурик меньше всего говорит?– спросил Басмач.

–Ну???

–В Феврале. А в Феврале двадцать восемь дней всего.– Продолжил Басмач.

–Зато ты у нас молчун. В институте бы так отвечал, а то на занятиях ты очень напоминаешь овцу. Столько же мысли как в этом скромном животном. – Прожевался Гурик.

–Дайте Гурику чего-нибудь в тарелку.– Под общий хохот попросил Басмач.– Проще всего не открывать рот, чтоб не обнаружить свое невежество.

–Что молчишь, Боцик?– Спросил Отец.

–Да ты что, ладно еще сам стоит и на том спасибо, он так наелся, что, наверное, ничего уже не понимает.– Ответил за Боцмана Бочкарев.

–Я вот стою и думаю, кто мне даст сигарету, тому ничего не будет.– Икнул Боцман.

–Черти, дайте боевику сигарету, Басмач, дай ему, пока бока целы. Разойдется– так и не усмиришь потом.– Сказал Гурик.

–А ты кушай, кушай, Гурик, а то ты такой худенький да бледненький.– Басмач протянул Боцману свою сигарету, сам достал из пачки новую, прикурил.

—Смотри, Белка, Боцмана шатает, как собаку бешеную.— Шепнула подруга Бочкарева, да так шепнула, что все услышали.

Боцман сидел на стуле, слегка покачивался, руками обхватив голову. Между пальцев торчала дымящаяся сигарета.

—Боцик, ты чего носом клюешь?— Спросил Бочкарев.— Не надо было тебе курить, дуралей. Давайте его на кроватку кинем, пусть поспит малыш.

Бочкарев встал из-за стола. Басмач, сидевший рядом, обнял Боцмана за плечи и повел в угол комнаты, где стояли рядом три койки. Бочкарев помог ему уложить тело, сверху кинули покрывало. Боцман делал слабые попытки очнуться, и был очень недоволен, что его игнорируют.

Все расселись по местам, Отец занял место Боцмана. Праздник продолжился.

—Басмач, насыпай,— кивнул на бутылку Бочкарев,— ты у нас сегодня центрфорвард.

Басмач аккуратно налил по рюмкам, получилось достаточно ровно.

—Глаз, как алмаз.— Похвастался он.

—Ну, да... Тебе глаз еще набить надо, тогда ровнее наливать будешь.— Огрызнулся Гурик.

—Ага, и зубы тоже,— подхватил Отец.— Ну, за что выпьем?

—Чтоб мне таких соседей больше никогда не видеть,— выпалил Басмач,— как Отец и Гурик.

—Нет, я сегодня зачет сдал. Давайте выпьем, чтобы у моей

мучительницы рога на лбу выросли. Собака бешенная, двенадцать раз я к ней ходил за зачетом.— Выдохнул Бочкарев и выпил.

К такому тосту присоединились все, ведь каждый из них бывал в такой ситуации, когда приходилось за преподавателем много раз бегать чтобы получить заветную роспись в зачетке. Тем более Бочкарев пожелал рога на голову своей жертвы. Какой студент не желает своему преподавателю каждую весну сбрасывать их? Все выпили.

—Как ее татары пьют,— поморщился Гурик.

—Боча, так она к тебе просто неровно дышит, хотела видеть тебя почаще, быть может, сына родить?— Спросил повеселевший Басмач.

—Ты чего, дурак что-ли? Думай что говоришь! Там такая скотина...— Бочкарев надулся.— В гроб краше кладут. Чудовище, одно слово. Щеки во,— Бочкарев показал какие щеки.— Семь быков не обойдут.

—Басмач, давай, работай. Между первой и второй— перерывчик небольшой.— Отец пихнул соседа. Басмач разлил.

—Отец, там тебя чего-то на вахте искали, натворил что-то?— Спросил Бочкарев.

—А чего искали-то?

—Откуда я знаю. Иду я сегодня с института, с тарой уже, на вахте Матвеевна стоит, про тебя спрашивает. Говорит, пусть мол, на вахту зайдет.

—Да пошел ты, у меня с ней давно уже заноз не было. Чего

я ей понадобился вдруг? Надо будет, сама найдет.— Отец думал, что это шутка. С комендантом у них была давняя любовь...

Когда Отец два года назад пришел устраиваться в общежитие, у него состоялся очень неприятный разговор с комендантом. Говорит, мол, Нина Матвеевна,пусти меня в свою общагу. Она ему: знаю я вашего брата. Будишь со своими друзьями водку пьянствовать, да безобразия учинять. Рядились, они рядились, так и непустила она Отца. Он тоже, чтоб в долгу не остаться, послал ее, куда редкая птица долетит даже до середины. На том и расстались. Потом через деканат, через знакомых, правдами и неправдами устроился Отец в общагу, а злопамятная Нина Матвеевна нет-нет да припомнит, куда ее в свое время Отец рекомендовал.

—Не вру я тебе. Не веришь—спроси у меня.— Убедил Бочкарев.

—Ладно, пойду, проверю.— Отец встал из-за стола.— Но если ты наврал мне, я тебе тогда полные штаны горчицы насыплю.— Хлопнула дверь.

—Давай тяпнем, пока Отца нет. Лишний рот хуже пьяного немца в танке.— Бочкарев поднял рюмку, все чокнулись и выпили.

—За что пили то?— Спросил Гурик.

—Не груби.— Прорычал Бочкарев.

Отец спустился на вахту. За столом вахтерши не было. Постучав кулаком по столу, Отец произнес:

–Hallo, anybody home?

Откуда-то из закуточка показалась вороватое лицо старушки.

–Я тебе постучу, я тебе постучу, по лбу себе постучи, чего тебе надо, опять пьете.– Затараторила вахтерша.

–Уймись, старая, чего меня видеть хотели?– Отец не был любителем любезничать с вахтершами. И старухи не очень чаяли Отца.

–На вот, телеграммка тебе...– Сказала старушка и нырнула под стол.

Не наврал, подумал Отец.

«Позвони домой срочно Дэн», прочитал Отец. Дэн был его родной однойцевый близнец. Народ зубоскалил, предполагая, что у Отца и Дэна одно яйцо на двоих. Эта шутка была настолько избитая, что достаточно сильно злила Отца.

Мелкими шажочками по спине побежал страх, царапая кожу своими мелкими коготками. Больше всего на свете его беспокоила семья: мать и брат. Ничто так не могло его встревожить, как неудачи брата или огорчения матери.

Предчувствие беды заставило его пулей влететь в комнату, собраться, захватить междугородные жетоны и выскокить из общежития.

Он очень торопился. Волнение путалось в ногах, мешая идти. Почтовое отделение, междугородные кабинки. Отец остался наедине с бездушным автоматом. Телефон сыто чавкнул, глотая жетон.

Длинные гудки, и он слышит голос:

– Чиво?– Вызывающую интонацию брата не спутаешь ни с чьей.

– Что случилось?– Выдохнул Отец.

– А, это ты, бродяга, здорово, как твое ничего?– Дэн был весел. Это несколько успокоило Отца.

– Нормально, как у тебя? Здорово.

– Чего звонишь?– Спросил брат.– Деньги кончились?

– Иди, ты... Что хотел сказать? Говори быстрее, у меня жетонов мало.– Отец торопился.

– Ладно, не кипятись. Что хотел сказать– скажу. Это.., я к тебе на выходных приеду с подругой. Водки попьем, да и я там дела еще свои поделаю. В субботу будем, сиди дома и жди. Еды вам, голодранцам, привезу.

– Океу, буду ждать. С матерью все в порядке?

– Маман весела, как стрекоза, шлет тебе привет...

– Ей тоже. Она дома? Дай ей трубку.– Попросил Отец.

– Нет, ушла куда-то, что ей передать?

– Передай, что мой брат– имбицил, и еще сто рублей.– Захохотал Отец.

– Я тоже соскучился по тебе.– Сказал Дэн.

– Я то думал, что случилось что-то, бежал, как лошадь раненая. Ну, ладно, пока, до встречи...

– Давай, ариведерчи.– Дэн положил трубку.

Короткие гудки, и вскоре Отец снова сидел за столом у Бочкарева.

–Да, братец звонил,— Отдышавшись, объяснил Отец свое долгое отсутствие.

–Родной?– Спросил Бочкарев.

–А какой же?

–Отец, поведай, у кого из вас яйцо, у тебя или у братца?–

Засмеялся Гурик.

–Вот он придет– покажет.

–Когда придет?– спросил Басмач.

–В субботу.

Глава 2.

Гулким эхом в голове отозвался звон будильника. Как ненавидел в этот момент Отец это треклятый будильник, этот бесконечно долгий институт, этого Бочкарева с его ненавистным зачетом и его неизменным финалом. Он ненавидел всех преподавателей, ненавидел соседей, ненавидел кота, который сейчас станет орать.

–Басмач, я тебя ненавижу.— Прошипел он.

Соседи его зашевелились на соседних койках. Они тихо постанывали и проклинали друг друга, а больше всего Бочкарева. Не остались без внимания и преподаватели, институт и конечно это неприветливое раннее утро, которое гнало их из теплых кроватей на осеннюю стужу.

–Отец, закрой рот, меня и так тошнит, ты такой ароматный в это чудесное утро.— Заскрипел Басмач.

—Что-то во рту у меня сегодня не свежо, будто кот наследил. Мойша, хулиган, у тебя же есть чашка.— Проскрипел Отец, едва ворочая сухим, как щетка, языком.

Кот услышал, что его зовут и замяукал. Ему очень хотелось есть.

—Если бы Мойша...— Сказал Басмач.— Мне не было бы так обидно. Это все Гурик.

—То в традициях твоего народа нетрадиционными способами показывать свое расположение. Ты бы не болтал. Кстати, Басмач, я тебе говорил, что я тоже тебя ненавижу.— Гурик поднялся с кровати и закурил.

—Да, Гурик, это очень кстати...— Басмач поднялся.— Давай в институт не пойдем.

Кот уже не мяукал. Он рычал. Черный, как смоль кот ходил, подняв хвост, и терся о ноги, не давая прохода. Мойша считал, что трехразовое питание (понедельник-среда-пятница) слишком мало для кота, однако, даже если он и был прав, то над этим никто не задумывался всерьез и надолго. Дело все было в том, что обитатели сорок шестой комнаты сами ели не чаще.

На ту пору друзья могли похвастаться достаточным изобилием, которое, конечно, не шло ни в какое сравнение с недостатком Креза, однако и они обладали некоторыми богатствами, как то— хлеб, сахар и чай. Этого было вполне достаточно, чтобы прожить несколько дней без рези в желудке и снов, полных цыганских страстей.

Случилось пару лет назад студентам оказаться в великом затруднении, когда все продовольственные запасы закончились. Деньги, которыми их исправно снабжали родители, были оставлены в кабачках. Из съестного оставалась только мука, населенная от долгого хранения мучными червями, соль, да скользкий коричневый кусок дрожжей. Во времена благополучия с помощью этого чудодейственного вещества, сахара и подкисшего варенья, друзья добывали себе досуг и хорошее настроение.

Взаймы друзьям уже не давали, поскольку терпение кредиторов имеет странную тенденцию заканчиваться. На иждивение взять троих здоровых парней не решался никто. Оставалось только выживать самим. Кота отпустили на вольные хлеба в свободную охоту по общаге, где мышей было больше чем китайцев. Самим приходилось довольствоваться малым. Мука размешивалась на воде, и приобретала вид мутный и невыразительный. Червей, которые всплывали, удаляли ложкой, остальные, закисшие в муке, шли в пищу. Следующим шагом приготовления еды — были дрожжи. Когда опара начинала бродить, она становилась серой, как старый асфальт, пенилась и пахла так кисло, что так же кисло становилось и на душе. Ввиду отсутствия жира, друзьям приходилось накалять докрасна сковородку, затем прокисшее жидкое тесто плескать на раскаленный блин. Дальше нужно было к приготовлению пищи присовокупить всю свою реакцию и ловкость рук, поскольку месиво, оказавшееся на

горячей сковороде нужно было размешать так быстро, чтобы оно не подгорело в центре и равномерно прожарилось по краям. Иногда друзьям казалось, что в эти секунды они слышат жалобный писк маленьких и несчастных мучных червей, гибнущих в кислом тесте на жару. Затем друзьям нужно было проявить чудеса жонглирования, чтобы стряхнуть прожаренный блин со сковороды, подкинуть его, дабы он перевернулся в воздухе, и поймать сырую сторону. Гамбургер готов. Съедался он под угрюмое молчание или, напротив, под громкое стенание на судьбу, растратившую все студенческие сбережения раньше времени. Гамбургер запивался чаем, который имел свою особенность: в нем не было сахара, как, впрочем, и заварки.

После нескольких дней изнурительного поста трое друзей решили, что дальше так продолжаться не может. Нужно найти решение, которое бы обеспечило студентов мясом. Про сахар и заварку в тот момент никто не вспомнил. Решено было отловить несколько голубей, которых на крыше общежития водилось едва ли меньше чем мышей. Дождавшись вечера, когда птицы возвращались на крышу после кормежки, друзья, вооружившись фонариком и палками, отправились на чердак. Они поднялись по дрожащей металлической лестнице к чердачному люку, и, набравшись духу, приоткрыли его. Скрежет, который издал люк, мог быть сравним только с паровозным гудком или ревом самолета. Было бы очень нескромно рассчитывать, что голуби его не услышат.

Когда друзья поднялись все-таки на чердак, свидетелями их неудачной охоты были лишь перья, которые еще несколько минут кружили в воздухе, да огромные кучи голубинового помета. Утешив себя мыслью, что голубь— птица мира, друзья, низко опустив головы, вернулись в свою комнату. Голубиная охота терпела фиаско.

Гурик предложил съесть какого-нибудь пса, которого получится поймать на улице. Решающим аргументом против будущей жертвы оказался авторитет корейской кухни. Друзьям очень хотелось мяса, поэтому было на время решено объявить мораторий многовековой дружбе человека и собаки. Выйдя на собачий лов, друзья были очень неприятно удивлены отсутствием какого-либо пса, которых было не мало в окрестностях общежития. Не было ни дворняг, ни потерявшихся породистых кобелей. Убив пару часов на поиски жертвы, друзья, не солоно хлебавши, вернулись к остывшему очагу, утешая себя тем, что дружба человека и собаки все-таки, не смотря на их усилия, оказалась незыблемой.

А на другой день в гости к ним приехала мама. В ее сумке оказались и сыры и колбасы, окорока и копчености, разносолы и сладости. Мамино сердце чувствовало, что ее сын хочет кушать.

—Соберись, тряпка,— лягнул Отца Гурик.— Пошли, нас ждут великие дела...

—Сейчас, впереди планеты всей.— Проскрипел Отец, встал и побрел смыть с себя следы вчерашней удачи Бочкарева.

Умывшись, попив чаю, друзья вышли в дождь.

Занятия проходили на другом конце города, в недавно открытом учебном корпусе, в котором ранее был продовольственный склад времен гражданской войны, позднее был детский сад. Когда же детские жизни оказались под угрозой из-за аварийного состояния объекта, сарай отдали студентам. Городская администрация рассудила, что им все равно нечего терять. Отец посмотрел на осеннюю сырость и серое небо, в уме прикинул, что около часа ему предстоит провести в душном и потном троллейбусе, в котором все пассажиры будут потеть и пахнуть промозглой осенью. От этих мыслей на душе стало тоскливо. *Fortuna non cauda, in manus non recipere*. Пробормотал Отец, делать нечего, надо было идти, тем более он уже на улице.

Промозглое осеннее утро забиралось под куртку, скреблось и ныло. В унисон ему ныл желудок, равно как и прихвостень его, имя которому – привратник. Сократившись, он подпустил к горлу вчерашние переживания и курицу, съеденную накануне. От этого на душе становилось еще печальнее. Подошел троллейбус. Не без усилий и рукоприкладства, Отец пробрался внутрь, встал в уголок и стал ожидать новой неожиданности от желудка. Этот орган – суть механизм, который постоянно напоминает о бренности нашего тела. Отец с превеликим удовольствием обошелся бы без напоминаний, достаточно было об этом лишь знать. Вегетативная нервная система тоже шалила, заставляя Отца чувствовать то жар, то

холод и неизменную злобу на монахов, что открыли божественный Аль-ко-холь.

В салоне тряслись и подпрыгивали на кочках не более доброжелательные попутчики. Настроение их было испорчено, может быть бродягой ветром, может осенью, а может такими же злобными и пахучими пассажирами. Привратник не унимался. Отца болтало из стороны в стороны, в голове ревел ураган, провоцируя желудочный рефлюкс. Отец, стиснув зубы, старался не замечать озорного настроения физиологии. Время тянулось, как реакция шахматиста, но и ему есть предел. Двери отворились, и воздух свободы и перемен ворвался Отцу в легкие. Троллейбус выплюнул его на улицу толпой пассажиров и укатился в серую даль.

Отец, едва передвигая ноги, поплелся к серому полуразвалившемуся зданию, не разбирая дороги, прямо по лужам. Хотелось спать, а больше всего хотелось забраться с головой в прохладную синюю воду бассейна и пить и пить воду.

–Отец, оглох что ли?– Кто-то схватил его за плечо.

–Седуня, ты резкий, как понос, не тронь меня.– Вежливо попросил Отец.

–Уже осень, а ты все зеленеешь.– Седой тоже любил позлословить.

Он учился с Отцом в одной группе, и, как Отец, не был аскетом, мирские перипетии не были чужды ему.

–У меня биохимическая травма. А ты, Седой– бездушная скотина.– Констатировал Отец.– Так меня трясги. Можно и

Богу душу отдать.

–Что за праздник?– С участием спросил Седой.

–Первая среда на неделе.

–Ну, правда?– Не отставал Седой.

–Бочкарев, наконец, сдал вчера свой зачет,– вздохнул Отец.– Остальное ты знаешь.

Седой, веселый паренек с бесцветными волосами, был продукцией местного пошива, домашний, как было принято говорить в ту пору, однако в общагу заглядывал, и занятие это очень любил. Ему было известно, кто такой Бочкарев и его извечная проблема с зачетами. Седой также знал, чем заканчиваются его попытки получить заветную роспись в зачетке, и как-то даже сам был участником одного из таких вечеров с открытыми дверями.

–Понятно, а ты радовался его успеху?– Спросил Седой.

–Точно.– Ответил Отец.

Ветер завыл, пытаясь пробраться к нему в самое нутро. Отец глубже закутался в свой воротник.

–А я вчера даже пробки не нюхал.– Завидовал Седой.– Хотя мысли были кое-какие.

–Зато я вчера выпил больше, чем мог, но меньше чем хотелось.– Отец поморщился.– Приходи сегодня, я думаю, к вечеру будет продолжение банкета.

–May be.– Сказал Седой.– Дожить до вечера надо. А Лёха с вами был?

Лёхой звали их одноклассника Серегу. Он был завсегда

всех общаг, побратимых единым сословием студенчества. Его внезапные появления в студенческих общежитиях могли быть объяснено если не чудом, то исключительным чутьем на праздники. Будь то день рождение или сдача зачета— Леха тут как тут. Он никогда не получал официальных приглашений, поскольку и без них прекрасно обходился.

—Слушай, вот кто погоду испортил— Лёха, его не было вчера с нами. Сегодня быть ему побитым.— Кивнул головой Отец.

Осень плевалась мелкими брызгами во все стороны. Еще совсем недавно было лето, а теперь солнце скрылось за эти вечные тучи и не стало радости в жизни.

Отец с Седым подошли к серому зданию, спустились в подвал, где в неприглядном уголке, едва освещенном тусклой желтой лампой, ютился студенческий гардероб. Переодевшись, друзья поднялись в свою аудиторию. Группа была уже в сборе.

—Привет всем,— Поздоровался Отец.

—Хай,— сказал Седой.

—Здорово,— поздоровалась группа.

Леха сидел на своем месте и листал толстую книгу. Гладко выбритый и аккуратно расчесанный, он производил впечатление самодостаточного и трезвомыслящего человека, полностью погруженного в самообразование и в постижение таинств трудной науки.

—Лёха, это ты, пес, погоду испортил?— Спросил Седой.

–Хватит! Моя печенка скоро уйдет от меня к другому. Я дал ей выходной.– Лёху было не так просто поймать впросак. К подобным шуточкам он привык и был всегда готов ответить тем же.

–Профессора не было?– Спросил Отец.

–Был и просил тебе передать, что спросит тебя первого.– Ответила группа.

–Серьезно!– Попросил Отец.

–Да нет, сейчас придет.– Ответила Катя, которая не отличалась особенным чувством юмора.

Группа была невелика. Всего было тринадцать человек, из них пятеро– парни.

Эта перспектива Отца не радовала. Может отпроситься, думал он. Нет, не выйдет. Лицо помятое, словно старая протыня. Профессор догадается, потом боком выйти может.

Его подруга сидела невдалеке. Они уже четыре дня были в ссоре. Пусть продуется, думал Отец. Мать тоже Отца не замечала. Еще посмотрим, на чем огороде свиньи толще, думал Отец, все равно прибежишь, Отец считал, что лучше день подождать, чем два просить. Эта тактика работала. И Мать тоже это знала, что, в конечном счете, она проиграет, однако женское упрямство не давало делать ей правильные поступки.

–Сашка, фу, это от тебя такое амбрэ?– Алена Ивановна, одnogруппница, помахала перед собой ладонью.– Вечер в духе а-ля фуршет?

–Нет, вчера мы сидели,– Ответил Отец, вспомнив вчерашнее. Его чуть не стошнило.– А потом лежали...– Добавил он сухо.

Группа встала, приветствуя преподавателя. После дежурных «доброе утро, садитесь», все приняли физиологическое положение. Профессор пустился в пространные объяснения новой темы и изредка допытывался страждущих, а такие всегда найдутся. Лёха сегодня был омерзительно трезв, Нинка, что приходила на экзамены в резиновых папиных сапогах, готова в бой в любую минуту, да и Седой сегодня был способен закрыть своей грудью Отца. Можно было надеяться, что его не спросят и его вчерашний досуг «а-ля Бочкарев & зачет» останется тайной для преподавателя. Мерный шум аудитории, прерываемый, изредка смешком, убаюкивал Отца. Он сложил на стол руки, склонил голову, прикрытый спиной своих собратьев по учебе, и задремал. Мало помалу Отец начал сползать под стол и пришел в себя, наконец, когда рука свалилась со стола. Сидевший рядом Борода толкнул своего соседа в бок локтем и прошипел:

–Чего ты делаешь? Сиди смирно. Он и так на тебя смотрит постоянно.– Борода кивнул краешком подбородка на профессора.

–Борода. Плохо мне. Не лезь под кожу.

Бородой называли человека, который своим видением мира поражал все здравомыслящее студенчество. Иногда он видел летающие тарелки, которые залетали к нему в комнату,

пока его не было дома. Порой он созерцал внутренним оком движение своего покровителя— Меркурия, который время от времени занимал разрушительный градус на небосклоне. Он любил беседовать с духами, давно ушедшими в мир иной. При этом он садился в позу лотоса, медитировал и попивал пиво, которым запасался заранее. С его слов духи с ним разговаривали, давали советы и руководства к действию. А когда они были в особенном расположении духа, то нет-нет рассказывали своему слушателю свеженький анекдот из потустороннего мира.

Однажды он наяву повстречался с пришельцем из неведомой галактики, когда поздно возвращался в общежитие с какой-то хмельной пирушки. На утро след первого официального контакта с далекой цивилизацией синевой светил под глазом. Борода пояснил, что они с пришельцем не сошлись во взглядах на проблему сотворения мира, посему у пришельца очень испортилось настроение и он волею мысли поднял кровяное давление в периорбитальной области своего собеседника. Рассказывая про свою немыслимую встречу с пришельцем в темном переулке, Борода придерживал челюсть, словно она ныла зубной болью.

Иногда Борода распевал песни, которые с его слов к нему снизошли от Кришны во время его ночного бдения в нирване. Он рассказывал, что Вишну, правая рука Кришны, очень забавный парубок, и что Борода с ним коротал время в тенистых дубравах, попивая божественный нектар и портвейн,

дожидаясь аудиенции верховного бога. Борода посещал нирвану, словно работу. Раз в неделю— другую, перебрав с дешевым вином или водкой, он отправлялся в нирвану, где Вишну вел с ним беседы о прекрасных женщинах и трансцендентальных воплощениях. Иногда Вишну выходил из себя и бросался в гурий оливковыми косточками и пластиковыми бутылками. Борода благосклонно не замечал чудачеств многорукого бога, поскольку был его гостем.

Однажды Бороду волею мысли занесло на Тибет, где он вошел в контакт с астральным телом ламы. Лама ему поведал, что скоро на него снизойдет великое блаженство. В тот же вечер Борода на улице нашел бумажную купюру, которую в бакалейном отделе променял на приготовления к хвалебной мессе в честь Вишну, чем очень обрадовал своих соседей и получил пропуск в нирвану.

Накануне вечером в хмуром небе он увидел сияющий образ Аристотеля и решил остаток суток провести над толстыми учеными томами, потому как был убежден, что древний философ явился к нему предупредить, что завтра на занятиях профессор попросит его рассказать, как он постиг новую тему.

Борода сидел в напряжении, ожидая своего звездного часа. Отец был не в силах наблюдать за ним и снова погрузился на стол.

Короткий перерыв на перекур, снова занятие. К желудочному спазму присоединился тремор и гиповолемиа. Можно

было подумать, что сама физиология человеческая восстала против страдающего жаждой студента, стараясь низвести его в могилу. Хотелось чертовски пить. Отец для себя решил, что он, наверное, отдал бы палец на ноге, чтобы немедленно вволю напиться. Он представлял холодную прозрачную влагу, льющуюся из ржавого крана. Он даже слышал звук воды, разбивающейся об эмалированное покрытие раковины. От этого жажда становилась еще более мучительной.

За окном бушевал день, ветер немного стих, капли стали меньше, тремор приобрел крупноволновый характер.

—Седой, спорим, что у меня сейчас гемоглобин— двести тридцать.— Толкнул Отец своего соседа в бок, надеясь на сочувствие.— Как бы я хотел стать раковиной и вволю напиться.

—А я готов спорить, что в твоём пиве крови нет.— Шепнул Седой.

—Глумишься? Отставить разговорчики в строю.— Проскрипел Отец.

Рассуждения профессора были такими кривыми и витиеватыми, как мысли у политика, это злило Отца еще пуще. Ему казалось, что преподаватель говорит сегодня слишком громко, как радио в коридоре.

—Ох, что ж я маленький не сдох.— Прошипел Отец.

Кто-то рядом прыснул в кулак. Шепоток пронесся дальше, там раздался смех, кто-то засмеялся громче. Вскоре вся группа падала со смеху. Было похоже на то, что Отец не слишком тихо стонал на свое бедственное положение. Про-

фессор снял с носа свои огромные, словно телескопы, очки и аккуратно отложил их в сторону. Очи его сверкнули ослепительным гневом, брови насупились, ноздри раздулись, словно у бычка на фиесте. Он встал и подошел к нерадивому студенту, который отказывался постигать его необычайно важную науку. Он взял Отца за шиворот и развернул лицом к себе. Кара последовала незамедлительно:

—Яшин, на выход с вещами. Придется, батенька, отработать тему. Мало того, что пришел с запахом, так мешаешь вести занятие.

Отец взял под козырек— с профессором лучше не спорить, от двойки не отделаешься, а таким подарком судьбы, как свобода нужно пользоваться по полной программе. Обидно было лишь за половину занятия, которое пришлось отсидеть. Новых знаний за это неприветливое утро Отец не приобрел, однако он явился в институт, это ему плюс, потому что пропуск оногo считался серьезным нарушением устава ВУЗа.

Внизу в подвале на него накинута куртка. А на улице его уже ждал дождь. Мелкими капельками он показывал, как ему дорог страждущий влаги студент. Он растекался по нему, бегал и веселился, заливался за воротник и целовал ему спину. Отец подставил небесной воде лицо и несколько мгновений наслаждался прохладой мороси и нежного прикосновения универсального растворителя к коже.

Дождавшись своего маршрута, Отец сел на троллейбус. В это время он был полупустой и не такой веселый, как пару

часов назад, пусть и бежал вприпрыжку. Запах пота и утренних злобных настроений испарился. Доехав до своей остановки, Отец вышел и остановился на тротуаре, прикидывая в уме, чем бы заняться. Унылый парк, раскинутый вдоль общежития, был хмур и сер, к тому же ветер и дождь не располагали к отдохновению и самосозерцанию, сидя на низких деревянных скамеечках. Фонтан угас, и лишь жалкие ржавые трубы мокли в осенней сырости.

Шлоссбург— вот что поможет исправить синдром отмены и, если повезет, подарит компанию. Отец пригнулся и сошел в темное подвальное помещение, оборудованное под пивной ресторанчик.

—Аллах услышал наши молитвы, счастье спустилось в нашу долину.— Поднял руки вверх Отец.

В тусклом полумраке бара, освещенном лишь падающим светом от двери, за маленьким столиком, сидели два парня. Сэмэн и Малыш. Они царственно потягивали пиво из огромных кружек.

—Хлеб да соль.— Широко улыбнулся Отец и протянул парням руку.— Здорово, кормильцы.

—Ем свой.— Буркнул Малыш.

—Здорово Отец, без денег?— Спросил Сэмэн.

—У кого есть верные друзья— тому деньги ни к чему.— Кивнул Отец.

—Возьми,— протянул Малыш бумажку,— поправься.

—Страна будет вечно помнить своих героев, Малыш.— По-

благодарил Отец.

–А что ты так рано здесь делаешь, а, дружище?– Спросил Малыш.

–Тоже что и ты. Лечусь.– Ответил Отец.

–А что, в школу не модно теперь ходить?– С участием спросил Сэмэн.

–Был я там, ничего нового!– Пожал плечами Отец.

–Выгнали?– Спросил Малыш, поднимай взгляд от густой пивной пены.

–Точно! По лицу заметно?

–Да... Вид у тебя действительно сегодня... Да ничего, третий сорт не брак.– Махнул рукой Сэмэн.

–Спасибо, Сёма, ты меня утешил.

Вскоре они уже втроем распекали это ненастье, которое сквозь хмурые тучи сыпало на землю мелкий дождь. Помянули институт, пожаловались на безбожных преподавателей, которые забыли, что когда-то сами были студентами. Вспомнили и дом родной.

–Ты, Отец, давно ли на родине не был?– Поинтересовался Сэмэн.

–Да как приехал летом еще, так и не был. Одна радость– скоро должен брат приехать. Звонил вчера.– Ответил Отец и улыбнулся, вспомнив близнеца.

–Дэн? Это хорошо.– Кивнул головой Сэмэн.– Хороший парень. Язык у него острый, как турецкая сабля. В жизни пригодится. Малыш вон, здоровенный, как памятник Лени-

ну, а бессловесный. Каждый его обижает.

Сэмэн кивнул на сидящего рядом товарища. Малыш, огромный, как сивуч, склонился над столиком, мутными глазами рассматривая пену, что плескалась на дне кружки, и, соглашаясь с рассказчиком, закивал головой, словно китайский болванчик. Отец для себя однажды вывел закономерность распределения IQ, в зависимости от вегетативной массы тела и объемом черепной коробки. Большой бодибилдер, сидящий рядом, был до ста двадцати килограммов водоизмещения, при этом не мог похвастаться Сократовским лбом или Тургеневской черепной коробкой. Посему, можно себе предположить, что коэффициент IQ, даже рассчитанный приблизительно, был не в пользу Малыша. Нравом он был кроток и покладист, потому был серой лошадкой для всех, кто собирался на нем прокатиться. Однажды он битый час выпроваживал непрошенных гостей, ошибившихся номером комнаты, пока один из посетителей не ударил Малыша. Секунды через две, после надтреснутых вскриков, два тела оказались выброшенными из окна второго этажа.

Землистый полумрак зала заставлял забыть о скоротечности жизни. В воздухе замерло мгновение, и, казалось, все на свете остановилось. Хотелось думать, что выйдя отсюда весь мир застанешь таким же, каким оставил его спускаясь в подземелье. У барной стойки слышна была песня какой-то певички, которая в слезных выражениях и детским косноязычием ведала миру, как ее непростительно бросили на произ-

вол судьбы в этом жестоком мире. Бармен белым полотенцем протирал вымытые кружки, девочки в засаленных передних сустились меж столов, оттирая их от посетителей.

Тусклое освещение заставило зрачки расширяться, от этого лица обрели красный оттенок. Длинные тени, протянувшиеся от двери и упирившиеся в заднюю стенку, казались в этом душном полумраке черными кляксами, оставленными неким гигантом, учившимся писать пером.

Скоро приедет брат, подумал Отец. Он очень соскучился по своему близнецу, с которым до поступления в институт не разлучался и на день. Это человек, который был Отцу так же дорог, как и мать, которую он любил бесконечно.

–И что вы с ним делать будете?– Интересовался Сэмэн.

–Сёма, фантазии мало? Что бы ты делал, если бы к тебе брат приехал?– Сказал Отец и отхлебнул пенистого пива из своей кружки.

–Известное дело.– Широко развел в стороны руки Сэмэн.

–Малыш,– позвал Отец атлета.– А ты что стал бы делать?

Малыш поднял на Отца хмельные очи.

–Вот то же самое и делал бы.– Сказал он и поднял со стола кружку, казавшуюся в его руках детской игрушкой.

–Вопросы еще будут?– Спросил Отец, обводя взглядом своих однокурсников.– Он еды везет, так что скоро и на нашей улице будет праздник. Кот уже трое суток не ел ничего. Скоро на нас кидаться будет. Да и мы, если честно, от него не далеко ушли.

—А что, мышей в комнате нет что ли?— Поинтересовался Сэмэн.— Кота еще кормить!

—Сёма, мышей ведь тоже чем-то потчевать нужно, а у нас нет и крошки лишней. А остатки кот давно съел.— Махнул печально рукой Отец.

Пиво подошло к концу, взяли еще по одной кружке. Дрожь прошла. Наконец и рассудок вернулся на то место, куда ему по штату природой быть положено. Отец с облегчением вздохнул. Как хорошо, думал он, что кто-то некогда придумал варить пиво. Этот божественный нектар приходит на выручку всегда, стоит к нему обратиться с просьбой. Лицо Сэмэна порозовело, глаза заблестели. Малыш уныло склонился над своей кружкой, ощущая свое искреннее расположение к ее содержимому.

—А у вас что за праздник вчера был?— Поинтересовался Отец.

—А мы так просто...— Сказал Малыш.— Скучно было, вот и расслабились. Сэмэн был, я, Рыкун, да Лёха.

—Врешь! Лёха сегодня до безобразия свеж.— С сомнением произнес Отец.

—Значит, у нас у всех были галлюцинации.— Согласился Малыш.

—Ты какого Лёху имеешь в виду?— Поинтересовался Сэмен, поигрывая пеной в кружке.

—Нашего, какого же еще?— Удивился Отец.

—То-то и оно. Вашего!— Сэмэн многозначительно фырк-

нул.— Пирогов с нами был, а не ваш иждивенец.

Пирогов учился на одном курсе с Отцом, однако поступил в институт на десять лет раньше. По его глубочайшему убеждению, институт— не школа, за десять лет не окончишь. Почему старожил— студент так долго учился можно судить по тому факту, что в сумке, вместо книг и тетрадей, он носил отвертку и газовый пистолет.

—Ясно.— Удовлетворенно вздохнул Отец.— Ладно, спасибо, мужики, за здоровье и иже с ним. Пошел я. Пора...

Короткие прощания, затем серый неуютный парк с маленькими капельками дождя на скамьях и общага. Отец прошмыгнул мимо вахты, где сидела старуха самая ворчливая из всех, что работали в общежитском face-контроле. Дабы не вступать в полемику со старой вахтершей, он стиснул зубы и не стал отвечать на реплики, сыпавшиеся из беззубого рта злобной ведьмы.

На этаже слонялся Аша, наглый рыжий сорванец, родом из маленького городка Аши, отсюда и прозвище.

—Аша, дай Мойше чего-нибудь съесть, а то он уже три дня не ел ничего. Как бы не окошел.— Попросил Отец.

—Пошли у меня яйцо есть.— Ответил рыжий мальчишка.

Зашли к нему в комнату. Рыжий парень залез в холодильник и достал оттуда огромное куриное яйцо.

—Хватит?

—Пойдет.— Согласился Отец.

В комнате Отец разбил яйцо в Мойшину чашку. Кот по-

смотрел на желтую сырость, блестящую в немой посудине, макнул в нее усы и брезгливо отошел. То ли яйцо ему не понравилось, то ли сильно грязная чашка была, в общем, есть он не стал.

– У, сила нечистая! – Зашипел на него Отец. – Совести у тебя нет. Сам бы съел, да тебе даю.

Делать нечего, пришлось идти на кухню и пожарить яйцо на голой сковороде. После термической обработки, когда куриный белок обрел приятную белизну, кот нехотя съел его.

– Приедет Дэн, он тебе покажет Кузькину мать.

Еще два дня ждать брата. А есть хочется уже сейчас.

Общага скучала. Она вздыхала старыми дверьми, плакала от скуки незакрытыми кранами, всхлипывала старыми скрипучими половицами. У нее был свой характер, свои симпатии, свои страхи. Кого-то она любила, а кого-то гнала с порога. Она страдала бессонницей, и ночами шаркала ножками мышей по старым деревянным коридорам, обтянутым коричневым рваным линолеумом. Ее беззубые окна смотрели на мир, и когда улыбались, а когда и смеялись вместе с прохожими. Она видела много чудачков, но бережно хранила память лишь о некоторых из них. Она любила новых постояльцев и страшно грустила, ломаясь, когда приходилось расставаться с выпускниками. К некоторым из них она очень прикипела. Не любила она чужих, которые приходили к ней искать приключения – приключениями она их и провожала. А кто уж любил ее, того она обожала беззаветно. Ее нельзя бы-

ло обмануть, у старости своя правда жизни. А где слова— там и правда.

Глава 3.

Суббота, как суббота, ничего особенного. Точно такая же суббота была неделю назад. Сегодня не нужно было идти в институт— профессор сжалился: старший курс все-таки.

Кто придумал учиться в субботу? Видимо это был старый выживший из ума бывший студент, который к своим девяноста годам нажил себе маразм, несварение желудка и бессонницу, не дающую ему покой ни днем, ни ночью. Учиться в субботу равносильно быть счастливым в понедельник. Суббота и учеба— две несовместимые категории, как аппетит и студенческая столовая. В субботу никто не научился ничему, хоть сколько-нибудь значимому, и это не случится никогда. Однако суббота и учеба, несмотря на всю диаметральность своей сущности, добавляет в жизнь студента некую фееричность и предпраздничное настроение, словно ожидание Нового Года после посещения деканата. В субботу, вдруг, посещают новые идеи, завязываются новые знакомства, рождаются планы, которых еще вчера, в пятницу, не было. Сознание того, что скоро, после занятия, начнется настоящая суббота с музыкой, девчонками и лесом, и продлится она до самого понедельника, заставляет сердца биться с особым трепетом. Субботу, одну от другой, можно отличить лишь тем

учился студент или нет. Если нет— счастье великое. Если да— что ж, бывает горе и хуже.

Удивительно устроен студент. Он поступает в институт для того, чтобы учиться, и бывает безмерно счастлив, когда он лишен этого удовольствия. В субботу, когда великая страна страдает похмельем, студент, насмехаясь над вековыми традициями, берет свою суму и бредет стопами Михайлы Ломоносова в свою Alma Mater, чтобы делать вид, будто пришел учиться.

Человек становится студентом лишь однажды. В этот миг, почему-то, не гремят грозы и не бушуют ураганы, хотя это было бы весьма кстати. Стоит бывшему школьнику обзавестись зачетной книжкой и старым продавленным матрасом, населенным бесчисленными стадами клопов, в общезжитии, как жизнь его меняется кардинально. Он обретает привычки, которые еще неделю назад ему казались порочащими высокое звание студента. Его перестают понимать родные и близкие, от него отворачиваются старые подруги, его начинают опекать, будто больного щенка. Студента это забавляет, и он старается вынести из этой ситуации максимальную для себя выгоду.

Стоит нормальному человеку стать студентом, он меняет интерьер в своей комнате, он начинает клеить на стенах плакаты и изречения великих мира сего с двусмысленным содержанием. Он начинает виртуозно лгать, особенно это наглядно в сессию. Студент всегда голоден, сколько его ни кор-

ми. Через день он пьян. Его можно встретить в окружении девиц, не отличающихся особыми добродетелями, которые сами недавно стали студентками.

Мозг недавнего школьника, а ныне студента, начинает работать в плоскости, которая не укладывается в описание Евклидовой теории пространства. Его умозаключения и выводы не всегда шокируют окружающих, поскольку полет его мысли гораздо дальше, чем может в себя вместить мозг обычного нормального человека. Студента очень трудно понять, это осложняется и тем фактом, что студент не всегда хочет быть понятым, поэтому он, сам того не ведая, вносит сумятицу в головы его родственников и ближайшего окружения. Он приобретает себе друзей, таких же студентов, которые оказались вычеркнутыми из обычного течения жизни. Когда студентов много, это место называют институтом. Там нечего делать обычному нормальному человеку, чтобы не осознать себя ничтожеством, не понявшим жизнь. Однажды студент перестанет быть студентом. Он окончит институт и превратится в обычного человека, не способного понять своего бывшего собрата— студента.

Басмач варил что-то на кухне. Гурик еще лежал в постели. Отец тыкал кота мордой в лужу. Тот уже начал привыкать к этой нехитрой процедуре. Примерно раз в два-три дня он подвергался подобной экзекуции. У Мойши были другие представления об эстетике: он не видел особого резона, справлять физиологические отправления в чашку. Быть мо-

жет, ему не нравилась сама чашка, а может, не нравилось облегчаться лежа под шкафом.

Чашка, к которой Мойша был приписан, находилась под старым платяным шкафом, чудом уцелевшим со времен Великого Потопа, который его хозяева величали «шифоньером». Когда кот был маленький, он без особого труда пробирался в нее, но злое время и закон природы заставили Мойшу вырасти, и в добавок ко всему к былым неприятностям добавилась проблема несоответствия габаритов животного и свободного пространства под шифоньером. Несчастному коту приходилось, напрягая все свои мускулы, прибегать к природной гибкости и влезать в чашку, ограниченную сверху бездушным шкафом, чтобы не быть битым. Иногда, во дни смятения и плохого настроения, кот выказывал свое небрежение к правилам, установленным для него обитателями сорок шестой комнаты: он повадился присаживаться под кроватью Басмача, чем вводил его в дикое исступление. Басмач пытался менять свое положение в кровати, чтобы запах, исходящий из-под его ложа, не был столь мучительным, однако Мойша игнорировал попытки своего соседа остаться непричастным к ферромонам, которые кот так щедро высвобождал из своих недр.

Выходец из Кавказа, дабы не остаться в накладе, оскорблял кота поминанием его матери, как очень непристойной и похотливой кошки, доступной всем окрестным котам. В силу своей молчаливости и кротости нравов, кот не отвечал на

оскорбления, однако не забывал посещать то место, где Басмач клал голову на подушку.

Крайним оставался лишь Отец, который выступал и посредником в этом великом противостоянии двух биологических видов; и миротворцем, примиряя две противоборствующие стороны; и судилищем, когда тыкал кота в свежую лужу. Басмач не касался Мойши, стараясь не усугублять конфликт, зреющий между ними. Роль исповедника он великодушно предоставил Отцу, который после исповеди и немногословной проповеди отпускал коту грехи. После причащения, кот ненадолго удалялся под кровать, чтобы вылизаться и придумать план отмщения.

Кот пыхтел, упирался лапами, фыркал, бил хвостом, однако эти доводы не казались Отцу убедительными. Извывая кота в желтой луже, оскорбив его, Отец выпустил животное с не многозначными рекомендациями и предупреждениями. Мойша помнил, как его наказывали раньше, когда он был еще котенком и без особого труда помещался между оконными стеклами. Ему стало много легче. В самом начале времен, после унижительных погружений морды в лужу, Мойшу купали полностью под краном в раковине на кухне. Банные процедуры хозяевам скоро надоели, и они стали ограничиваться только погружениями в лужу и бранью. Мойшу это устраивало.

—У, чума черная, будешь дома бедокурить?— Отец погрозил кулаком под кровать.— Получишь у меня вдоль хвоста.

Кот недовольно прищурился.

Какая у кошек судьба? Кто ответит, счастливы ли они, или напротив, обездолены? Некоторым из них посчастливится и они попадают в хорошие и заботливые руки. Другие, менее удачливые, оказываются на улице, обитая в городских мусорных баках и поедая то, что до них не доели люди. Другие бегают по подворотням и подвалам, в надежде поймать раненого голубя или нерасторопную старую мышь. Третьи живут в общежитиях вместе со студентами. Счастливы ли был Мойша? Об этом его никто не спрашивал, поскольку тот был скотиной подневольной и молчаливой. Он вместе со своими симбионтами недоедал, он бывал бит за лужи, которые оставлял в знак протеста режиму. Он бывал запертым в комнате, когда его хозяева надолго покидали его во времена праздников и веселья.

Случалось и такое, что у него болел живот от пресыщения, когда кто-нибудь из обитателей сорок шестой комнаты возвращался с побывки на родину. Иногда он попадал под горячую руку во времена сессии, когда даже отбойному молотку могло бы достаться от раздосадованного студента. Иногда он был крашен гуашью, когда хозяев посещало игривое настроение. Порой его выстригали налысо, оставляя ворс лишь вдоль хребта, чтобы повеселиться всласть.

Однажды в конце лета он появился на свет. Его черную шерстку заботливая кошка-мать вылизывала до блеска. А когда он выучился есть из миски вареную картошку, его от-

дали Отцу. Немедленно нашлось глупое имя— Мойша, которым наградил его Басмач. С тех пор он стал полноправным членом студенческого сообщества на правах брата меньшего. Меньшего не по значению, но по размерам.

—Отец, пошел бы ты посуду помыл,— крикнул, забегая в комнату, Басмач.— Уже почти все готово.

—У нас морской закон,— ответил Отец.

—По-любому тебе мыть— ты же последний питался.— Ответил Басмач.

—Я не в этом смысле,— ответил Отец. Он понимал, что посуду ему все равно мыть. Если готовит Басмач, значит ему, Отцу, мыть посуду. После трапезы дежурным будет Гурик.— Всю посуду за борт.— Засмеялся он.

—Давай— давай, сегодня же Дэн приедет, надо хоть перед его приездом убраться, да накормить его.

—Чего его кормить?— Спросил Гурик с кровати.— Он же из дому едет. Сытый, поди. Лишний рот хуже пулемета. Перебьется.

—Особенно рад будит ему Мойша. Да, кот?— Спросил Басмач.— Ты же любишь Дэна?

Кот недолюбливал Дэна. Когда тот приезжал погостить к Отцу, Мойша слонялся по комнате сам не свой. Он бросал презрительные взгляды на брата своего хозяина и нет-нет выгибал при его виде спину. Дэн жутко шипел на кота, стоило голодному животному оказаться рядом. Кот опрометью бросался под кровать и не показывал оттуда даже носа в те-

чение многих часов. Это очень забавляло Дэна, а кот, гордое независимое животное, в этой жизни ненавидел больше всего когда над ним смеются, шипят и плохим словом вспоминают его мать. Он так же ненавидел вареную картошку и спать в ногах у Дэна, когда он на несколько дней поселялся в комнате. Однажды кот решил оцарапать своего конкурента, когда он впервые приехал в гости. Этот урок коту не забыть никогда. В тот день он услышал о себе очень много непристойностей, которые касались не только его самого, но и всю его кошачью родню. После на него нашипели, загнали под кровать и облили холодной водой. В тот самый вечер кот решил стать непримиримым врагом Дэна и это чувство пронести через всю недолгую кошачью жизнь.

Когда приезжал гость, ставший камнем преткновения для кота, он поселялся на полу, который Мойша считал своим ареалом. Все что находится ниже кроватей, кот видел своим имуществом и делиться им ни с кем не собирался, пусть это будет даже сам черт или стая диких котов. Предъявив однажды свои права на пол Дэну, кот оказался униженным и решил с этим огромным и лютым зверем больше не спорить.

–Басмач, а чего ты нам сварил?– Интересовался Отец.

–Щей из семи прыщей, два покрошены, остальные так брошены. Иди, мой, тебе говорят.

Понуриив голову и захватив с собой огромную гору немытой со вчерашней трапезы посуды, Отец направился на кухню, где предстояло провести несколько неприятных минут в

обществе тусклой и облупившейся кухни, да грязных тарелок. Мыть в холодной воде засохшие пятна вчерашней еды было занятием не из приятных. Электрический ток— был платой за пользование горячей водой. Никто не знал, как это происходит, а, главное, зачем это нужно, однако факт оставался фактом: при включенной горячей воды студентов било током. С кухни нет-нет доносились яростные вскрики жаждущих теплой воды студентов. Возгласы, раздававшиеся окрест, не отличались правильностью построения фраз, да и слова, летевшие оттуда, невозможно было назвать исконно русскими.

На кухне слонялся рыжий Аша из одноименного города.

—Диски шлифуешь, Отец?— Язвил он.— Благородное занятие для сановника. Хочешь, я тебе свои принесу? Очень полезно. Труд сделал из обезьяны человека.

—Аша, тебе Мойша просил передать, что твое яйцо было невкусным, куриные, говорит, гораздо мягче, но все равно спасибо.— Парировал Отец.

—А чего вы ели из этих тарелок, сушеные галоши?— Засмеялся Аша и быстро исчез с кухни— в него летела мокрая тряпка.

—Твою бабушку,— крикнул Отец вслед удаляющемуся хвостатому куску рыжего огня.

Вскоре чистые тарелки украсили стол, вокруг которого собрались обитатели сорок шестой комнаты. В центре стола дымилась кастрюля со свежим варевом. Решили суп съесть,

не дожидаясь Дэна. Если захочет, ему можно будет разогреть отдельно.

Мойша, чувствуя запах еды, с остервенением присушим только голодному общажному коту, терся о ноги своих покровителей. Ему в чашку Гурик налил немного супа, от которого еще валил пар. Кот, не оставляя шансов неведомым похитителям украсть его миску, сел возле нее, дожидаясь, пока варево не остынет.

Вскоре был съеден обед, переиграны все пасьянсы, упомянута Танька, подруга Басмача. В этот момент все женщины мира должны были изойтись в икоте. Вспомнили родословную Басмача, не забыли помянуть Маугли. Был пристыжен Мойша. Выражений никто не выбирал, поэтому кот спрятался от стыда под кровать.

Дэна все не было. В комнату заглядывал Боцман, в надежде найти легкую поживу, и был самым нескромным образом изгнан. Перевернулись в гробу все покойники, Гиппократ вертелся волчком.

Дэн не приезжал. Были выкурены все сигареты, помянули Бочкарева, его родной город и земляков. Вспомнили коменданта общежития, Нину Матвеевну, которая на время летней сессии берет отпуск и уезжает к своей матери в деревню. Эту традицию она завела, когда после выпускных экзаменов, несколько лет назад, ее чуть не сбросили выпускники из ее вотчины. Общежитие было четырехэтажным, однако высоким. Помянули и тех, кто не смог скинуть несчастную жен-

щину, ввиду состояния крайне неустойчивого.

Брата не было.

Суббота проходила мимо, помахивая зажатым в руке весельем и серым шарфом. Где-то на улице были слышны ее шаги, они оставляли свои мокрые следы на душах у студентов и растекались по мозгу тиканьем часов. Держа под руки Осень, Суббота тихонько напевала кабацкие песенки не всегда пристойные, однако всегда разные. Ее дыхание освежало души прохожих, пусть от нее и пахло пивом да красными винами. Это не казалось пошлым. Она курила осенние промокшие листья, и это ей дарило какой-то мистический восторг. Суббота— очень легкомысленная женщина. Она не знает привязанности, она себе на уме. Никто не знает, чего она хочет, однако, каждый готов ей подыграть. С кем-то она заискивает, кого-то обливает осенней грязью, которую берет тут же. Однако никого она не воспринимает всерьез. С ней бывает весело, но, когда приходит время уйти, Суббота оставляет после себя головную боль и какие-то чужие мысли.

Дэна не было.

—Где братец твой?— Ерзал Басмач. Снова захотелось есть.

—А я почему знаю. Должен быть. Он говорил утром придет.— Отец сам беспокоился.

—Время уже не детское, может не придет?— Интересовался Гурик.

—Да нет, обещался. Сказал: в субботу приеду, ждите. Еще сказал: пусть Басмач за шнапсом слетает, пока я ехать буду.

–Шнапса ему... А сена свежего не нужно быку твоему?–
Спросил Басмач.

В дверь постучали. Ожидание несколько утомило наших друзей, появление Дэна было бы очень кстати. Отец бросился открывать дверь:

–Пшшел вон, голодранец, держите меня люди, сейчас будет смерть.– Заревел он на Боцмана.

–Неожиданный теплый прием. Это всегда подкупает.– Закрылась перед Боцманом дверь.– Я просто хотел узнать, не приехал ли твой братик.– Пропел за дверью Боцман.

–Убью!!!– Неслось следом.

Прохладный вечер охватил Отца. Тоже предчувствие беды, которое он ощутил, читая телеграмму, сверлило ему мозг. Мозолистое тело немного сопротивлялось.

Та же кабинка, тот же закормленный за день телефон–автомат, такое же чавканье, как несколько дней назад, гудки.

–Привет, мам, как дела, узнала?

–Привет, узнала, ничего себе, как твои?– Голос матери ободрил Отца.– Уже гуляете?

–С чего ты взяла, мы вообще не потребляем ничего. Никогда!

–Ладно, сказки сочинять, то я студенткой не была никогда. Как Димка доехал?

–Нет его. Когда он уехал из города?

–Утром, часов в восемь.– Голос матери задрожал.

Отец прикинул в уме: уехал он в восемь, четыре часа ходу

на машине. Пусть с остановками еще час, значит, у меня он должен быть где-нибудь около часа дня. Даже если он прокатился перед дорогой по друзьям, даже если немного попутал по незнакомому городу, все равно он должен быть здесь около пяти часов назад.

–Что же случилось?..– Запричитала мать.

–Ма, ты главное не переживай, может еще приедет, по друзьям позвони, может, загулял где. А лучше Аленке позвони, точно он у нее.

–Ну, как же, я денег тебе передала, записку, куда он мог уехать?

–Ты Аленке позвони. Он говорил, что вместе с ней ко мне приедет.

Не помня себя, Отец вернулся в общагу. На пороге комнаты он услышал голоса, но сразу не узнал их. Толкнул дверь:

–Здорово, Лелик, как домой съездил.– Спросил Отец мимоходом.

Лелик жил с Отцом в одном городе, однако в особых друзьях не ходил ни на родине, ни в институте. Погруженный в свои мысли и переживания, Отец даже не удивился, что Лелик заглянул к ним. Такое случалось редко. Лелик пожал Отцу руку.

–Отец, к тебе Димка должен был приехать?– Спросил он. Отец кивнул.– А машина же у него– Форд старый, да?– Продолжал допрос Лелик. Он несколько раз видел Дэна.

–528 ВАМ номер у него, а что?– Тревога росла.

—Слушай, Отец, мне неприятно говорить тебе это, но, кажется, это Димкина машина разбилась там.— Лелик замолчал, теперь Отца черед говорить.

—Где?— Отец широко раскрыл глаза.

Отец все видел как в тумане. В голове полыхнул пожар. Они всю свою жизнь были вместе, и ни разу им не приходила в голову мысль, что с братом может что-то случиться. Казалось, что брат и мать— вот две самые постоянные категории. Может разрушиться мир, но с ними ничего не может произойти.

—В Кичигинском бору. Там небольшой мосток на повороте есть. Он или заснул или дорога скользкая, одним словом он с моста вылетел, и в сосну...

—Лелик, скажи, дорогой, что ты пошутил. Это очень скверная шутка. Скажи, что шутка. Я тебя прощу.— Отец схватился за голову руками, и медленно сползал на пол, приклонясь спиной к двери.

—Не шутка. Отец, только Димки там не было, ни крови, вообще ничего, будто в машине никого и не было. Машина вся всмятку, стекла... Двигатель в салон вошел, а тел нет. Гаишников куча, они сами удивляются, что в машине нет никого.

—А Аленки, подружки его, не было? Может, ты просто не заметил?

—Да никого там не было, я же говорю: ни крови, ни тел, вообще там нет ничего, кроме тачки и стекол.

–Лелик, слушай, ты на колесах?– Вскочил Отец.

–Отец, я знаю, о чем ты подумал, только, послушай, сейчас уже темно, дорога скользкая, отсюда двести верст, мы сами разбиться можем. Я, если честно, уже устал, за рулем заснуть могу, погублю я тебя.

–Лелик, кормилец, выручай, я сейчас помру, давай съездим, я тебя заправлю, будь другом. Лелик...

–Отец, слушай, сейчас один черт ты ничего не увидишь, а завтра на рассвете поедем. Обещаю. А то и сами богу души отдадим.

–Говори про себя, Лелик,– сказал Отец,– я собираюсь жить вечно.

–Значит договорились?– Спросил земляк.

–Только не подкачай, во сколько приедешь, ждать тебя?

–Часов в восемь утра, я за тобой зайду...

–Давай пять, Лелик, ты точно приедешь?

–Мужик не баба, мужик сказал– мужик сделал!– Хлопнул себя в грудь Лелик.

Скрипнула дверь, провожая Лелика. Дверной замок всем сообщил, что никого не пустит. Говорить не хотелось, молча соседи разбрелись по койкам, одежда заняла свои позиции на стульях. Все знали, в такой момент хороших слов не найти, молчание будет лучшей поддержкой, тем более Отец знал, что его соседи переживают смерть брата, только по-своему. Кто-то сказал, что смерть-это не самое худшее в жизни, хуже может быть только разочарование. Когда теряешь

веру— теряешь самого себя, весь мир, всю вселенную. Но брат... В чем его вина? Говорят, что самые лучшие люди уходят от нас в молодости. Может быть это так, но это— плохое утешение.

Отец лежал в темноте. Слезы катились из глаз, а он лежал и думал, что не гоже мужчине реветь, как корове. А предательская вода катилась ручьями по щеке.

Брат. Димка. Дэн. Сколько себя помнил Отец, его брат Дэн всегда был рядом. Они вместе дрались за пригорком в овраге с мальчишками из других дворов. Они вместе с братом резали из кустов сирени рогатки и вечером, когда стемнеет, приходили к школе навестить директорский кабинет с огромными черными блестящими стеклами. Они вместе катились на санках с горки, что была насыпана во дворе, играли в «Царя Горы», сбрасывая своих друзей с заснеженной вершины насыпи. Они вместе, взявшись за руки, ходили в школу, даже синяки, что не сходили с них годами, имели определенную симметрию.

Перед глазами промелькнула вся жизнь. Отцу вспомнилось, как он с Дэном ходил под окна к девочке, в которую с братом были влюблены. У них никогда не было ревности или соперничества. Он вспомнил пионерские лагеря, в которые они ездили с братом каждое лето. Как-то раз они встретили в лесу медвежонка, и, испугавшись, бросились от него наутек. Им было неизвестно, что испуганный молодой мишка тоже пустился назад в лес от прямоходящих обезьян. Отцу

вспомнилась та самая вишня, от которой до сих пор, по прошествии больше пятнадцати лет, нет-нет на погоду болят седалища. Еще маленьким мальчиком он с братом пробрался в дедов сад, чтобы наестся неспелой ягоды. Была ночь. Дед, не признав в похитителях своих внуков, вышел в огород с топором. На резкие окрики и угрозы дед не получил никакого ответа, не найдя более убедительного аргумента, он метнул топор в кусты, дрожащие от страха. Когда же он понял, что грозные похитители вишни— всего-навсего его маленькие внуки, он нарвал свежих хворостин и отходил сорванцов вдоль рубца. Бил больше от ужаса, представив, что было бы, если бы он не промахнулся.

Отец вспомнил и зуб, который ему выбил Дэн. Сейчас он был согласен расстаться со всеми своими зубами, да еще отдал бы в придачу зубы Мойши, Гурика и Басмача, только бы вернуть к жизни брата. Странно. Два неугомонных парня в доме, думал Отец, и никогда не дрались. Даже тогда, когда Дэн выбил ему зуб, они не стали выяснять отношения. Отец уже и не помнил, за что брат его ударил, это было не важно, но он помнил тот единственный раз, когда брат на него поднял руку. Дэн, позже, очень сожалел об этой своей слабости.

Как не хочется верить, что брата больше нет в живых. Может, он успел выпрыгнуть из машины, думалось ему, ведь тела в машине не было. Так не хочется верить в смерть брата. Может его машину угнали, значит логично предположить, что в машине брата не было. Тогда почему тела вообще от-

сутствовали? Может, брат вышел на обочину, а машина ска- тилась без него вниз? Тогда машина не была бы сильно по- мята, думал Отец. Черт его знает, может, может, это беско- нечное «может» кружило голову до одурения.

Отец заснул. Он видел себя, как он кормит немецких со- бак тестом. Огромные псы опасно скалились на него. За- тем приснилась искореженная машина. Отец присмотрелся— не такая уж она помятая: загнуто крыло, и сломан аварий- ный треугольник.

Отцу снилось, как по стене побежали зайцы. Они были разные: глиняные, рисованные, серые, пушистые. Видел и их рычащие морды. Они клацали зубами, пытаясь кого-ни- будь съесть. Появлялись они тоже отовсюду: из телевизора, что стоял напротив, из печки (в основном это были глиня- ные зайцы, но были и такие у которых прятались крылья под хитиновым панцирем). Они падали со стен и все равно за- бирались на них, продолжая свой вечный моцион к смерти. Они даже брали с собой детей, суля им сладости, заводили в подвалы, пугая пауками, оставляли их там одних. Некото- рые зайцы, вернувшись из морского путешествия, теряя го- лову от одного запаха какао, присоединялись к своим собра- тьям в их вечном движении. Они пожирали цветы, которые росли тут же на стене, и всюду раздавался хруст, стоны и скрежет ломающихся кариозных зубов о пластиковые листья только что распустившихся фиалок. Некоторые зайцы были на электрическом приводе. Хлопая палкой по барабану, они

обгоняли обессилевших, нагло смеясь, некоторых из них они били плетью и были довольны, что первыми дойдут до долгожданного финиша, успев умереть раньше остальных. Зайцев было очень много и Отец неожиданно для себя вдруг понял, что зайцы захватили нашу планету, они были всюду, на руководящих местах, притворяясь людьми, другие бегали в лесах, видимо не найдя для себя нужного пристанища. Ему стало ясно— зайцев нужно остановить!!!

Отец обернулся, посмотрел назад и понял, что он в Интернете. Глобальная паутина схватила его, унося в глубины электронного мира. Она, видимо, была ставленником зайцев. Было обидно, что его, Отца, так просто захватить. На лице вдруг появились отеки, стало труднее моргать. Веки не давали смотреть на проносящиеся мимо сайты. Отец понял, что выбраться из Интернета будет нелегко. В голове стоял шум. Мало понимая, о чем его спрашивали сайты, он отвечал односложно, надеясь, что такие умные ответы удовлетворят говорливые ячейки. Их злобный ропот заставлял быть в напряжении, однако почки, которые его подвели, отдав его уремии, мешали думать. Стало ясно, что машины не могут разбиваться, они же не из Интернета. Машина— всего лишь фикция, способная порадовать человека всего несколько минут. Отца возмущало, почему люди до сих пор не поняли этого, почему они живут в каких-то нелепых мечтах. Их нужно было остановить.

Где-то в вышине пролетела птица, обливаясь потом. Она

столкнулась с каким-то маленьким сайтом и, негромко побрянся, улетела прочь. Отец подумал, что у нее там гнездо, оставалась невыясненным, как птица проникла сюда. Быть может, помогли родственники, а может просто она очень хорошо летает, и даже Днепр для нее не проблема.

Откуда-то взялся выхухоль. Отец точно помнил, что его здесь не было. Тот осторожным шепотом доложил, как несправедливо его оболгал заяц, прикрываясь своим нетрезвым состоянием, каким обидам натерпелся это маленький зверек, какими словами называл его пьяный заяц. Отца поражало, с каким хладнокровием унижали этого назойливого зверька. Отец указал на проползавшую мимо норку и выхухоль скрылся. Он будет мстить, думал Отец. Почему нет Басмача? Куда подевался этот одиозный тип?

Отец приподнял голову. Туманный сон растекся по комнате. Басмач спал невдалеке. Тут же рядом посапывал Гурик. Заяц куда-то исчезли. Спал, подумал Отец. Он вдруг снова вспомнил брата. Не верилось, что его нет на свете, казалось это очень плохой анекдот, только не понятно, почему он так хорошо запомнился. Это очень плохой и грустный анекдот, а кто его рассказал? попытался вспомнить Отец. Уж не Мойша ли? Гад, а я его яйцом кормил. Отца злило, почему мир такой несправедливый, ведь он кормил Мойшу яйцом, а он, облезлый кот, рассказал такой грустный анекдот. Ему вспомнилось, что Мойша ухмылялся, когда рассказывал. Его усища в такт движениям челюсти издевались над Отцом. Он

уже не помнил про что анекдот, ему не нравилось, что кот рассказывает всякие пошлости про Отца и ухмыляется. Накажу, подумал Отец. Кот, шаркая ногами, ушел в осеннюю дымку берез. Листья под его ногами хрустели. И пес с тобой, подумал Отец, кушать захочешь, вернешься.

Грусть навалилась как-то внезапно. Она обрушилась серой свинцовой тяжестью на корень языка. Появилась тошнота, сил не было даже крикнуть в спину коту какую-нибудь гадость. А я хотел его забрать с собой на родину после института, подумал Отец. Серая куртка, которую носил кот, еще изредка появлялась среди берез. Заблудится, подумал Отец, а потом вспомнил какой хороший нюх у кота.

Рядом, в стороне слышен был шум проносящихся машин по автостраде. Нужно было встретить Дэна, он сегодня придет. Отец повернулся к дороге, асфальт несколько пружинил под ногами. Как бы машину не разбил, подумал Отец, хоть и старая, а все равно бегаёт. Вдали, на желтом пригорке показалась машина брата, было далеко, однако Отец видел, как брат машет ему рукой. Солнце вышло из-за серых туч и, мешая смотреть на брата, играло лучами на мокрых камнях. Почему так долго? Отец успокоился. Можно не переживать, брат его из леса вывезет, а то, как он без денег уедет из леса? Кот сам добежит потом. Машина все ехала и ехала и была так же далеко от Отца. Кто-то стучался в дверь, однако было недосуг отвлекаться по мелочам, ведь машина брата уже видна, что может быть важнее? Казалось, этот стук мешает

брату ехать быстрее и каждый шорох и стук отбрасывал брата назад.

–Пошли все к лешему!– Крикнул Отец в сторону двери, поднимая голову с подушки.– Лелик, это ты?

Сон пустился наутек. Теперь стало все на свои места. Отец вскочил и стремглав бросился к двери, мимоходом бросив взгляд на злобный будильник (семь!!!)

–Заходи, дорогой, я сейчас.– Отец быстро набросил на себя одежду.

Лелик стоял в дверях, поигрывая в руке ключами от машины.

–Отец, ты всем так рад, как мне?– Полюбопытствовал он. Так рано его еще никто не посылал к лешему.– А эти барсуки еще спят? Басмач, жаба, вставай.

–Лелик, ты еще здесь? Тебе же Отец сказал, где ты должен быть.– Заскрипел из-под подушки Басмач.

–Лелик, закрой рот. В такую рань честных людей поднял.– Зашевелился Гурик.

–Ну, я поехал?– Спросил Лелик, неубедительно делая вид, что обиделся.

–Давай иди быстрее отсюда. Деньги будут– зайдешь, а пока нечего тебе здесь делать. Забирай этого бездельника и марш отсюда оба.– Дополняя друг друга, заговорили Гурик с Басмачом.

–Пошли Лелик. Не то я этих честных людей разорву на тысячу маленьких, честных кусочков.– Отец уже оделся и

обувался в прихожей.

–Разрывальщик какой, смотри, Гурик, как мне страшно, как я боюсь...– Гурик хихикнул, видимо Басмач показал ему, как он боится.

–Ты только Лелика не порви, как ваучер, не то...– Отец так и не услышал, что будет, если он порвет Лелика, потому как дверь грубо оборвала соседа.

Глава 4.

Дороги... Однажды старый, помешанный на чертях мало-росс, сказал, что у России не так много бед, но самая большая из них– дороги. Дороги бывают разные, есть, как пьяная колхозная девка, испачканная навозом и грязью, такой наплевать на происходящее, ей чужды высокие мысли, она по-своему думает о прекрасном. Походка ее неровна, она спотыкается, оставляя за собой лужи и тяжелый запах. Иногда она приходит к реке и остается там ночевать, разложив вокруг себя черные пятна кострищ. Ее никто не любит, на нее смотрят с пренебрежением, и лишь нужда заставляет прокатиться по ее несвежему телу. Она тоже мало кого терпит, поливая попутчиков матерком и грязными слезами. На нее с вожделием и похотью смотрят лишь комбайны и трактора, и она тем же платит им, когда машины надолго остаются у нее.

Есть дороги, словно рябая старуха. Особой мудрости от

нее не добьешься, однако она много повидала. От этого на ее челе так много морщин, от которых так сильно несет старостью. Она медленно вьется среди деревьев и кустов, иногда заходит в деревни повидать своих товарок. Ее поступь неровна, она шаркает черными резиновыми калошами, опирается на плывущие мимо березы, словно на посох, края ее подола запылены, за них цепляется такой же старый репейник. Его выцветшие коричневые пятна, качаясь в такт шагов, навевают вселенскую грусть, напоминая о бренности мироздания.

Есть дороги, словно грузные тетки. Они очень увлечены собой. Такие не замечают, что их сильно разнесло вширь. Они усыпаны камнями, и лишь видимость былой резвости заставляет их скакать по холмикам. Края их сорочки— сельские бордюры. Они поблекли и местами обтрепались, а кое-где и порвались. Такие дороги внимательно наблюдают за сельскими детишками, катающимися на велосипедах и за подхмелевшими подростками, которые мчатся на мотоциклах. Они плачут дождями, грибными и проливными, слепыми и косыми, и от этого становятся развязанными и еще более рыхлыми. А ночами им снится молодость.

Есть дороги— веселые украинские девки с вплетенными в волосы цветными лентами. Они редкие гости сел и деревень, они любят жить в городе. Такие хохочут, пляшут и смеются, они молоды их тело гладкое и гибкое, такое пахнет свежим битумом и новенькими шинами, оно пряное и подвижное.

Не хочется думать о старости, ведь они так молоды. Завораживает их лихой, безумный головокружительный танец с мельканьем лент, рекламных щитов и горящих глаз неоновых огней, от них так трудно оторвать свой взгляд.

Другие дороги— это старые кабацкие шлюхи. Они редко освещены внимательными фонарями, которые так же стары. Их тела серые и грязные. Они покрыты оспинами дорожных ухабов. На платье очень много заплат, однако, местами просматривается изначальный рисунок асфальтного тряпья. Такие дороги сами устали от такой жизни, однако уже поздно что-то менять. И лишь сквозь алкогольный туман к их воспаленным очам всплывают картинки, которые они толи видели сами, толи придумали. И только угрюмые встречи таких же подруг как-то скрашивает их ночной променад. Они неразговорчивы и молчаливы, их гложет стыд, что они— женщины.

Есть дороги— простушки. Эти девчонки маленькие и верткие, которые всего лишь неприхотливо следят за собой, такие нам не интересны.

Существуют дороги— красивые серьезные респектабельные девицы с длинными ногами, одетые в обтягивающие брюки с лампасами. Такие всегда в полном порядке и дорогом убранстве. У этих дам всегда глубокая и далекая перспектива, они красивы и дородны, тело их, словно дорогой камень, обрамлено в красивые наряды и зелень берез. Они с шиком пролетают на огромных Мерседесах. Их охраняют несметные стаи голодных хищников в серой амуниции, по-

лосатые черно-белые пальцы которых забирают последнее. На них с восхищением смотрят остальные. Не у каждой есть такое богатство, поклонники, наряды и секьюрити.

Дороги знают все обо всех, они открывают для проезжающих их самые сокровенные мысли и мечты. Дороги заглядывают в душу. Где они улыбаются, где смеются, но ни одна из них не поведает другому чужую тайну.

–Видимо врут люди.– Задумчиво произнес Отец.– Они говорят, что все дороги ведут в Рим. Уж сколько я не ездил, а в Риме не был.

–Такая же история.– Кивну Лелик.

Дорога укачивала друзей. Они ехали по Троицкому тракту. Впереди еще час езды.

–Лелик, а ты как машину заметил?– Спросил Отец.

–Что ты имеешь в виду?– Не понял вопроса Лелик.

–Дэна машину?

–Так там народа было...– Лелик ухнул.– Гаишники, зеваки. Там, понимаешь, ее не заметить трудно. Сам увидишь. Пригорок, с него спуск, поворот небольшой. С пригорка, когда сюда едешь, все как на ладони видно. И вот она сосна.

–Странно.– Задумчиво сказал Отец.– Почему не было тела?

–Не знаю. Видит Бог, не знаю. Когда такая авария, там не должно ни одного живого человека остаться. Двигатель в салоне, от машины ничего не осталось. Одно месиво. Он видимо шел на хорошей скорости. Не понятно только почему.

Там поворот. Я все бы понял, если бы он, скажем, заснул, но он же вошел в поворот, значит, не спал. Если бы спал, он с трассы раньше слетел бы.

– Может, ты просто не заметил его? Народу, говоришь, много? – С надеждой в голосе проговорил Отец.

– Если я не заметил, значит, там все тоже слепые. Гаишники удивляются. Тел нет. Нет ни крови, ни обрывков одежды. Вообще ничего, будто машина на автопилоте шла. – Покачал головой Лелик. – Да сам сейчас все увидишь.

– Ну, может, и не прямо сейчас. – Проворчал Отец.

– Через час. Вот доедем. Я думаю, машину еще не уволок оттуда. Вроде как хозяина нет. Без него нельзя. – Сказал Лелик.

– Дружище, сделай так, чтобы время быстрее летело. – Попросил Отец.

– Легко. Вот только лыжи сниму. – Улыбнулся уголком рта водитель.

– А в лесу смотрели? – Спросил Отец.

– Что смотрели?

– Брата. – Пожал плечами Отец.

Вопрос был риторический. Кто станет искать в лесу тела, если в машине, разломанной и разбитой, не было даже капли крови. Как такое могло случиться?

– Отец. – Сурово произнес Лелик. – Как ты думаешь, если машина только чудом не разлетелась в щепки, останутся в ней живые или нет? Как его могло выбросить так далеко в

лес, что даже капли крови не было в салоне?

—А если он просто ударился головой, да в состоянии аффекта ушел?— Отец умоляюще посмотрел на Лелика, будто стараясь у него выпросить жизнь брата.

—Отец, ты себя послушай. Что ты несешь. Сейчас сам приедем— посмотришь. Там если бы он головой ударился, мозги разлетелись бы по всей округе.

—Но бывают же счастливые аварии.— С сомнением в голосе произнес Отец.

—Не такие.— Покачал головой Лелик.

—А почему тогда машина не взорвалась?

—Ты, я погляжу, насмотрелся американских фильмов. Кто его знает, почему она не взорвалась? Не судьба, значит.— Усмехнулся Лелик.

—Значит, в лесу не искали?— Переспросил Отец.

—Не знаю. Может и искали. Но мне думается, что нет. Когда ищешь яблоко, ты ходишь под яблоней, а не в лесу. Я так все это вижу.

Мимо мелькали маленькие деревушки с шатающимися по дворам бездомными тощими собаками. Проплывали мимо мостки, дорожные развязки, покрытые серостью осеннего промозглого утра. У дороги торговали местные старухи пирогами, грибами и картошкой. Проплыла мимо придорожная харчевня, от которой курился голубой дымок от мангала.

—Может по пиву?— Спросил Отец.

—Я же за рулем.— Ответил Лелик.

–Так безалкогольного?

–Нет, безалкогольное пиво– это первый шаг к резиновой женщине,– буркнул Лелик.– Хочешь– пей, я не буду.

–Тогда я тоже не стану. – Повернулся Отец к Лелику

Мимо пролетали машины. Они были разные: серые, белые, синие, старые, новые, Жигули, Волги, Мерседесы. В каждый старенький серый Форд Отец внимательно всматривался, ища глазами своего брата. Но нет, видимо, в самом деле, чудес на свете не бывает, думал он.

За лобовым стеклом машины был виден то мохнатый обросший мужик, насупившийся из-под своих очков, то старик, то подросток с веселыми подружками на заднем сиденье. А брата не было. Вспомнился ночной кошмар, когда он потерял Мойшу в лесу. Почему-то в грезах Мойша принял вид огромного мужика в серой куртке. Вел он тоже себя как-то оскорбительно, хотя на самом деле кот был очень покладистым животным.

–Может, съедим что-нибудь?– Спросил Отец.

–Я утром ел, мне Катька пельменей наварила.– Похвастался Лелик.

–Вон, видишь, шашлычная?– Спросил Отец.

–Ну,– кивнул Лелик.

–Давай по шашлычку. Я утром не успел поесть, сам видел.– Попросил Отец.

Лелик свернул к шашлычной, оборудованной из старого фургончика, откуда показалось лукавое небритое лицо ба-

сурманина. С угодливым оскалом он подбежал к путникам:

–Шашлык бери, дорогой. Свинина, баранина. Какой хочешь?– Спросил он, нагибаясь в поклоне.

–Вкусный.– Бросил сквозь зубы Отец.

–У меня весь вкусный.– Басурманин угодливо закачал головой.

–Только из собаки не давай.– Попросил его Отец.

–Какой собачатина, что ты, дорогой,– удивленно затрепал нехристь и рукой предложил проследовать к мангалу, от которого вился аромат свежжареного мяса и томных углей.– Мы собачатину не делаем. Это к корейцам. Я не такой, что ты!

Лес, обступивший дорожную походную шашлычную, лениво ждал, когда путников станут кормить лошадиным мясом, нанизанным на железные палки. Облака, застывшие от осенней стужи повисли над высокими верхушками деревьев, и, казалось, им было не безразлично, поддадутся два честных путника уговорам нечестивца, украсившего свое лицо жесткой, как сапожная щетка, щетиной.

Отец спорить не стал, взял шампур с румяными кусочками мяса и полез в машину.

–Катка хорошо готовит?– Спросил Отец, набив рот ароматным шашлыком.

–Ум отъешь.– Сказал Лелик.– Она только Луну не жарит. Что ты! Она дорожный камень так стготовит, всем не удивленье.

Лелик тронулся. Машина, весело урча, побежала по широкой трассе.

— Это хорошо. Женщина должна хорошо готовить.— Согласился Отец.— А моя подружка только чай из пакетиков заваривает неплохо. Однажды она решила себе сварить яиц. Так что ты думаешь? Не смогла.

— Это еще почему?— Удивился Лелик.

— Она сама очень удивилась, когда стала в кастрюлю с водой бросать яйца. Разбились. Уж не знаю, как она их бросала. В общем, с тех пор она никогда больше не пробовала варить.

— Так и на кой тебе такая подруга? Сам готовить что-ли будешь?— Спросил Лелик.

— Такая у меня судьба.— Махнул печально рукой Отец.

— Какая твоя судьба? Брось ее. Не пара она тебе, Отец. Все это видят. Голова у нее как-то не так работает, будто ей горячего не хватает. Не так как-то.

— Знаю.— Кивнул Отец.— Многие так говорят.

— Что, такая любовь что-ли? Никогда не поверю. Найдешь себе девчонку еще лучше.— Усмехнулся Лелик.— Рыжую какую-нибудь.

Отец усмехнулся:

— Рыжую?— Спросил он. Лелик кивнул.— Да мне, в общем, рыжие не особенно нравятся. У тебя Катька рыжая?

— Если бы. Я ее, может, и крепче любить бы стал.— Вздохнул Лелик.— Сивая, как мерин. Волосешки жиденькие. Но зато как она готовит!!!

–Тебе что, так сильно рыжие девчонки нравятся?– Улыбнулся Отец.

–Я как рыжую девчонку вижу, так у меня жилки трястись начинают. Ух!– Лелик передернул плечами.

–Почему?– Не унимался Отец.

–А я почем знаю? Нравятся, и все тут. Я иной раз думаю на Катьку нечаянно банку с хной опрокинуть. Так, чтобы веселее было. А потом думаю, что это не надолго. А ты свою подругу брось.

–Как я ее брошу?– Спросил Отец.– Я за ней месяц целый ухаживал. Добивался. Как я ей объясню?

–А никак. Скажи: так мол и так, иди ты куда трава расти не ходит. И дело с концом. Месяц!– Фыркнул Лелик.– Свет клином что-ли сошелся! Вот и Басмач такой же. Танька, я погляжу, все кишки ему на кулак уже намотала.

–Ой, не говори, Лелик.– Засмеялся Отец.– Что правда, то правда. Она ему житься не дает. Я ее однажды попросил за пивом до ларька сбегать. Так она, представь себе, целый месяц на Басмача губешки свои дула.

–На Басмача?– Лелик от удивления отвернулся на миг от дороги.

–Ну!– Заверил его Отец.

–А на него то зачем?

–А я знаю? Сначала она на меня стала желчью плевать, а потом и Басмач под горячую руку попался. А ему так, для кучи. Ох, и смеху было. Мы с Гуриком валялись, когда она

Басмача распекала. Мне смешно, вроде это я ее послал за пивом, а Танька у этого несчастного по волоску из макушки выдергивает.

–Больная.– Бросил Лелик.

–Не то слово. Однажды я ей сказал, что она майонеза пожалела в «под шубой». У Гурика день рождения был, Танька решила салат принести на праздник. Салат, вроде туда-сюда, а майонеза мало, сухой, как ее душонка. Что ты думаешь? Кому она стала потом плешь выгрызать на затылке?

–Мне думается, не тебе.– Пожал плечами Лелик.

–Точно. Басмач, как ужаленный боец, сидел за столом. Все мне кулаки показывал исподтишка, да под столом ногой молотил. А я, и смех и грех, ну ее распекать за салат. Она пунцовая, как эритроцит сидит. Надулась, как мышь на крупу, а сама все Басмача щиплет, чтобы он мне потом чертей дал.

–А он что?

–Да ничего. Подходит на перекуре, говорит, мол, Саня, отстань ты от нее, не даст она мне жизни. А я уже под хмельком, давай ее чистить, что перья в разные стороны летят. Мне она боится что-нибудь сказать. Так, в легкую зубы скалит, а сказать– страшно.

Отец достал из пачки сигарету и прикурил. Сизый дымок лениво подался к форточке.

–Дай мне в зубы, чтоб дым пошел.– Попросил Лелик.

Отец поджег еще одну сигарету и сунул Лелику под нос.

–Дэн курит?– Спросил Лелик, попыхивая ароматным табачком.

–Пробовал. Говорит, что у него во рту очень неприятно после сигарет.– Покачал головой Отец.

–Вот дает.– Усмехнулся Лелик.

–Что ты! Он даже газированную воду не пьет. Она, видишь, ему язык щиплет. Он одно время мяса не ел. Говорил, не хочу, мол, из себя кладбище домашних животных делать. Я у него спрашиваю: не хочешь ли ты, дорогой, сказать, что силосная яма, которую ты у себя в желудке устроил, лучше?

–А он что?

–Начал есть мясо. Он очень удивительный человек. Однажды, что-то на него нашло, решил Большую Советскую Энциклопедию прочесть. Взялся, сел, читать что-то начал. Дошел до слова «абсурд» и бросил это дело.– Рассказывал Отец, развалиясь в кресле.

–Отец, правду говорят, будто вы– близнецы без слов друг друга понимаете?– Спросил Лелик, глубоко затягиваясь сигаретой.

–Угу.– Кивнул Отец.

–Расскажи.– Требовал Лелик.

–Даже не знаю, как рассказать. Понимаешь, это вроде как одна рука знает, что делает другая. Я даже не знаю, как это происходит, только знаю, о чем он думает.– Отец неопределенно пожал плечами.– Словами и не передать. И он точно так же. Однажды сижу, думаю, как дверь починить в ком-

нате. Так или эдак. Шарнир, может, поменять, или вообще дверь снять. Думал молча. Дэн рядом лежал на кровати, книжку читал. Он и говорит ни с того ни с сего, ты, говорит, голову себе чепухой не забивай, смажь ее маслом и дело с концом. Вот так.

–А что он сейчас думает?– Спросил Лелик.– Можешь сказать?

–Нет. Нужно рядом быть.– Покачал головой Отец.

Как много он сейчас отдал бы, чтобы Дэн в эту минуту оказался рядом. Если он погиб? Ужас охватил его. Этого быть не может. Не должно. Брат должен быть жив. Отец тешил себя надеждами, что все что-то не досмотрели, что Дэн, возможно, лежит в лесу под кустом и дожидается, чтобы брат его отыскал. Брат– это его вторая половинка, без которой и жизни не будет. Что же будет с мамой? Она этого не перенесет. Мама всегда жила только своими детьми. После смерти мужа, она всецело посвятила себя своим сыновьям. Как будет себя чувствовать она, когда узнает, что ее сына больше нет в живых? Был бы жив отец, он бы ее утешил, но он сам много лет назад ушел из жизни.

–Лелик, надави на педаль. Сил уже нет ждать.– Попросил Отец.

–Сам к праотцам собрался? Жизнь не дорога? Я и так под сто пятьдесят иду. Не видишь что-ли?– Рывкнул Лелик.

–Мне очень хочется поскорее добраться. Не ругайся, друг сердечный.– С грустью в голосе сказал Отец.

–Понимаю...– Кивнул Лелик.– Мне самому интересно, как там все случилось. В ум не возьму.

–А гаишники что говорят?– Спросил Отец.

–Ты когда-нибудь видел, чтобы гаишник что-нибудь умное сказал? У них мозг так построен, чтобы только штрафные талоны выписывать. Больше ни на что.

Однажды брат написал стих, который приурочил к очередному штрафу за превышение скорости. Написанный сгоряча, он обошел всех знакомых и близких и пользовался немалой популярностью в окружении брата. Гаишники, интеллект которых брат ставил не выше интеллекта военных, в его глазах были людьми, которых волею судеб жизнь прогнала из числа достойных сынов своих и заставила нести крест паразита на теле тружеников и работников умственного труда. Человек, в понимании брата, ничего не производящий и не оказывающий услуг, не должен пользоваться уважением у людей, приносящих блага Родине.

Гаишник как-то раз, домой придя под вечер,
Немного отдохнуть от службы собрался.

Но лишь через порог, к нему жена на встречу:
«Что делать, милый, фен сломался у меня...»

Помочь твоей беде я без сомненья должен,
Ведь я в ГИБДД блестящий офицер,
Служить своей семье, долг на меня возложен,

Коллегам молодым я подаю пример!

И вечер напролет промучился служивый,
Пытаясь починить загадочный прибор,
Свистел, бежал навстречу с феном что есть силы,
Но так заветных цифр не выдал монитор...

Мораль сей басни: мир разнообразный,
У каждой вещи назначение свое,
Чем волосы сушить, чем осушать карманы,
В нем каждый выбирает, вот и все!
(Константин А. Федоров)

Отец вспомнил пасквиль и улыбнулся. У брата с чувством юмора всегда было все в порядке. И вот теперь его не стало. Лишь надежда осталась в сердце. Она подсказывала, что, может быть, все образуется, что брат сыщется, что он жив и скоро обретет новую жизнь. Пусть так будет.

Дорога протянулась по степи, словно струна, и была ровная, будто праздничная скатерть на именинах. Серое небо исподлобья смотрело на путников, покачивая седой бородой. Казалось, оно было недовольно, что кто-то нарушает его тусклую тишину урчанием мотора. На челе оно отражалось недовольство грязными немытыми облаками, и редкой испариной.

Через дорогу, в перелеске, пробежал испуганный, непро-

шенными гостями, заяц. Везде одни зайцы, подумал Отец, вспоминая свой ночной кошмар.

–Лелик, знаешь, что я ненавижу больше всего на свете?– спросил Отец.

–Однозначно или Боцмана или Басмача?

–Этих тоже, но больше всего– зайцев.– Сказал Отец.– Они у меня вызывают какой-то священный ужас.

–За их зубы, или нет, за их хвост?– поинтересовался Лелик.

–Нет, за то. Они нашу планету захватили!!!– Заявил Отец.

–Это шутка какая-то, да?– Лелик повернулся к Отцу.

–Да... Ладно, потом расскажу.– Отец тогда еще не знал, что эту шутку он так никогда и не поведает своему любопытному собеседнику.

–Все, последний пригорок, там поворот, и мы приехали.– Сказал Лелик.

Надпочечники сработали четко, выбросив в периферию несколько миллиграммов адреналина. Задрожали руки, на лбу выступил противный холодный пот и, спрятавшись за воротник, выгнал наружу дрожь.

Через несколько мгновений за небольшим холмом показалось злосчастное место, где нашел свое дерево брат. Лелик подвел машину к сосне, одиноко стоящей возле дороги, где собралось много зевак. Сосна, будто нарочно росшая одиноко, дождалась своей машины, для аварии с которой она укрепилась на придорожных камнях много лет назад. Серая

старая машина всем своим корпусом обнимала ствол дерева, завалиясь набок. Колеса вывернуло кнаружи. Вокруг места аварии на металлических прутьях, обнесенных вокруг сосны, была развешена желтая лента гаишников с настоятельной просьбой не приближаться к роковому месту. В салоне не было живого места, всюду лежала стеклянная крошка, будто специально, для такого случая, раскиданная неведомым вандалом, изуродованные кресла, двигатель. Руля не было вовсе. Сзади был виден номер авто. Сомнений быть не могло 528 ВАМ – это машина брата.

Горло сдавил слепой ужас, было тяжело дышать, на глаза наворачивались слезы. Отец пригляделся: действительно, тела и следов крови не было. Не было и обрывков одежды, которые при такой аварии должны были остаться. Тогда он прошел по следам колес, которые еще были видны на земле, как слепые свидетели накануне развернувшейся драмы. Следы вывели на дорогу. Полос торможения не было, небольшой поворот до мостка говорил о том, что машина была управляема до последнего момента. Тогда где же тело? Но может, он все-таки успел выпрыгнуть в момент аварии? Отец окинул взглядом злосчастную сосну и свернул в бор. Попытка – не пытка. Пришла мысль поискать брата между сосен. Воображение рисовало ужасные картины, как брат с поломанными ногами лежит под сосной, истекая кровью. Отец шел быстро, он хотел оторваться от Лелика, в эти минуты ему не хотелось никого видеть, и тем более выслушивать соболезно-

вания или глупые утешительные речи. Под ногами скрипела опавшая желтая хвоя, сзади стихли речи зевак и охранников дорожного порядка.

Лелик, оставшись один, еще немного покружил между деревьев и вернулся к машине.

Прошел час, другой. Лелик жал на клаксон, сколько позволяли барабанные перепонки, бродил по бору и все больше распалялся на предмет Отца. Помянул недобрым словом его предков и соседей. Почему-то даже кот Отца вызывал у Лелика жуткое негодование.

Лес темнел, не было слышно уже ничего кроме шелеста хвои под ногами, давно уже стихли гудки и шорох шин мчавшихся по трассе автомобилей. Отец искал брата, прислушиваясь к дыханию осеннего леса, в надежде услышать стоны покаленного родственника. Иногда казалось, что кто-то зовет его на помощь, тогда Отец без оглядки бежал в сторону, откуда доносились стоны. Брата не было, лишь осенний бродяга ветер нехотя играл в вершинах угрюмых сосен.

Отец забрел в какое-то болотце, выбрался из него и вдруг понял, что зашел уже слишком далеко. Даже если брат и выпрыгнул из машины, так далеко заползти он не мог. Нужно было возвращаться, Отец огляделся: одни высокие черные сосны, выстроившиеся в ряд, как на присяге. Стало немного жутко, не хватало только заблудиться. Отец повернул назад, перешел ручеек вброд. Кажется, ручей я не переходил, подумал Отец. Поплутав еще немного, он вышел на небольшой

пригорок, огляделся: окрест одни только черные стволы сосен, да чернеющие кусты шиповника с красными ягодами на самых кончиках колючих веток. Взобрался на дерево в надежде увидеть дорогу. Вдалеке лишь несмело блеснуло стекло, может хижины, может автомобиля. Выбора не было, идти необходимо было именно туда.

Пробираясь через строй местной фауны, Отец заметил какого-то мужика, тот петлял, словно запутывая следы, оборачивался, опасаясь погони. Увидев Отца, он бросился бежать, и, некоторое время спустя, скрылся совсем из виду. Это же Дэн, подумал Отец.

– Дэн, сучий хвост, стой, гад. – Отец бросился догонять мужика.

Бродяга действительно был похож на Дэна. Только сутулая спина да несколько усталый взгляд были против этого сходства, да и возрастом был немного старше.

Побежав еще по лесу, Отец решил, что если это – Дэн, то он все-таки рано или поздно выберется к дороге и доедет до общаги.

Ну и Бог с тобой, попутного ветра в горбатую спину, подумал Отец.

Солнце было уже в зените. Красный глаз несмело моргал из-за пелены серых облаков. Взяв предполагаемое направление, Отец направил стопы свои к неясному блику, что видел с дерева. Опять его окружили, насмехаясь над его нахальством, сосны. Казалось он стоит на месте, всюду одни и те же

прямые ряды строгих черных стволов. Немного погодя Отец вышел на небольшую полянку, испачканный смолой и мелкими веточками, которые облепили его когда он пробирался сквозь чащу. Нужно это дело перекурить, подумал он.

Из леса выглянул тот самый мужик, который как две капли воды был похож на брата. Он был одет не по-осеннему: в этот угрюмый полдень на нем тряпкой висела грубая рубашка из какого-то бесцветного материала, широкие шорты. Незнакомец был бос. Не жарко ему, в душе посочувствовал Отец. Мужик зябко ежился, потирал бока руками, тихонько под нос матерился. Босые ноги, опутанные мокрой лесной травой, были изодраны до крови и были синими, словно у несчастной курицы на прилавке. Ноги— это последнее что увидел Отец.

Его закружило в диком лихом танце. Тело стало гибкое, как осенний туман. Отец пошел разводами, его начало кружить и засасывать в нелепую воронку, ведущую в никуда. Он просачивался в неведомый мир, в котором были чужды земные законы. Он, вдруг, стал длинным и плоским, словно полотно. Отец свернулся в спираль, подражая родной галактике. Он заискрился серебряным светом и стал мерцать, словно светлячок в майскую ночь. Ощувив себя всесильным, он широко раскинул руки в стороны и закричал, что было сил. Рев, вырывавшийся из его груди, потряс всю вселенную до самых ее отдаленных границ. Магелланово облако, словно утренняя несмелая дымка, затрепетало от могучего рева

Отца и растаяло в черноте космоса, будто и не бывало.

Откуда-то мимо пролетел воздушный шар, одинокий и бессмысленный, как будто его ветром сорвало с шеста, украсившего первомайский день. Потом еще один, еще, еще... вскоре все вокруг было заполнено разноцветными шарами, которые кружили и плясали вокруг. Дикое разноцветье резало глаза. Внезапно все исчезло.

Появилась та самая птица из Интернета. Вскоре она исчезла, не успев выругаться. Между пальцев путались галактики. Отец понял, что он может повелевать вселенной. Стоит махнуть рукой, и сектора космоса как не бывало. Маленькие кометы впивались в кожу, от этого хотелось чесаться. Отец стряхнул с себя космическую пыль. В носу засвербело, ончихнул и маленькая, крошечная всеми забытая Земля упала на Солнце. А, дьявол, подумал Отец, и космос не спас и с Землей как-то неловко получилось. Сбоку подул тихонько бриз и тело его, словно табачный дымок заколыхалось. Что же со мной такое происходит, думал Отец, что это за место? Где я?

Вырос хвост, его тело покрылось жесткой чешуей зеленого цвета, глаза вытянулись из черепной коробки на длинных тонких стебельках зрительных нервов. Рот обратился в широкую пасть с двумя рядами острых и тонких зубов, словно у крокодила. Уши спрятались за роговую чешую, чтобы они не страдали во время брачных игр. Отец осмотрелся вокруг. Черно. Четырехпалые когтистые лапы царапали темноту хо-

лодного вакуума. Куда лететь он не знал, да и крыльев, которые были когда-то, не было. Он их где-то оставил.

Он почесал за ухом хвостом. Нежная щетина немного успокоила зуд. Что-то хвост не выглядит длинным, подумал Отец. Самкам нравятся длинные хвосты. Нужно что-то сделать, чтобы хвост стал длинным и грубым, как булава. Отец удивился, почему вокруг никого нет. Он посмотрел вниз, под собой. Рядом в космосе плыли такие же крокодилы. Они шелестели купированными ушами и играли с розовыми пружинками, которые перекатывались у них из лапы в лапу. Некоторые дрались, царапая кожу четырехпальными лапами, другие показывали соседям крылья, выказывая свое чрезмерное неуважение. Летели с Отцом и влюбленные пары, которые прямо на людях терлись хвостами. Такое бесстыдное поведение вам даром не пройдет, думал Отец.

Потом все кончилось. Остался только ослепительный свет, который болью отдавался в усталом мозге.

Глава 5.

В голове стоял тяжелый шум. Глаза слепило яркое освещение, все члены Отца налились свинцовой тяжестью, веки слипались, слезы катились по щекам. Неприятный осадок на душе оставил последний кошмар, когда он в шкуре летающего космического крокодила бороздил еще не езженные просторы вселенной. Глаза постепенно привыкали к яр-

кому свету. Чуть приподнявшись на локте, он увидел, что лежит на блестящей белой круглой платформе. Скрестив руки в паху, он стал озираться. Его нагота несколько смущала его. Было непонятно, толи это продолжение недавнего кошмара, толи какая-то новая, пугающая реальность, которую он постичь был пока не в состоянии. Комната, вопреки устоявшимся традициям, была круглой. Отовсюду лился свет. Казалось, что он пронизывает все насквозь, не оставляя ничего неразгаданного на своем пути. Необходимо было найти дверь. Отец соскочил с платформы и побрел к стене, все также бережно пряча свой секрет в нехитром сплетении рук.

Отец, озираясь, обошел небольшую белую комнату, в которой только что очутился. Двери не было. Как он сюда попал? Только что он брел по лесу в поисках брата. Вокруг были сосны, мужик, так похожий на брата, болотце, ручеек... и тут комната. Все очень подозрительно и странно.

В помещении было свежо. Не было жарко, не было холодно. Пахло йодом. Отец не понимал, как он мог здесь очутиться. Думалось, что он оказался в какой-нибудь больнице, однако он не мог вспомнить ни одну больницу, которая хоть отдаленно напоминала это место. Обойдя комнатку, в которой кроме белой платформы, стоящей строго в центре, не было ничего. Лишь комната, платформа и свет.

Пол мерно подрагивал.

—Тихо, без глупостей.— Услышал Отец голос за спиной.

В комнате стоял незнакомый паренек в обтягивающем

блестящем комбинезоне.

—Здорово, ты откуда тут взялся?— Спросил Отец, оглядываясь.

Как здесь он мог очутиться? подумал Отец и еще раз провёл глазами по стене в поисках двери, которая оказалось незамеченной при первом осмотре. Средних лет юноша с добродушным лицом стоял и настороженно смотрел на Отца. Был он высок и широк в плечах. Волос на голове не было, посему паренек походил на манекен, коих много в трикотажных отделах.

—Да вот, пришел,— развел руками парень.

—Саня,— представился Отец.— Но все меня зовут немного по-другому.

—Отец.— Сказал парень.

—Ух-ты, тезка?— Пошутил Отец.

—Что-то в роде того,— кивнул головой парень и стал кружить вокруг Отца, пятясь.

—Откуда ты меня знаешь?— Поинтересовался Отец, одновременно замечая все движения парня, чтобы в случае чего кулаком указать парню на его место под солнцем.

—Тебя здесь все знают.— Паренек тоже был осторожен, словно прочел мысли Отца.

Отец нехотя протянул руку незнакомцу. Парень осторожно пожал грубую ладонь Отца, словно боялся обжечься.

—Гедеван.— Неловко протянул руку парень.

—Да,— сказал Отец,— хочешь мужику испортить всю

жизнь— назови пацана Гедеваном.

—Что?— Переспросил парень.

—Да говорю, что если бы меня назвали Гедеваном, то я всю жизнь на ухах ходил бы. Ты ходишь?

—Не понял?— Гедеван не ожидал такого начала знакомства и укрепился в мысли, что в случае чего нужно дать деру.

—Ладно, не бери в голову,— махнул Отец рукой.— Буду звать тебя Ваней.

Парень стоял в нерешительности, и этому обстоятельству Отец был очень доволен. В незнакомой ситуации он старался первым перейти в нападение, обычно этот прием дает немного времени фору, правда, он не всегда бывает оправдан: порой Отец все-таки бывал бит.

—Я тебя слушаю.— Отец застыл в ожидании, примеряясь к апперкоту.

Парень Отцу не нравился, быть может, потому, что тот его боялся.

—Компьютер, гардероб.— Сказал Гедеван.

Как в сказке из ниоткуда возникла небольшая серая арка, затянутая черным блестящим зеркалом. Гедеван застыл в ожидании.

Отец стоял и смотрел то на парня, то на зеркало. Еще его стеснял костюм Адама и глупое нелепое положение со скрещенными на лонной кости руками. Непонимание росло. Отец начинал злиться. Однако не он один был в недоумении. Гедеван стоял немного в стороне, и его мимическая муску-

латура наглядно демонстрировала нервное ожидание.

–Я чувствую, что сейчас мой ход?– Отец уже немного стал забывать о месте, в котором он очутился. Все его мысли сейчас занимала холодная война с парнем.

Гедеван кивнул, указывая рукой на арку.

–Туда?– спросил Отец.– Я испачкаюсь.

Гедеван закачал головой. Отец приблизился к арке, чтобы потрогать зеркало и его рука провалилась сквозь него. Круто, подумал Отец, видимо какой-то полимер. Он отдернул руку, оглядел ее: без изменений. Тогда, решившись на отчаянный поступок, он сам нырнул в зеркало. В носу засвербело.

–Компьютер, убрать гардероб.– Услышал Отец.

Обернувшись, Отец очень удивился, не найдя взглядом арки с черным полимером, сквозь который он только что набрался смелости пройти. Чертовщина какая-то, подумал он. И только теперь Отец заметил, что сам одет в такой же комбинезон, который носил лысый парень.

–Слушай, где мы?– Удивленно произнес Отец.

–Здесь...– Развел руками парень.

Отец его возненавидел. По его искреннему убеждению, витиевато шутить имел право лишь он один, но никак не лысый парубок, одетый как щеголь в белоснежный комбинезон.

–Я в гневе страшен, ты лучше меня не зли.– Отец стал вращать глазами, медленно наступая на жертву.

Для убедительности Отец заскрипел зубами и сжал кула-

ки.

–Пошли за мной,– сказал Гедеван.

Его страх вырос настолько, что уже не помещался в широкой комнате, в которой они находились, и стал почти осязаемым. Он решил дать ему еще немного пространства.

–Компьютер, выход.– Едва не крича от страха и возбуждения, произнес Гедеван.

Появилась знакомая арка, в черном зеркале которой, не медля ни секунды, скрылся парень. Отец еще мгновение потоптался на месте и нырнул в черную лужу зеркала вслед за Гедеваном. А он совсем не похож на Гедевана, подумал Отец.

Оказался он в просторной комнате белого цвета, спартанское убранство которой несколько напоминало ему общагу. Не было только немного затхлого запаха, соседей, кота и шкафа, который так не любил Мойша.

–Располагайся,– услышал Отец за спиной.

От неожиданности Отец чуть не подпрыгнул, за спиной его стоял Гедеван, и глухой удар по зубам оповестил комнату: Отец его узнал. Парень, прикрыв лицо руками, прыгнул в сторону зеркала, растворяясь в нем. Вслед за ним исчезла и арка, будто боясь быть сломанной.

–Шутки, шутки, а в зубах бывают промежутки.– Крикнул Отец ему вдогонку, однако что-то подсказывало, что паренек его не услышал.– Козел.– Шепнул он сквозь зубы.

В комнате в уголке стояла тумба, по размерам и консистенции которой Отец понял, что это– кровать. Он плюхнул-

ся на нее, расставив широко руки. Больше в комнате не было ничего. Голые белые стены навевали скуку. Отец потрогал стену, она была из какого-то пластика, надежная скользкая и белая, как совесть у праведника.

Отец стал размышлять, как и куда он попал. В голову лезли самые бредовые идеи, которые сводились к одному: как все-таки здорово, что он, Отец, заехал этому трусу в голову. Прокрутил он в голове и это жуткое пробуждение на тумбе. Потихоньку переживания и мерная дрожь комнаты успокоили Отца. Это утро слишком рано началось для него, и было немного необычным. Усталость взяла свое, и вскоре Отец заснул.

Ему приснилось, будто он плавает на Банном озере в своем гидрокостюме в надежде настрелять рыбы. Вот он подплывает к стайке жирных желтых линей, резвящихся в густых камышах, которые подпускают его, не боясь. Он, вдруг, понимает, что оставил на берегу свое ружье. Рыба это видит, поэтому она подплывает к нему сама и скалится, будто насмехаясь над незадачливым подводным охотником. Приходится не спеша, чтобы не спугнуть стайку, выбирать из камыша. Горю его нет границ. Он подплывает к берегу, хватается ружье, гарпун, заряжает его и опускается вновь в воду. Подплыв к тому самому месту, где он оставил рыбу, его постигает жуткое разочарование. Вместо жирных линей здесь плавают несколько мальков и тина, поднятая им самим со дна. Рыбы нет. Линь ушел.

Затем ему снится какая-то тамбурная дверь в вагоне с конечным пунктом сообщения на Казанском вокзале в Москве. Он никогда прежде не ездил до Москвы. Он возвращается на свою полку, где оставил свои вещи. Снизу сидит какой-то грозный мужик и пристально следит за всеми его движениями, поверх газеты, которую держит раскрытой. Напротив него, на нижней полке резвятся молодожены, лобзя друг друга яростнее час от часу. На другой стороне, на боковом месте, лежит сухая старушонка и слушает трели, доносящиеся из горла бородатого мужика, спящего над ней. Отец хочет выйти из вагона, но что-то ему мешает. Толи тот мужик с пристальным взглядом, толи бородач, шумящий на весь вагон. Ему нужно выйти из вагона, но он не может, потому что какая-то тетка повезла на тележке по проходу зеленые от старости пирожки.

Затем ему снится, что он покинул вагон, но его продолжает преследовать немигающий взгляд серьезного мужика, который оставил свою газету и наблюдает за ним из окна. На улице льет дождь, Отец хочет понять, куда его занесла нелегкая, он оборачивается и видит своего провожатого. Ему не нравится взгляд этого мужика, но он ничего не может с собой поделать. Отец вынужден следовать за и сердитым попутчиком куда-то в ночную скользкую степь, где нет и огней.

ТЬфу ты, чушь какая, подумал Отец просыпаясь. Придется же такое. Сон прошел, только ненадолго осталось ощущение слепого послушания, когда он шел вслед за сво-

им неведомым похитителем. Силы вернулись. Через минуту ушли и грезы.

–Компьютер, гардероб,– крикнул Отец, вскакивая с постели.

Он оглядел свое белоснежное одеяние и вдруг понял, что эта непривычная для него одежда навеяла этот скоротечный и неприятный сон. Ему ужасно не нравился этот комбинезон, хоть он и был удобный, просторный и чистый. Отец чувствовал себя в нем, как на собственных похоронах. Появилась уже знакомая арка. Как ей управлять Отец не имел ни малейшего представления. Он всего лишь хотел быть одетым как раньше, как в общежитии. Просочившись сквозь зеркало, он почувствовал некоторые изменения в костюме. Теперь на нем были его любимые тапки, его любимое трико с потертыми коленками и футболка с короткими, но широкими рукавами.

–Это уже другой коленкор.– Воскликнул он.

Только его одежда была все-таки не его. Она была новая. Даже потертости на коленях выглядели, как специально задуманными. Да и пес с ними, подумал Отец. Он не мог постичь, как работает эта штука, ведь насколько помнил Отец, он никогда не слышал о подобных технологиях.

–Компьютер, убрать гардероб.

Арка исчезла. Научить машину слушаться голоса труднее, чем научить Мойшу смириться с его унижительно низким туалетом. Догадка пришла сама.

–Компьютер, ну-ка поставь там стол,— попросил Отец, представляя себе, где должен стоять стол и какой он должен быть формы.

Не прошло и пяти минут, как пространство, доселе пустое, было уставлено все сплошь. Отец, чтобы чувствовать себя как дома, установил три кровати, как в своей комнате. Две рядом, одна поодаль, где спал Басмач и присаживался Мойша. Шифоньер Отец разместил возле своей кровати. Возле другой стены он поместил рабочий стол с настольной лампой, над столом повесил книжную полку, заваленную книгами и учебниками. Возле него поставил кухонный стол, где собирался принимать трапезу. Высокие стены украсил фотообоями с видом морского побережья.

Хорошо, подумал Отец, разглядывая свое творение. Общага. Один в один. Пользуясь случаем и удачей, Отец заказал себе бейсбольную биту, чтобы еще более убедительней принимать непрощенных гостей, вроде Гедевана. Под кровать Отец бросил BRD– плеер. Шифоньер Отец наполнил фруктами и копченой колбасой. Там где должны лежать тарелки, теперь лежали чистые носки и рубашки. Он заказал зачем-то свои водительские права. Над кроватью повесил женский сагиттал, чтобы несколько скрасить скупой интерьер.

Отец попробовал сформировать еще одну комнату. Компьютер мог и это. Там естествоиспытатель установил фаянсовое кресло с дыркой в центре, душевую кабину. Затем,

немного подумав, Отец душ убрал и поставил джакузи, которая могла сама тереть ему спину. Ванну Отец оборудовал пивным краном, чтобы восполнять объем, не отходя от кассы. Чуть в стороне он поставил раковину, которая не бьет током, стоит повернуть горячий кран. Красота!!!

–Теперь покажись сам, компьютер.– Сказал Отец и чуть не рухнул на пол, когда перед ним появился Басмач.

–Басма, черт плешивый, ты что же здесь делаешь, боров ты этакий?– Обрадовался соседу Отец.

–Мне очень приятно, что у тебя ко мне столь теплые чувства, я надеюсь, что меня ты не будешь избивать, как Гедевана. Только я не совсем Басмач, я принял его облик, потому как надеялся, что эта форма будет менее всего тебя провоцировать на агрессию. Я– компьютер.– Сказал компьютер.

–Басмач, не к лицу мужчине лгать, как девице.– Отец попытался обнять Басмача, но тот, словно туман, пропустил руки сквозь себя.

–Это всего лишь голограмма,– сказал Басмач.– Если я приму более осязаемую форму, я буду чувствовать боль, как и ты.

–Да, ты не Басмач, он никогда таким трусом не был.– Огорчился Отец и хотел голограмме пихнуть в живот, однако рука не встретила никакого препятствия.

Попытка Отца заговорить зубы не увенчалась успехом.

–Вот об этом я и говорил,– сказал компьютер.

–Слушай, я буду звать тебя Басмачом, О'кеу?– Попросил

его Отец.

–O'key,– ответил Компьютер.– Только пообещай мне больше не выказывать своего негативизма.

–Ладно, только ты уж давай как-нибудь материализуйся, а то у меня ни разу еще не было столь воздушного собеседника, как ты. Обещаю тебя не бить. И еще,– сказал Отец,– учись говорить, как все нормальные люди.

–Это еще как?– Спросил Басмач.

–Ну, мы над этим поработаем,– уверил Басмача Отец.– Саня,– протянул руку он,– но другие меня зовут несколько иначе.

–Басмач,– пожал руку Басмач, и Отец с удовлетворением заметил, что рука Нео– Басмача стала материальной, тогда он похлопал товарища по спине.– Но тебя все зовут тебя Отцом.

–Good.– Отец был доволен.– И я тебе буду премного благодарен, если ты меня будешь звать the same.

–Проблем нет.– Кивнул головой Басмач.

–Прекрасно. Продолжаем разговор.– Удовлетворился Отец.– Давай по семь капель в глаз накапаем за встречу?

Отец решил, что в тумбочке, стоявшей напротив его кровати, на которой стоял телевизор и будильник, будет находиться бар. Он открыл створку, которая почему-то не отвалилась, как раньше, и, с удовлетворением отметил, что его желание оказалось кем-то предусмотрительно предвосхищено. На полочке дымилась запотевшая бутылка «Абсолюта»

и два чистых стакана. Разлив прозрачную жидкость, Отец передал один стакан своему собеседнику, второй грел в руке.

–Пустим карасика.– Сказал Отец и залпом опрокинул содержимое.

Басмач следовал его примеру. Даже не поморщился, удивился в душе Отец, видимо с горячим стажем партнер. Один в один– оригинал.

–Хороша,– крикнул Басмач.

–Ну, давай теперь рассказывай, как по телевизору: что, где, когда?– Отец упал на кровать.

–Даже не знаю, с чего начать...– Замялся Басмач.

–Очень просто,– пояснил Отец.– Начни с самого начала.

–Если бы было так легко, я непременно так и сделал. Дело все в том, что нам самим до конца не ясна вся ситуация...

–Уточни, не-то Таньке нажалуюсь.– Отец улыбнулся.

–Мне она не указ.– Сказал Басмач.

–Да, не многим везет, как тебе, Басмач.– Отец ухмыльнулся.– Ладно, я уже понял, что меня куда-то занесло, куда нормальных людей не пускают.

–Нормальных...– Басмач присел на край стула.– Ты себе льстишь, Отец. Нормальные люди не избивают андроидов при встрече. Хорошо, ты его избил еще не в реальном пространстве.

–Подожди,– Отец поднялся на локте,– ты сказал андроида? Повтори еще раз, а то здесь ветер, я плохо слышу на сквозняке.

Басмач оглянулся, ища вокруг себя сквозняк.

Отец отметил про себя это движение.

–Андроида...– Несмело повторил Басмач. Голос его дрогнул. Он боялся спровоцировать на веселье Отца.– Ты все еще не понял,– протянул Басмач,– мы тебя на время взяли для некоторых своих целей, и, если не случится ничего непредвиденного, ты скоро отправишься домой.

Отец догадался, что это самое непредвиденное– и есть он сам.

–Кто это, мы? Мы, Николай второй?– Спросил Отец.

–Мы...– Не стал уточнять Басмач.– Называй нас учеными.

–Прекрасно, вы, ученые,– Отец заходил по комнате,– какого мяса вам от меня нужно? Кстати, почему Танька тебе больше не авторитет?

–С какого вопроса начать?– Спросил Басмач.

–Как обычно. С начала.

–Хорошо. С начала, так с начала. Ты нам нужен для наших некоторых целей. Для тебя это безопасно и не вредно.– Оправдывался Басмач.– Доволен?

–Начало многообещающее, только вот ясности не прибавилось.– Закачал головой Отец, побалтывая своим стаканом.

–Тебе трудно будет во все это поверить.– Серьезно произнес Басмач.

–Потрудись объяснить.– Попросил Отец.– Как же я смогу тебе поверить, если ты ничего не говоришь?

–Ты меня все время перебиваешь.– Вспыхнул Басмач.

–Не перебиваю, а направляю.– Запротестовал Отец.– Ты все время отвлекаешься.

–Вот видишь?– Басмач пожал плечами.

–Все, все. Молчу.– Отец поднял руки вверх, изображая собой самую покорность.

–Снова с начала. Мы поставим один эксперимент...– Начал, было, Басмач.

–Со мной?– Взревел Отец.

–С тобой.– Кивнул Басмач,– но не над тобой. Не перебивай, если не хочешь, чтобы мы об этом неделю говорили.

–Продолжай.– Согласился Отец.

–Мы поставим эксперимент, потом вернем тебя домой.

–Что за эксперимент?– Поинтересовался Отец.

–Мы тебя свозим к одним замечательным людям. И все.

–И все?– Не поверил Отец.

–И все.– Кивнул Басмач.

–Ох, не лги, царю лжешь.– Отец допил стакан.

–Не умею.– Сказал Басмач и вскочил со стула.– Не приучен. В отличие от тебя.

–Кстати, почему я?– Спросил Отец.

–Ты нам больше всего подходишь.

–Почему?

–Да ты не поймешь.– Ответил Басмач.

–Да где уж нам уж выйти замуж. Ты, Грузия-фильм, говори как есть. Мне уже надоели твои загадки.

–Понимаешь, нам нужен твой генотип, до конца и нам неясно зачем.

–Снова лжешь, бесславный потомок славной царицы Тамары. Будешь еще водки?– Тон Отца давал ясное представление Басмачу, что отказ равносителен мучительной смерти.

Басмач пожал плечами, довольно жалко демонстрируя свою уверенность, будто у него есть выбор. Отец прогулялся к тумбочке, которая все больше с каждым глотком ему нравилась.

–Я надеюсь, что вы меня на органы не собираетесь продать?

–Не говори глупостей, что за нездоровый цинизм? Если бы нам была нужна твоя печенка, мы бы ее клонировали. Одни...– Басмач замялся,– люди... заинтересованы в тебе.

–Я тебя правильно понял? Эксперимент состоит в том, чтобы меня кому-то показать?– Удивился Отец.

–Ты очень проникательный.– Удовлетворенно сказал Басмач.

–Что-то на эксперимент не очень сильно похоже.– С сомнением произнес Отец.

–Если бы ты знал всю подоплеку, ты бы так не говорил.

–Так расскажи.– Уже требовал Отец.

–Мы...– Басмач ухмыльнулся себе в нос,– ученые, собственно даже не знаем, кто в тебе заинтересован.

–Так вы хотите меня свозить туда, не зная куда, показать тому, не зная кому?– Развеселился Отец.

–Близко к истине. Мы их называем Инвизами. Они связались с нами и потребовали, в крайнем случае, мы так думаем, твой генотип...

–Инвизами? Невидимками?– Отец покотился со смеху.– Вы, никак, с военными работаете? У них всегда такие вычурные названия. «Буря в пустыне», «песчаный паук»...

–Да. Невидимками. Они с нами связались и передали код твоей ДНК. Мы клонировали тебя. У нас очень хорошие генные инженеры. Свозили твоего двойника в условленное место. Они на него никак не прореагировали. Мы решили, что они намекают на некое конкретное лицо, которое, возможно, их связной у нас. Так мы вышли на тебя.– Басмач пристально смотрел Отцу в глаза, стараясь уловить в его взоре возмущение или сопротивление.

–Склонировали?– Удивился Отец и отправил в себя еще несколько граммов водки.– Как Долли?

–Склонировали,– кивнул Басмач.– Только, видишь ли, мы не можем клонировать твои мысли. Нам так кажется, что им нужен оригинал. Ты им нужен.

–Зачем?– Отец не верил своим ушам.

Услышанное сильно походило на розыгрыш, однако нелепый вид собеседника указывал на обратное. Верилось с трудом, что какой-то рядовой студент, ни чем не обозначивший себя в мировом масштабе, мог заинтересовать неких неведомых невидимок, которых ученые в лице Басмача ни разу не видели.

– Это мы и собираемся выяснить. – Поднял брови для пущей убедительности Басмач.

– Ну, так поехали к ним и дело с концом. – Отец начал приплясывать от нетерпения.

– Куда? – Поинтересовался Басмач.

– Как куда? К вашим Инвизам.

– Они сами с нами связываются. Ждем от них весточки. – Покачал головой Басмач.

– Так вы что, меня украли, не договорившись с ними? – Удивился Отец.

– Не украли. – Возмутился Басмач. – Не украли! Пригласили.

– Ты это называешь «пригласили»? Похитили, самым натуральным образом похитили из леса. Кстати, как вы это сделали?

– Тебе лучше пока не знать об этом. – Проворчал Басмач.

– Это еще почему?

– Тогда мне придется тебя убить. – Усмехнулся Басмач.

– Так начинай. – Отец показал кулак своему собеседнику.

– Это, конечно, шутка. Никто тебя не станет умерщвлять. Только тебе об этом лучше не знать. Спать крепче будешь.

– А я на сон и не жалуюсь. – Сказал Отец.

– Вот и прекрасно. Пока отдыхай, набирайся сил. Инвизы с нами свяжутся, мы все выясним. Вот тогда и поедешь домой.

– Нет, дружище, так дела не делаются. У меня учеба...

– Учеба подождет. – Резко оборвал Отца Басмач.

—Я на твоём месте так бы не стал говорить. У меня могут из-за прогулов возникнуть большие проблемы в институте.— Констатировал Отец.

—Мы это уладим. Я тебе обещаю. Никаких проблем с учёбой у тебя не возникнет. У нас большие связи.— Сказал Басмач.

—Так, может, вы мне сразу диплом дадите, тогда я с вами ещё покатаюсь. И вы можете мне привить и лихорадку Эбола, если захотите, конечно. Я, как нос Васин, на все согласен.— Засмеялся Отец.

—Дудки. Учиться будешь сам. А проблем у тебя не будет. На этом точка. Я тебе уже пообещал.— Хлопнул себя по коленке Басмач.

—Тогда пошли, покажешь мне ваш научный городок.— Отец указал куда-то в сторону.

—Вот это, братец, и не проси.— Покачал головой Басмач.

—Так что мне теперь здесь всю дорогу сидеть? Я же с ума сойду в четырёх стенах. Кто его знает, когда ваши невидимки с вами свяжутся. Вы, кстати, на ФСБ работаете?

—На какой вопрос...

—По порядку.— Рывкнул Отец.

—Да, да, нет.— Развел руки Басмач.

—Объяснись, пожалуйста.— Отец раскрыл глаза от удивления.

—По порядку? Сидеть всю дорогу— да. Пока Инвизы не свяжутся, сидеть— да. На ФСБ работаем— нет.— Сказал Бас-

мач.

—Ох, не лги.— Отец пригрозил Басмачу пальцем.

Грозить пальцем Отец приобрел привычку давно. Он где-то прочитал, что слабый грозит кулаком, сильный же грозит пальцем. Изредка он грозил средним для пущей убедительности, при этом жест приобретал несколько иной смысл.

—А как они на вас вышли, чтобы меня попросить? Инвизы ваши?

Басмач нахмурил лоб, обдумывая ответ.

—Как тебе сказать то... по радио. Вышли в эфире на связь. Так мол и так. Нужен такой тип с таким набором генов. Вот и все.— Басмач пожал плечами.

—Просто по радио?— Не поверил Отец.

—Точно.— Утвердительно кивнул Басмач.

—Мне бы по радио кто-то попросил найти такого-то, такого-то с таким-то набором ДНК. Я бы его к чертовой матери рекомендовал и дело с концом. Ты лжешь мне, Басмач. Я точно знаю— лжешь. Скажи правду. Так всем будет легче.— Вежливо погрозил пальцем Отец.

—Понимаешь. Это не совсем обычная радиоволна. Вроде кода. По всему ясно, что мы имеем дело с важными персонами. Их к чертовой матери рекомендовать нам не к лицу.

—Тогда, если не хочешь говорить правду, выпусти меня отсюда. Мне нужен воздух.— Попросил Отец.

Басмач скупно покачал головой.

—Хорошо.— Проворчал Отец.— Сам не выпустишь, я сам

уйду.

–Сделай одолжение.– Усмехнулся Басмач.

–Компьютер, выход.– Закричал Отец.

–Hello, компьютер– это я, помнишь?– Басмач покрутил перед виском пальцем.

–Да,– крикнул с досады Отец.– Забылся.

Он взял стул, подошел к стене и наотмашь хватил его об угол. Стул в мелкие щепки разлетелся по всей комнате. На угле не осталось и следа. Не было ни царапинки, ни потертости. Отец подошел к стене и пальцем провел по углу. Стул не оставил даже маленькой зазубринки, которая свидетельствовала бы о силе удара.

Немцы делали, решил Отец, все-таки мы мягко с ними обошлись в сорок пятом...

–Маймуна гежешвили,– вскричал Отец.– Выпусти меня.

Басмач исчез так же внезапно, как и появился.

–Ты своему соратнику, Гедевану, скажи, чтобы его здесь тоже духа не было.– Крикнул Отец в воздух.

–Не переживай. В ближайшие семь тысяч лет он сам не захочет тебя увидеть.– Сказал Басмач.

Голос, обезоруживший сомнения Отца, казалось, исходил из-за стены.

Оставшись наедине сам с собой, Отец начал кружить по комнате. Еще сегодня утром, казалось, он выехал с Леликом на поиски брата и, вдруг, нежданно-негаданно, оказался в этом самом месте, в социальном статусе которого не был до

конца убежденным. Что это за место? Научный городок? Как утверждал Басмач. Конкурирующая держава? Не укладывалось в голове объяснение неосязаемого Басмача, что в нем заинтересованы некто, коих в глаза никто не видел. Какая-то чушь. Они связались по радиосвязи, чтобы заполнить Отца. Почему на его месте не оказался Гурик или Боцман? Отец, пусть и не всегда послушный студенческому уставу, студент не мог оказаться на виду неких неизвестных Инвизов. Почему Инвизы? Почему невидимки? Неизвестных посягателей на суверенитет государства, случись им оказаться такими, никто не стал бы называть невидимками. Радиопиратов тоже никто не додумается величать Инвизами. Странно все это. Зачем похитили Отца? Что это за эксперимент, суть которого состоит лишь во встрече с неведомыми Инвизами, которые связываются с коллегами Басмача по радио, когда им это удобно? Отец так видел эксперимент: белые кафельные стены забрызганы вишневого цвета кровью, на полу разбросаны окровавленные останки жертвы эксперимента. Ученые, покрытые защитными костюмами, выходят из помещения, о халаты отирая огромные ампутационные ножи и пот. Вот это— эксперимент, так эксперимент. Как у Басмача поворачивается язык встрече с невидимыми Инвизами называть экспериментом? Тут что-то не так, решил для себя Отец. Становилось немного жутко от мысли, что его готовят к эксперименту, суть коего не собирается перед ним раскрыть никто. Наверное, зря Отец угостил Гедевана кулаком. Можно

было попытаться у него выведать тайну его появления в этом месте. Еще вопрос. Как его смогли похитить? Он точно помнил все, что с ним происходило в Кичигинском бору, когда Отец шел мимо стройных рядов сосен в поисках искалеченного брата. Он вышел на поляну, встретил мужика, очень похожего на Дэна, собрался перекурить это дело. В этот самый момент его куда-то понесло. Что это могло быть? Снотворный газ? Вероятно, нет. Поскольку в лесу кроме него никого не было. Заранее устройство с газом заложить было невозможно, поскольку Отец и сам не знал куда он пойдет. Снотворная пуля? Тоже нет. Он ее почувствовал бы. Отец для уверенности ощупал шею, куда обычно стреляют снотворными зарядами, если верить американским фильмам. Шея, как шея. Тогда что же это было? Брат. Он шел за братом. Они с братом однояйцевые близнецы. У них с братом одинаковая ДНК. У них абсолютно идентичный набор генов. Быть может, эти неведомые Инвизы искали брата, а его, Отца, Басмач & К схватили не разобравшись? Быть может, это именно Дэн имеет с ними какие-то дела? Но брат был пусть и импульсивным и резким, как диарея, но он всегда был законопослушным гражданином и честным человеком. Если предположить его связь с враждебной державой, то с равной долей вероятности можно обнаружить в Отце крокодила. Отец был уверен в патриотической верности брата, как в самом себе. Тут что-то другое. Брат. Если это не Отец, значит, это может быть только брат. С другой стороны, люди, похитив-

шие Отца, должны были быть уверенным в том, что объект их преследования— именно Отец, а вовсе не Дэн. Неужели они могли сделать такую непростительную ошибку? Кто скажет, быть может, они искали брата, а поймали Отца? Нет, это исключено. Поскольку в этом самом месте, в котором оказался Отец после своего стремительного пробуждения, его знают как Отца, Яшина Александра. Если бы стала возможна ошибка, его не преминули бы назвать Дмитрием.

Отец налил себе еще стакан водки из бутылки, что в тумбочке под телевизором, и залпом его выпил. Мозг растворился в этаноле. Стало легко и свободно. Притупились былые страхи. На задний план отступили все проблемы, остался лишь он сам со своими мыслями. На просьбы появиться, Басмач не реагировал, бросая в Отца односложные фразы.

—Почему ты не хочешь меня выпустить. Хоть прогуляться. Уже все бока отлежал.— Скулил Отец, слоняясь по комнате.

—Не время. Вот свяжемся с Инвизами, тогда будет тебе и лисица рыжая и тетка бесстыжая.— Вещал откуда-то из-за стены Басмач.

—Рыжая?— Спросил Отец.

—Обязательно рыжая.— Отец почувствовал, что Басмач утвердительно кивнул.

—Басмач, хоть одним глазком посмотреть, куда вы меня затащили.— Просил Отец.

—Ты же умный, сам что-нибудь придумай.

Дни полетели. Отец исходил все углы, он часами пропадал

в джакузи, он перелистал все книги, которые себе заказывал. Пересмотрел все старые фильмы, которые транслировали по ТВ. Не покидало ощущение тайны, в которую его не посвящают по неведомым причинам. Свежа было в памяти и авария брата. Так не хотелось верить в смерть. По глубокому убеждению Отца ничто не может быть постояннее смерти, и с этим ничто нельзя поделать.

За все время пребывания в комнате, выхода из которой не было, Басмач появлялся лишь несколько раз по настоящему требованию Отца, но, посидев минуту-другую, исчезал, и лишь глухой голос, казалось из-за стены, скрашивал одиночество узника.

Отец пробовал делать насечки на стенах, в память его заточения, чтобы хоть как-то вести счет дням. Но отметины исчезали немедля ни секунды. Несчастный обитатель комнаты без выхода отсчитывал дни лишь по мусору, множившемуся в углах комнаты день ото дня, да по пустым бутылкам, коих скопилось немало.

Утро начиналось с головной боли и желудочных спазмов. Эти минуты Отец коротал в джакузи, стараясь расслабиться и привести себя и мысли в порядок.

–Басмач.– Позвал Отец своего тюремщика.

–Ну.– Промычал где-то Басмач.

–На волю хочу.– Прошипел Отец, нежась в теплых пузырьках джакузи, потягивая какой-то сладкий коктейль.

–Чего тебе здесь не сидится?

–Я как посмотрю, ты– домосед. Знай, дружок, что не все такие.– Проворчал Отец.

–Ну, а куда бы ты хотел?– Спросил Басмач, не выказывая желания появиться.

–Хоть куда. Лишь бы уже отсюда куда-нибудь. Все надоело.

–Так куда?

Отец представил себе заводь, в которой он на паука с лодки ловил карасей с судаком.

Дальняя стена растворилась, открывая за собой чудесный вид. Высокий тополь нахально размахивал ветвями, ива послушно мочила свои рукава в реке, протягивая время от времени их к перекату, где речка, блестя на солнце, как потная тетка, скакала по камням, местами поросшим тиной. На другом берегу стоял мужик с удочкой и нет-нет потягивал из зеленой воды рыбку. Отец махнул ему рукой, мужик, плюнув с зуба сигарету, ответил ему тем же, приложив ладонь к предплечью.

–Ух, ты...– Выдохнул Отец.– Давно бы так.

–Be my guest.– Сказал Басмач.– Не стоит благодарности.

–Что ж ты раньше меня терзал так?– Сказал Отец.– А благодарностей не будет.

В ванную комнату залетела шальная муха.

–Басмач, что за шутки то? Мух отставить.– Крикнул Отец, и муха с недовольным видом улетела прочь.– Почто жить мешаешь?

По реке проплыла надувная лодочка с двумя хмельными рыбаками. Те весело, с матерком, обходили водные камни с лопухами. Мужики привязали сеть к ивовой ветке, и так же шутя, с шутками-прибаутками укатали вниз. Грусть охватила Отца. Басмач показал ему позднюю весну, хотя на дворе уже спала старуха-осень.

—Басмач, дай чего-нибудь менее живописное, а то что-то сердечко защемило от ностальгии.— Захныкал Отец, и знакомая заводь превратилась в унылый пейзаж.

Песчаные барханы нехотя наползали друг на друга, серое небо печально дуло на них промозглым ветерком. Резкий порыв ветра плюнул в Отца горстью песка.

—Нет, ну ты совсем не понимаешь ничего, что ли? Чего делаешь, я тебе уши оторву, вот только пить брошу. Драть тебя некому и мне некогда.— Проскрипел Отец.

Он встал с ванной и прошелся по теплому пружинящему песку пустыни. Дверь, ведущая в ванную комнату, осталась далеко позади. Отец улегся на бархан. К мокрому телу пристал песок, и Отец стал похожим на панировочный сухарь.

Да что же это за технологии такие? Удивлялся Отец. Гипноз? Может статья. Только, уж больно долго длится этот гипноз. Быть может это сон? Тоже не похоже на правду. За один сон не успеешь так сильно утомиться от одиночества.

—Басмач.— Позвал Отец своего единственного собеседника.— Это не сон?

—Если и сон, то для меня. Он очень плохой, смею тебя в

этом уверить.

–Негодяй.– Бросил в воздух из бархана Отец.

–Почему у тебя такое злое лицо?– Осведомился голос из ниоткуда.

–...

–Это, к великому сожалению для нас обоих не сон.– С грустью произнес Басмач, которого по-прежнему не было видно.

–А почему у тебя нет никакого лица?

–...

–Вот тогда и не говори глупости. Я от твоего оригинала-двойника уже натерпелся.– Отец вскинул кулак в воздух.

На Отца внезапно налетел порыв ветра и бросил горсть песка в лицо.

Скука. Скука. Скука. Очень удачно предки назвали скуку– скукой. Скука, словно старая облезлая собака, такая же ворчливая и беспокойная, скулила и скреблась по углам, фыркала и злилась. Она не давала покоя. Она много повидала на своем веку. Она была бита батогами и крепким словом. На нее лили кипяток из чайника, вставляли в ноздри пылающие угольки, палили усы спичками, зарывали в снег, ставили на нее мышинные капканы с колбасой. Ей все нипочем. Пробовали травить, вставляя в хлеб фенол. Ее желудок оказался крепче. Скуку морили голодом, терли битое стекло в кашу– она жила. Ее сыновей топили в пруду, давили тракторами. Она улыбалась. Лишь старость понемногу одолевает

ее и то ненадолго. Скука. Ее бока проела моль, шкура потерялась до кожи и лоснилась терпким мускусным салом. Походка ее была шаткой и нетвердой. Над ней смеялись все и ничто не могли сделать. Она переживет всех. Скука. Она неторопливо поедает человеческие души, оставляя за собой пожелтевшие от мочи листья старых газет и обрывки книжных корок. Она, старая дура, любит подолгу рыться в грязном белье, переворачивая все с ног на голову. После нее все приходит в негодность. Мозг сверлят нелепые чужие мысли, свои же не приносят облегчения. Где прошла скука, там надолго остаются липкие, холодные следы ее бывшего разгула, которые очень тяжело отмыть. Она разбрасывает по углам любимые книги, диски и кассеты. После нее остаются немывыми чашки и тарелки. Порой она забрасывает их под кровать или оставляет на тумбочках. Она крошит сухим хлебом в постели. От нее летят окурки и черные угольки истлевших спичек, стены пахнут ее мускусом и табачным дымом не всегда хороших сигарет. Постель ее— потертая серая тряпка, мокрая и затхлая. Иногда скука особенно сердает, пригласив к себе дворнягу— одиночество. От них иногда тяжело избавиться. Нужно лишь время, которое скука и ее лучшая подруга боются больше всего.

Глава 6.

Отец перевернулся на другой бок и поправил подушку.

Он уже битый час как не спал. Затылок ломило от постоянной горизонтальной позы. Пахло жасмином до умопомрачения. Ажурные розовые шторы колыхались на вольном ветерке. Где-то недалеко запела птаха. Начинался рассвет, и первые лучики уже знакомого Отцу солнышка шурились сквозь призрачную пелену утренней дымки. Тут же невдалеке просыпался маленький водопад, весело журча и переливаясь в первых лучах аквамаринном, напоминая цветение синяка. Ленивые брызги омывали небольшую заводь с одной стороны поросшую камышом. Там водилась щука, и на ночь Отец расставлял здесь сеть. Он заказал у Басмача, чтобы улов был не меньше двух щук, не считая мелюзги. На ночь Басмач старательно выключал звук падающей воды, поскольку праздный обыватель в резкой форме высказывал свое неодобрение по поводу громких звуков во время сна. Насекомые были тоже исключены из экосистемы. Отец недолюбливал насекомых, потому как считал, что на их век кровопивцев в виде ФОМСа, ГИБДД и налоговых инспекторов хватит и без того. Не было слышно и лягушек, которые своим визгом напоминали милую будущую тещу. На берегу стоял прозрачный стеклянный маленький столик в окружении гнутых стульчиков. Рядом сушилась резиновая лодка. Отец не допускал мысли, что губить рыбу можно с деревянной лодки, или еще хуже – с катера. Между небольшими деревцами была натянута веревка, и вяленые рыбы глупо скалились со своего нелепого насеста. Чуть в стороне под скалой стояла нам уже

знакомая джакузи, этот великолепный инструмент, исцеляющий душевные раны, Отец не решился исключить из своего бивуака, как и бар, который переместился в ствол растущего тут же дуба. С подветренной стороны Отец приспособил маленький зеленый домик для раздумий с вакуумным эвакуатором. В скале он соорудил маленькую дверцу, ведущую в потайную комнату. Изначально здесь планировалась бетаку, но со времени своего невольного заточения он не встретил ни одного разумного человека, не говоря уже про женщину. Басмач, как наделенное разумом существо, в счет не шел. Он появлялся лишь по настоянию неумемного обитателя этого оазиса для поддержания компании.

Попытки найти выход как всегда не приносили результатов. Порой громогласное рычание возвещало окрестности о новой неудачной попытке бегства Отца. Басмач в своих объяснениях дальше научного городка не шел. Обещанные Инвизы тоже не появлялись. Отца это очень раздражало и печалило. В округе Отец старался поддерживать порядок, потому что первая попытка извести Басмача Авгиевой конюшней не увенчалась успехом.

Узрев некоторые возможности компьютера, Отец сменил свою крошечную уютную комнатку на прелестный оазис с водопадом и рыбой. Рыбнадзор он по известным причинам тоже не пустил в свой эдем. Пейзаж был некоей квинтэссенцией его немногочисленных познаний южной флоры и рядом с дубом росли баобабы, рододендроны, пихты и даже кар-

ликовая березка. Ее он заказал чтобы разнообразить летний южный сад представителем северной флоры. Ему всегда хотелось посмотреть на нее, да все было недосуг. О рододендронах он тоже ничего не знал, вот только название внушало ему священный ужас. Растение с таким величественным названием оказалось невзрачным кустиком, а, может быть, Басмач, не лишенный юмора, выдал кленовую поросль за рододендрон.

В заводи рыба была тоже разношерстная от красноперки и форели, до пираньи и летучих рыб. Поедать друг друга они, понятно, не имели права. Чем же они питались, для Отца навсегда осталось тайной за семью печатями, да он и не сильно ломал над этим себе голову.

Из-за листвы показалась ушастая глупая голова коалы. Несчастное животное страдало от недавно пережитой биохимической травмы. Тот слез с эвкалипта, подошел к столику и замотал головой. Отец его сформировал не в аскетических традициях, но в обычаях средней русской полосы и очень любил напаять до бесчувствия. Он заказал у Басмача на блюде джин с тоником, его в дни физиологического дисбаланса больше всего любил Пиначет (так звали коалу). Глупый медведь с благодарностью стал слизывать искрящуюся жидкость, постепенно приводя в порядок свой гомеостаз. Насытившись, Пиначет развалился на травке, подставив свое ненасытное брюхо солнцу. Накануне Отец с Пиначетом засиделись допоздна, распивая коньяки и пиво. Когда,

наконец, пришло чувство удовлетворения, полного желудка и тумана перед глазами, Отец смог добрести до своей широкой кровати, заправленной мягкой периной. Пиначет же залез на эвкалипт, который считал своим домом, и еще долго мотал в ветвях своей глупой головой, стараясь немного придти в чувство и сориентироваться.

—Отец, вставай,— забормотал Басмач.

—Чего надо?— Спросил недовольный Отец, не поднимая головы с подушки.

—Дело есть.— Ответил Басмач.

—Какое?— Отец не торопился. Он ожидал какую-нибудь очередную колкость.

—Говорю, дело. Или ты оглох на старости лет.— Крикнул Басмач.

—Басмач, твои крики мне уже надоели, как козлу гармонь.— Так же, не отрываясь от подушки, сказал Отец.

—Пошли на прогулку, планы изменились. Приведи себя в порядок.— Сказал Басмач. В его голосе слышались нотки сарказма.

—Опять твои глупые розыгрыши?— Отец сел в кровати.

—Клянусь. На этот раз ты не пожалеешь.— Поклялся Басмач.

—Серьезно?— Переспросил Отец, не веря своему счастью.

—Обижаешь,— заверил его Басмач.

—Ладно,— Отец нехотя встал с кровати.— Приберись пока. Кровать уже была заправлена, будто на ней никто и не

спал. Отец прихватил с собой полотенце. Оно висело на ветке эвкалипта, росшего на берегу, и направился к водопаду. Его воды разбивались о бетонную площадку, к которой направил стопы свои страждущий. Теплые потоки охватили Отца, вымывая прилипший к коже уксусный альдегид. Крупные капли молотили по макушке, вбивая в темя полезные советы. Приняв естественный природный душ, Отец нырнул в заводь с приступка, испугав стайку робких пираний. Несколько летающих рыбок вспорхнули к берегу, чем несказанно удивили Пиначета. Отец проплыл под водой к сетке. Две Щуки, подумал Отец, вот скряга.

Выбравшись на берег, Отец почувствовал прилив сил. Он вытерся махровым полотенцем и оделся. Одежда претерпела те же изменения, что и интерьер. Теперь на нем были легкие пляжные сандалии, широкие шорты и свободная рубашка с коротким рукавом. Отец причесался.

–Готов.– Констатировал Отец, как если бы констатировал смерть мозга.

–Ну, добро пожаловать в кроличью нору, Алиса, сейчас пойдем в реальное пространство.– Запел Басмач откуда-то из ветвей.

Меж деревьев появилась арка с черным зеркалом. Отец скользнул внутрь. Запахло йодом. Отец осмотрел комнатку, в которой оказался. Она была такая же, как та, в которой он устроил себе общежитие: белые стены и потолок, только на ощупь она не казалась такой же эфемерной. Ее стены мяг-

ко пружинили, мягкий шепот эха отзывался в ответ на прикосновения Отца. Хоть какое-то разнообразие. Одет он был снова в тот же комбинезон, от которого в первый день своего появления избавился очень быстро. Он отметил, что от вчерашнего похмелья не осталось и следа, не было даже дрожи в конечностях. Непривычно молчала вегетативная нервная система, будто Отец над ней и не измывался столь долгое время. Рядом появился Басмач.

— Съешь чего-нибудь, а то ты уже месяц ничем не питался.— Сказал он.

Отец протянул к нему руку, тот оказался неосязаемым.

— Ты чего, боишься меня что ли?— Спросил Отец.— Чего испарился?

— Потом объясню, в реальном пространстве моя материализация очень энергоемка, так гораздо выгоднее.— Ответил Басмач, указывая на выросший из пола стол с двумя стульями.— Это всего лишь голография.

Отец почувствовал, что на самом деле очень голоден, сейчас он съел бы даже ежа, и жалобное повизгивание коего не родило бы чувство сострадания.

— Что за место?— Спросил Отец, присаживаясь за столик.

— Столовая. Можешь так ее величать.— Махнул рукой голографический Басмач.

На столе были горячие пельмени с майонезом, небольшой кусочек хлеба и огромная кружка крепкого чая, словом самая любимая еда Отца. Да, подумал Отец, они меня хорошо

знают. Отец всегда ел пельмени с хлебом и майонезом, по его утверждениям, он с майонезом ест даже яблочный пирог.

—Что за реальное пространство?— Спросил Отец, уплетая пельмени.

Басмач сел на стульчик напротив.

—Ну, слушай, лягушка путешественница. Правда тебе, быть может, это придется не по вкусу. Есть три типа пространства: первое— реальное, как сейчас, как у тебя в общаге, как дома. Второе-гиперпространство. Про него ты, наверное, читал...

—Угу.— Кивнул Отец.

—В гиперпространство мы пока проникнуть не можем, не те технологии.— Продолжал Басмач.— Мы о нем знаем только теоретически. Знаем и все тут. Его еще называют параллельным пространством.

Басмач развалился на стульчике.

—Понятно. Ничего не понятно. К чему эта демагогия?— Отец уменьшил темп пережевывания, поэтому у него появилась возможность вставлять словечко— другое.

—Уймись ты... Сейчас вообще ничего не буду рассказывать.— Обиделся Басмач.

—Продолжай.— Новый пельмень отправился в темную даль по пищеводу.

—Третье пространство-это конвертерное. Это что-то среднее между реальным и гиперпространством. Представь себе

аквариум. Его содержимое— это гиперпространство. Конвертерное— это стенка аквариума, а все что снаружи— это реальное пространство. Понял?— спросил Басмач, не надеясь на понимание.

—Все это очень интересно. Я многое от тебя услышал, теперь послушай меня ты. У нас таких технологий нет. Это— раз. Пространство, о котором ты мне так красиво поешь, не описано ни Евклидом, ни Лобачевским. Это— два. Теория, не подкрепленная практикой, не стоит и выеденного яйца. Это— три. Из этого я делаю следующие выводы: первый— ты чего-то боишься, и стараешься за словоблудием спрятать свои страхи, второй— стараешься мне заговорить зубы, чтобы отвлечь меня от проблем насущных и моего похищения, и третий, самый наиболее вероятный вывод— ты просто лжешь.— Отец развалился на спинке стульчика.

—Какой ты, батенька, умный. Кто бы знал! Так вот, гений, слушай, я тебе не вру. Не веришь не надо. Сейчас поешь, я тебе покажу кое-чего. Смотри только язык не проглоти. Хотя я в душе буду очень надеяться, что это случится.— Басмач выдвинул средний палец из кулака, демонстрируя Отцу его тыльную сторону.

—Что, бунт на корабле, хорошо...— Отец продолжал поглощать пельмени, их число заметно убывало, пропорционально майонезу. Приятная тяжесть на желудке рождало прекрасное настроение, которое пытался испортить блуждающий нерв, закрывая глаза.

–Ты не далек от правды. Жуй скорее.– Средний палец Басмача вернулся в кулак.

–А ты чего не ешь, с осени закормленный? Или здесь не дают бананы?– Спросил Отец.

–Спасибо. Не хочется. Я смотрю, как это делаешь ты– мне этого достаточно. У любого испортится аппетит, глядя на тебя.

–Куда поведешь?– спросил Отец.

–Кое-куда.– Поведал Басмач.

–Исчерпывающе.– Отец приготовился к неожиданностям.

Отец насытился. Появилась арка, с которой Отец начал понемногу свыкаться. Басмач исчез. Эти его несколько неожиданные появления– исчезновения немного смущали Отца. В голове не вязалось, что уже появились подобные технологии. И в скором времени он решил выяснить это. Он понял, что то, что хочет показать ему Басмач несколько отличается от того к чему привык Отец, однако все его ожидания превзошли его даже самые смелые предположения. Он увидел женщину! С момента его немного необычного похищения он не встречал ни одну особь женского пола, а эта была особенно хороша.

–Хай,– махнул рукой Отец. Девушка ему улыбнулась.– Ну и как тебе после меня твой муж?– спросил Отец.

Девушка остановилась, в ее глазах кричало недоумение.

–Не сходи с ума,– заворчал из-за спины Басмач.– Одному андроиду ты уже испортил настроение.

–Так она...– Удивился Отец.

–Точно.– Кивнул Басмач.

–Какой я проницательный.– Отец огляделся.

Он остолбенел, точно ему дали молотком по физиономии. Перед ним был огромный иллюминатор, в котором блестяли, словно огромные испуганные зрачки, звезды. Они были огромные, мерцающие и такие разные, как женщины. Они медленно проплывали мимо. В зале, котором появился Отец, было множество неведомой аппаратуры расставленной в ряды на стеллажах и встроенных в стену нишах с множеством мониторов и клавиатур. В центре зала болтался какой-то мужик в шлеме, от которого тянулся толстый кабель. К рукам его были прикреплены датчики. И этот чудо– человек размахивал руками, словно ему случилась нужда собирать паутину. В зале кроме Отца, Басмача, чудо человека-кабеля были две девушки– андроиды и еще пара -тройка рослых парней. Они исподлобья украдкой смотрели на Отца и суетились вокруг своих приборов. Отец отметил, что в их числе не было Гедевана.

Отец подошел к иллюминатору, пытаясь заглянуть вниз. Там была такая же непроницаемая чернота и звезды.

–Объяснись.– Потребовал Отец.

–Сам что-нибудь придумай, ты так хорошо рассказывал про Евклида, я думаю, и здесь тебя не покинет твое чувство меры,– съязвил Басмач.

–Кроме шуток, Басмач.

–Шутки, шутки, а в зубах бывают промежутки. Ладно. Ты в ... веке, на космическом корабле.

Будущее... Невероятно!!! БУДУЩЕЕ!!! Отец остолбенел. Не верилось. Как же все теории, объясняющие невозможность темпоральных перемещений? Отец вспомнил, что однажды ученые девятнадцатого века доказали, что нельзя развить скорость наземного транспорта выше тридцати двух километров в час, не рискуя оказаться в безвоздушном пространстве. Время показало, насколько сильно они ошиблись в своих вычислениях. Это означало и несостоятельность современных теорий относительно течения времени. Теперь Отцу стало ясно, откуда могли взяться черные арки, которые Басмач называл «выходами». Почему, вдруг, появились андройды, почему столь живая голография в виде Басмача могла ввести в заблуждение неискушенного Отца. Будущее. Космос. Вот дела... Значит, старик Лобачевский тоже стал выглядеть не в лучшем виде, как пережиток прошлого. Реальное, конвертерное, псевдореальное пространство. Если это— будущее, тогда это все объяснят.

–Ух, ты... вот уж где я не был...– Удивился Отец.— Почему не на Земле?

–Видишь ли, чтобы тебя забрать из прошлого, необходимо быть на том самом месте, где ты был сам. Земля же не стоит на месте. Мы рассчитали, где ты находился на Земле в своем времени, подошли на корабле к этой точке пространства, реального, разумеется...– Болтал Басмач.

—Ну разумеется...— Съязвил Отец.

—... и забрали тебя.— Закончил Басмач.

—Почему из космоса?

—Ну, Земля то ушла. Опять же, потом мы полетели на встречу к Инвизам. Подождали их. Ты в это время портил мне настроение.— Ответил Басмач.

—А они?

—А они не явились, и не ответили.— Ответил Басмач.

—Дай-ка закурить,— попросил Отец.— Я схожу с ума, дорогая редакция. А сейчас мы куда?

—Домой, на Землю.— Сказал Басмач, указывая на кресло, которое стояло невдалеке. Сигарету он так и не дал.

—Почему Инвизы не прилетели?— Спросил Отец, усаживаясь в кресло.

—Они с нами связываются, когда захотят. На наши вопросы не отвечают. Я же тебе говорил, что мы их вообще никогда не видели, причем здесь ты, мы тоже не знаем. Это было что-то вроде эксперимента, как они отреагируют на твое присутствие.— Басмач ходил вокруг кресла.

—Дай сигарету.— Отец поднял свои глаза на Басмача.

—Нельзя, здесь и так мало кислорода. Андроиды не дышат, а весь запас кислорода тебе хватит минут на сорок.— Ответил Басмач.

—Почему тогда я курил у себя?— Удивился Отец.

—У тебя— это конверторное пространство. Там можно делать все что хочешь.— Ответил Басмач.

–Тогда пошли ко мне.– Предложил Отец.– Эту девочку тоже захвати.

–На кой черт она тебе нужна, она же андроид.

–Все равно захвати.

Развалясь в креслицах на берегу чудесной заводи, Отец продолжал беседу с Басмачом. В натянутом между деревьев гамаке билась девушка. Отец нет-нет посылал ей воздушные поцелуи. На ощупь она была не менее живая, чем Мать, которая к этому времени давно умерла. Девушка заметно смущалась. Она то становилась красная, то бледнела, словно трепонема.

–Видишь ли, на корабле реального пространства очень мало, поэтому кораблик весит немного, потребляет топлива мало. Он очень быстрый и маневренный. Чем меньше масса, тем меньше расход энергии.– Вещал Басмач.

–А это тогда все?– Отец махнул рукой вдаль.

–На самом деле этого ничего нет. Это всего лишь проекция в твоём мозге. Сейчас ты реально представляешь собой тонкий-тонкий лист органической материи с массой стремящейся к нулю. На корабле установлено несколько пространственных конвертеров, они трансформируют реальное пространство в конвертерное. Это заметно снижает массу корабля, в месте с тем повышается пространственная емкость последнего. Понял?– спросил Басмач.

Отец кивнул, представляя себе, на что он похож со стороны.

–Конверторное пространство-это искусственное пространство. На самом деле его нет. Однако оно является переходным к гиперпространству. И пока ты находишься в конверте, компьютер, то есть я, проецирую в твой мозг различные картинки, они для тебя не менее реальны, чем те которые ты видел раньше, твой мозг не может их отличить от настоящих событий. Пока ты находишься в конверте, твое тело потребляет минимальное количество энергии. Анабиоз. Такая вот штука. Однако время от времени необходимо возвращаться в реальное пространство из конверта, чтобы пополнить энергоресурс организма. Поэтому ты был голодный, когда вышел отсюда.

Отец вспомнил, что после душа он действительно не был голоден. Голод пришел позже, в столовой. Видимо по этой же причине не было похмелья, хотя они с Пиначетом накануне очень были пресыщены алкоголем.

–Скажи тогда, пожалуйста, какого дьявола ты меня заставляешь мучиться с похмелья каждое утро?– Обиделся Отец.

–А чтобы жизнь малиной не казалась.– Басмач потягивал коктейль из стакана.

Солнышко приятно припекало. Сейчас оно припекало. Солнце– желтый назойливый фонарь. Что, казалось бы, может быть постоянное его? Ан нет. Оно всегда разное. Иногда оно весело светит, волнуя кровь и даря прекрасное настроение. Случается, оно отдыхает, обмахиваясь нежным веером

из облаков и отгоняя от себя назойливых комаров. Порой само, словно бешеная муха лезет в глаза, ворчливо и ехидно похмыкивая. Когда оно не в настроении— оно плюется холодным липким дождем, заставляя его залезать под кожу, или уходит, громко ругаясь. Солнце, когда простужено, чихает шквальными ветрами, неся с собой неприятности и разрушения. Оно любит надевать на нос серые тоскливые очки, сквозь которые все кажется гротескным и ненастоящим. Временами оно играет в салочки, пряча свое яркое тело за проститутку— Луну. Все знают, куда девалось солнце, однако делают вид, что восхищаются его изобретательностью и тонким юмором, хотя все видят его края. Солнце же тоже веселится оттого, что так лихо всех обмануло, однако этот прием стар, как мир. Иногда солнце прячется не так изощренно. Один раз, совсем по-стариковски, оно с тоской оборачивается из-за гор, когда уходит спать. Просыпаясь, оно совсем по-детски щурится и потягивается. Оно зевает, когда не выспится, топает грозами. Оно любит играть с кошками, вводя их в слепую ярость, изводя своими лучами. Несчастные крутятся и бегают до изнеможения, а солнце улыбается, смотря, как кошки убивают свои нервные клетки.

Некоторые в нем видят источник вдохновения, хотя солнцу на это наплевать. Другие к нему относятся прохладно, встречаясь с ним лишь несколько дней в году, третьих беспокоит его утомительное постоянство. Тогда они убегают от него в сырые пивные подвалы. Солнцу наплевать и на этих.

Еще у него есть другая шутка— оно вовсе не выходит. Оно отпускает вместо себя лишь скуку и серую ненависть. На севере оно отправляет своего подлыгалу— сияние. Смешно, однако, некоторые довольны и готовы мириться и с этим. Они в нем видят нечто феерическое и божественное, хотя в душе признают, что это— подделка. Когда солнцу тоскливо, оно распускает нюни и хнычет несколько дней кряду. Пользы от этого мало, однако от этого растут грибы. Говорят, оно дарит жизнь. Иногда это так. Оно выжигает последнюю растительность, засыпая песком следы своего бесчинства, гонит зверье из леса, поджигая иссушенные стволы. Или студит жилы морозом бедным тюленям и эскимосам. Может оно и дарит жизнь, только каким-то своим, никому непонятным способом. И только Басмач нашел на него управу, заставляя солнце петь по его дудку.

—Видишь ли, конверт— это очень удобная штука. Это вроде как ты тащишь за собой огромную телегу, нагруженную всяким хламом, а на самом деле за тобой плетется усталый негр и тащит за тебя твою повозку,— продолжал Басмач.

—Хламом ты не меня называешь, надеюсь?— Осведомился Отец, стараясь умерить свое негодование.

—А то. Как не тебя.— Басмач искоса глянул на собеседника.— С одной стороны ты везешь с собой очень много, с другой— ничего не везешь, понял?

—Да вы тут тоже все лентяи. Дай-ка пивка.— Попросил Отец.

На столике появился стакан с пенистым пивом. Отец испил с края.

–Теперь забели его немного.– В стакан плюхнулось немного водки.

–Может уже остановишься? Скоро начнутся великие дела,– сказал недовольно Басмач.

–Не твое дело. Слушай, Басма, ты, наверное, про Дэна знаешь, братца моего?– Спросил с надеждой Отец.

–Нет. В твоём времени не было глобальной базы данных. Мы тебя-то с трудом нашли, так, по чистой случайности. А ты, я вижу большой шутник.– Оскалился Басмач.

–Ты про что?– Не понял его Отец.

–Сам, наверное, догадываешься?– Воровато спросил Басмач.

Отец призадумался. В его жизни, конечно, много найдется моментов, за которые стыдно во время их совершения, но которые с течением лет превращаются в подвиги. Однако ничего кардинального или постыдного он не успел свершить. То же самое можно было сказать и про его брата, Дэна.

–Шутник, понятно. Только чего ты смеешься, дурачок?– Спросил Отец.

–Вот и я вижу, что шутник. Не знай, много ли нет, по свету твоих потомков бегают?– Ухмыльнулся Басмач.

–Пока, насколько я помню, ни одного не сделал, хотя помню временами плохо. А здесь еще не успел. Видишь ли, если к этой проблеме подходит в одиночку– встретишь немалые

трудности. Женщин ты же ко мне не пускаешь.— С надеждой в голосе проворчал Отец.

—Облезешь.

—А чего это ты про потомков заговорил?— Отец повернул голову к Басмачу.

—Так мы тебя как вычислили-то? Чисто случайно. Инвизы, с которыми мы хотим установить контакт, послали нам код твоей ДНК. Мы думали, что только с тобой они и станут разговаривать. Мы ДНК твою смоделировали, потом склонировали. Твои копии им чего-то не понравились. Мы пытались объяснить им, что вот, мол, готов ваш пациент. Они молчат. Мы и так и эдак крутились— ни слуху, ни духу. Потом решили отыскать реального человека с этим генотипом. Думали, что ты— их связной. В нашем времени такого генотипа не оказалось. Тогда стали искать в банке данных, только тут-то и обнаружили твою ДНК в банке спермы, которую ты сдал. А потом пришлось тебя пригласить к нам.— Басмач крутил в руках стакан.

—Пригласить,— хмыкнул Отец,— похитить— вот правильное слово. Только, Басмач, неточность небольшая, к нам вкралась очепятка. Спермы-то я никакой не сдавал. Я предпочитаю естественный процесс размножения. Хорошие люди должны размножаться.— Отец показал Басмачу ладони.— Что ты видишь?

—Руки.— Не понял Басмач, хотя и ожидал подвоха.

—Мозоли здесь видишь?— Переспросил Отец.

Басмач покачал головой.

—А чего тогда всякую чушь несешь? На мой век женщин хватит. Секс без дивчины— признак дурачины. Понял?

—Тебе документы, что-ли показать, росписи твои за получение денег? Отпечатки пальцев твои?— Басмач прищурился.

—А за это еще и деньги платят?— Засмеялся Отец.

—Я тебя заинтересовал?

—Пошел ты... Только я сперму все равно не сдавал. Внимательнее посмотри свои бумажки.

В руках Басмача появились квитанции.

—На, посмотри, если не веришь. Это копии.— Протянул бумаги Басмач.

Отец взял. Росписи действительно были его. В документах лежали показатели волшебной жидкости о количестве, фертильности носителей хромосом, их скорости. Прилагались анализы на гепатиты и групповую принадлежность крови. Отец не верил своим глазам.

—Басмач, зная тебя, я не удивлюсь, если узнаю, что ты эти бумажки подделал. Тем более ты говоришь, что все картинки мне прямо в мозг проецируешь. Это все— полная чушь. Я так все это вижу: если бы я сдавал сперму, в первую очередь я сам бы об этом узнал первым.

—Слова твои все— ложь.— Пропел Басмач.— Ладно, чего ты завелся, тебе же было приятно.

—Иди ты ... говорю, не сдавал и все тут.

–Да ладно, ладно, не сдавал. Повеселился только чуть и все тут. Говорить не о чем.– Засмеялся Басмач.

–Я тебе же сказал, иди ты...– Обиделся Отец.

Чушь какая то, Отец сам осмотрел свои ладони. Все в порядке.

–Только на кой черт ты им сдался, Инвизам этим? Пес его знает.– Заговорил Басмач.

–Пиначет, ну-ка иди сюда, малыш,– Отец похлопал ладонью по колену. Коала медленно спустился с ветвей и подошел к Отцу, обнюхивая его в поисках выпивки.– Дай блюдце.– Повернулся Отец к Басмачу.

На столике появилось блюдце. Отец налил в него пива, сорвал со связки вяленую щуку и стал чистить. Пиначет взобрался к Отцу на колени, затем на стол и стал слизывать алкоголь. Отец сунул ему под нос кусок балычка. Коала недовольно фыркнул.

–Не глупи, он же травоядный,– сказал Басмач.

–Пиначет, малыш мой,– Отец поглаживал по спинке ласковое животное.– Ты, может, тоже сперму сдавал, только не помнишь ничего. Басмач знает.

Коала повернул к Отцу свою физиономию, будто что-то понимая. В глазах, затуманенных алкоголем, не было даже намека хоть на единую мысль.

–Ну, ничего, подумаешь, сдал. Ведь сам не сможешь размножиться. Уж больно ты ленив.– Продолжал причитать Отец.

Пиначет сполз на колени и развалился, почесывая лапой свое брюхо.

–Слушай Басмач, может, это Дэн сдавал сперму, мы же с ним однойцевые близнецы,– подумал Отец, потом добавил,– хотя нет, почерк мой.

–Я тебе же говорю, мы про твоего братца не знаем ничего, кроме того, что он– твой брат и что закончил горный институт.– Ответил Басмач.

–Черте что. Брат пропал, я сам черти где. Слушай, а может кто-нибудь из ваших тоже Дэна украл. Куда он мог пропасть?– С надеждой произнес Отец.

–Нет, у нас же единая база данных, единый совет. К тому же на Земле и ближайшем космосе– один институт временных аномалий.– Заверил Басмач.

–Ты меня успокоил. Я думал у вас здесь все такие– же как ты и Гедеван недоумки. Кстати, что ты знаешь обо мне? Ну, я имею в виду, что со мной будет, когда я вернусь к себе?– Спросил Отец. Коала заерзал на коленях, выпрашивая чего-нибудь выпить.

–Вернешься, куда ты денешься с подводной лодки, у нас, как ты уже заметил, своих голодранцев хватает. А станешь ты полным болваном.– Ответил Басмач.

–Я тоже тебя люблю.– Сказал Отец, подливая ненасытному Пиначету в блюдце пива.– Поешь рыбки, вкусная, говорю. Басмач, убеди его, пусть он рыбу съест.

–Да он же только листьями эвкалипта питается.

—Ну и рыбой пусть тоже.— Убедил Отец.

Коала жадно схватил обеими лапами кусок вяленой щуки, и, распустив слюни, стал ее быстро уплетать, временами запивая пивом.

—Слушай,— догадка осенила Отца.— Мы с Дэном— однойцевые близнецы. У нас один набор хромосом. Быть может, ваши невидимки его требуют? Может это он с ними имеет дела какие-то? Если вы о брате моем ничего не знаете, тогда почему вы уверены, что они хотят не его?

Басмач пожал плечами.

—Может и не тебя вовсе они требуют. Я на их месте тоже не заинтересовался бы тобой. Быть может, им нужен твой брат. Только загвоздка вся в том, что мы о твоём брате ничего не знаем. Быть может, вы просто близнецы, к примеру, разнойцевые, или еще как-нибудь. О том, что вы однойцевые, мы знаем только из твоих уст. Сам понимаешь, сведения не достоверные. Я, к примеру, тебе вовсе не верю.

—Дело твое, но твои начальники-то куда смотрят? Если у них есть сведения, что существует еще один субъект с идентичным набором генов, тогда почему они не проверят это? Куда проще?

—Эта версия тоже разрабатывается. Ты думаешь, что ты один умный такой? Смею тебя огорчить. Не один. Есть люди и умнее тебя. Есть и не гуманоиды, до которых тебе, как до луны ползком.

—Ты меня утешил. Только вот еще один вопрос. Если вы

не были уверены, что Инвизы требуют меня, тогда почему вы меня похитили? Ведь что они ищут не Дэна— версия не доказанная.

—Я тебе сказал, что сведений о твоём брате нет. И на данный момент существует лишь единственный объект с заказанным набором генов. Еще раз повторить или ты, наконец, понял?— Рывкнул Басмач.

—Я так все это вижу: вы все здесь недоумки. Если бы в мое время подобным образом ко всему относились, мы до сих пор вели бы ядерные войны.— Пожал плечами Отец.

Басмач вскочил и стал расхаживать по берегу заводи, заложив руки за спину.

—Кстати, мы к Земле подходим, хочешь полюбопытствовать?— Спросил Басмач.

—Только, чур, без этих ваших комбинезонов. Они меня полнят. О'кеу?

—Как хочешь.

Скользнув в арку, Отец очутился в командном модуле, где суэта не прекратилась. Тот же мужик в проводах продолжал работать руками. Здесь же была та самая девчонка, которая прыгала у него в эдеме в гамаке. Значит, Басмач послал ко мне ее копию, подумал Отец.

В иллюминаторе сбоку проплывала плешивая Луна местами заиндевелая. Видны были ее грязные пятна морей и кратеров. Чего в ней красивого? Отец не мог понять. Видимо у поэтов дикое воображение, решил Отец, или они про-

сто идиоты.

–Зачем так близко к Луне подходить?– Спросил Отец.

–Она своим притяжением нас тормозит. Это уменьшает расход энергии.– Буркнул пробежавший мимо парень.

–Тормоза придумали трусы.– Проворчал Отец.

Из-за Луны показался синий глаз родной планеты. Будущей планеты. Ничто Отцу не выдавало, что на Земле теперь совсем все по-другому. Ее знакомые по снимкам из космоса еще с детства очертания родили какое-то приятное томление в груди. Перистые облака нежно окутывали ее бескрайние (в известных пределах) просторы океанов и континентов. Только на околоземной орбите видно было, что космического мусора в виде орбитальных станций значительно прибавилось. Меж них сновали, словно блохи, маленькие летательные аппараты. Земля стремительно бросилась на корабль. Отца удивило, что не было даже легкой тряски, тем более никто не пристегивался ремнями безопасности. Было лишь мерное дрожание пола. Видимо корабль обладал автономным тяготением и был защищен полем от внешней гравитации. Тогда почему его останавливала вечная спутница Земли? Вдруг маленькую посудину заволокло туманом. Этот каприз атмосферы Отец понял– облака. Затем такая же бесшумная посадка на бетонные плиты космодрома. Он показался бесконечным. Сколько хватало глаз, всюду стояли маленькие кораблики, почтовые катера, околоземные носители, было и несколько крупных кораблей, стремительных,

сильных, возле которых кружили тележки— носильщики и люди. Все они казались муравьями рядом с этими колоссами. Пейзаж будущей Земли завораживал.

—Впечатляет?— Спросил из-за спины эфемерный Басмач.— Толи еще будет.

—Я чувствую себя питекантропом здесь.— Вымолвил Отец.

—Не строй иллюзий насчет себя,— хихикнул Басмач.

Отец сверкнул глазами в сторону Басмача. В этом взгляде Отец надеялся передать все, что он думал о своем собеседнике.

—Басмач, ущипни меня,— попросил Отец.

—Хочешь, я тебе в глаз плюну?— Осведомился Басмач.

—Один такой на прошлой неделе плюнул, несчастный...—

Ответил Отец.

—Ну и что?— Полюбопытствовал Басмач.

—Как живой перед глазами. Понял что? Не доводи до греха. Я в гневе страшен.— Процедил сквозь зубы Отец.

—Ой, боюсь, боюсь,— почесался Басмач.

—Теперь-то можно покурить, мы же уже на Земле?— Спросил Отец.

—Ты очень беспокойный клиент. Подожди, будет еще с тебя.— Проскрипел Басмач.

—Долго ждать я не намерен. Знай это и помни всегда.— Пропел Отец.

—Бросил бы. Месяц уже не курил.— Ответил Басмач, хитро шурясь.

–Поучайте лучше ваших паучат. Не лезь мне под кожу, сделай одолжение.

–Это вредно.

–Знаешь, что, умник, жить тоже вредно, есть вредно, дышать вредно, с женщинами спать– вредно, все вредно. Зачем тогда вообще жить? А?

–Я знаком с этой доктриной.– Пожал плечами Басмач.

–Ну, так вот...

–В конверте накуришься. А пока потерпи. Тебе предстоит карантин.– Сказал Басмач, указывая на серую арку.

–Зачем мне карантин, я здоров, как бык, сам же знаешь.– Протест Отца был неубедительным, тем более он и не рассчитывал на отмену изоляции. Нужно было лишь сохранять свой имидж хулиганствующего ортодокса.

–*Dura lex, sed lex.*– Констатировал Басмач.

Глава 7.

Моросил мягкий, теплый дождик. Он нежно напевал Отцу на ухо свои, никому непонятные грустные песенки, гладил волосы на голове и неторопливо убежал за шиворот. Было немного грустно. Где-то вдали за холмами гремел несмело гром, вечный спутник дождя. Серые тугие струнки дождика, казалось, трогали самые заветные мысли и несбывшиеся желания, заставляя их петь в унисон с дождем. Рождались воспоминания. Они почему-то тоже были серыми, пол-

ными грусти и тихой тоски. Хотелось писать стихи от безысходности, какие ни будь про любовь, или про что-то вечное и нетленное. Хотелось в стихах воспеть эту тихую заводь, шорох листьев, омываемых водою небесной, это вечернее небо, затянутое серой пеленой, написать какие-нибудь красивые стихи про его давно умершую подругу— Мать, про их первую встречу. Но в голове было лишь: Мать, дай поспать. Любил он ее или нет, Отец не знал. Хотелось верить, что любил. Ведь дружил же он с ней, пусть она не могла сварить даже яйцо вкрутую. Это любовь. Чертова погода, чертово настроение. Почему в дождь душу выворачивает наизнанку? Хочется выть или дать кому-нибудь в зубы. Ну, или по физиологии, или про любовь думать. Или быть может с нами не все в порядке, такие противоречивые желания и настроения в ответ на один и тот же внешний стимул. Черте— что.

Отец глубже надвинул на нос солнцезащитные очки и поднял глаза к небу. Мелкие капли барабанили по серому стеклу. Маленькие кружочки расходились по водной ряби. В камышах ходила рыба, нет-нет показывая Отцу свои хвосты. Едва уловимый ветерок гнул траву к земле и поднимал рябь в заводях, что разлеглась перед ним. Сердитый коала угрюмо бродил меж деревьев, что-то вынюхивая и высматривая. Невозможно было понять, что в этой голове происходит. Отец научил Пиначета (не без помощи Басмача) прыгать на одной лапе. Таким образом, он давал своему наставнику— Отцу понять, что хочет чего-нибудь выпить. И когда напи-

вался, что не мог стоять даже на четырех лапах, его настроение заметно портилось, потому что острой становилась проблема понимания видов. Тогда он начинал злобно рычать и шататься вокруг Отца, заискивающе вглядываясь в глаза. Но видимо и в этой глупой голове изредка рождаются гениальные мысли: он ложился на спину и демонстративно начинал дрыгать лапой. Сразу же всем становилось понятно, что просит это несчастное животное.

Пиначет подошел к заводи и стал глупо наблюдать за брызгами водопада, нет-нет пытаясь их поймать лапой. Однажды плохо рассчитав свои движения, он рухнул прямо в воду. Немного удивившись и недовольно фыркая, Пиначет начал потихонечку выбираться из воды. Ему мешал алкоголь, путаясь в нервных стволах мозжечка, поэтому движения его были размашисты и неловки. Это несказанно рассмешило Отца. Посочувствовав ему, последний налил в блюдце джина, чем очень обрадовал своего мохнатого друга и тот сразу позабыл о своем позорном омовении.

На коленях у Отца сидела та самая девушка. Она представилась Отцу Анной, однако он недолго мирился с этим скучным именем и нарек ее Нюрой. Все попытки протеста Анны против нового имени Отец упрямо игнорировал.

–Какая я тебе Нюра, я Анна, как Анна– австрийская.– Обижалась девушка.

–Цыц, баба.– Отец нежно гладил ее прелестные волнистые локоны. Целовал в сахарные уста. Ему нравилось, что о его

романе с Нюрой его подруга Мать ничего не узнает, если конечно он сам не сболтнет.

Отец к супружеской измене относился достаточно спокойно, только если речь шла о мужской измене. По его разумению нельзя всю жизнь чистить зубы одной щеткой. Отец понимал, что психологии мужской и женской измены кардинально противоположны. Мужчина изменяет своей жене, чтобы самому же себе в лишней раз доказать, что его возлюбленная самая лучшая на свете. Не лишенным смысла оказывается и следующий мотив: мужчина утверждает себя в мысли что он— самый неотразимый и его жена достойна такого героя. Женщина же изменяет своему суженому по-другому. Она лежит в постели и думает: «А здесь мы поставим шкаф, там трюмо, обои будут синими». Она устраивает свою жизнь.

—Тогда я тебя буду звать Сашка— растеряшка.— Захихикала девица, пряча свои пальчики в шевелюре Отца.

—Зови меня просто— хозяин, если не хочешь звать Отцом. Не-то я скажу Пиначету— он тебя за нос укусит. Будет очень некрасиво, если ты будешь ходить с красным носом.— Отец небрежно клюнул ее в ухо. Девица поморщилась.

—Да, конечно, твой Пиначет едва ноги передвигает, он даже «Му» сказать не умеет, не то, что укусить кого-то.— Улыбнулась Нюра.

—Напрасно ты его недооцениваешь, он соображает быстрее, чем любой шахматист. А уж как кусает... Лучше просто

умереть под трактором.

Пиначет, услышав, что разговор идет о нем, медленно подкатился к ноге Отца и пытался сосредоточить на нем свой взгляд.

—Что, малыш, иди сюда, маленький,— Отец похлопал ладонью по Нюриной коленке. Пиначет пытался собраться с мыслями и встать, однако тяготение, которое всегда трудно обмануть, сыграло с ним злую шутку, и маленький медвежонок повалился на бок.— Ладно, отставить,— махнул рукой на него Отец и коала с облегчением вздохнул.

Отец гладил мокрые от дождя волосы Анны, покусывал мочку уха, от этого девушка прятала свои уши на плече Отца. Это его забавляло.

—Нюра, пошли, искупаемся,— предложил Отец,— водичка просто от винта.

—Ну да, не хочу я купаться, там у тебя рыба страшная.— Сказала Нюра.

—Плюнь на нее?— Отец показал, как правильно это сделать.

—Все равно боюсь.— Замотала головой Анна, точно коала.

—Все что не убивает— закаляет, пошли.

Отец поставил Нюру на планету. Хоть она и была всего лишь проекцией в его мозге, старался обращаться он с ней по возможности корректно.

—Дура баба.— Отец разделся и прыгнул в воду.

Проплыв немного под водой, он вынырнул и, фыркая,

стал резвиться в прозрачных водах.

Карантин его протекал по-прежнему однообразно с единственным исключением. Заказав себе Еву в виде смазливой девчонки— Нюры, Отец не без удовольствия коротал свои ночи с ней. Таким образом, его бетаку стала востребована. Переместившись в палату карантина с корабля, Отец первым делом убедился, что Басмач остался с ним, поскольку тот был частью глобальной базы данных. Отец тут же восстановил в новом жилище уже нам знакомый пейзаж.

Над водой появился Басмач, медленно прогуливаясь по глади.

—Эй ты, апостол Андрей, прыгай сюда.— Фыркнул от удовольствия Отец. — Нюра вон не хочет свою репутацию подмочить, а тебе-то на свою наплевать.

—Ладно, Кусто, вылезай, дело есть.— Улыбнулся Басмач.

—Чего тебе из-под меня нужно?— Отец кувыркнулся через голову.

—Пошли, карантин закончился.

—Мне и здесь хорошо.— Отец окатил Басмача водой.

—Отец, у тебя никогда не было мозгов,— сказал Басмач, отряхивая со своей тоги воду.— Ну, как знаешь. Я пошел.

—Семь футов под килем тебе.— Сказал Отец. Басмач повернулся и пошел вниз по течению.— Да, Басмач, сделай мне одолжение. В ближайшие сорок тысяч лет я не хочу тебя видеть.— Отец поплыл к берегу.

—Ну что, жена декабриста?— Отец обнял Нюру.

–Фу, уйди, ты мокрый,– сказала Нюра и добавила,– и лысый, и холодный. Ты ужасно мокрый, ты отвратительно мокрый.

–А у тебя ноги кривые, у тебя ужасно кривые ноги, у тебя отвратительно кривые ноги.– Сказал Отец вытираясь.– А я сейчас буду сухим.

Нюра оглядела свои ножки и непонимающе посмотрела на Отца.

–Ни чего они не кривые.– Надула она губки.

–Ладно, не бухти,– поцеловал ее Отец,– и не говори больше глупостей.

–Компьютер, выход.– Сказал Отец. Появилась арка с черным зеркалом.– Пойдешь со мной?– кивнул он Анне.

Нюра покачала головой.

–Тогда свари пока чего-нибудь поесть.– И Отец скользнул внутрь.

Оказался он снаружи веселенького строения– десятиметровой башенки периметр которой был сплошь уставлен серыми арками. Снаружи его уже дожидался Басмач.

–Ты же говорил, что твоя материализация энергоемка?– Спросил Отец. Басмач кивнул.– А какого мяса тогда сейчас ты материализовался?

–Я не материализовался. Эта оболочка– всего лишь андроид. На некоторое время мы выключили его сознание, смонтировали внешность, это дело десяти минут, и вот, я перед тобой.– Развел руками Басмач.

–Везде одна халтура,– возмутился Отец.– Ну, давай, показывай чего-нибудь.

–Это твоя общага.– Сказал Басмач, указывая на башенку.– Там много входов, ты можешь выбирать любой. Это на случай, если входы все востребованы. Попадешь все равно к себе, не волнуйся.

–Почему в общаге, ты, жаба?

–А не сильно ли много ты о себе думаешь, питекантроп несчастный?– Сказал Басмач и пошел прочь.

–Басмач, я с тобой не пойду.– Сказал Отец.

–Это еще почему?– удивился Басмач.

–Ты без намордника. Покусаешь кого-нибудь, а мне будет стыдно.

–...

Дорога шла по перелеску, и казалось, что общежитие находилось в лесу. Веселое солнце щурилось сквозь немую зелень берез.

–Поживешь пока здесь, пока мы с Инвизами не свяжемся. Потом отправим тебя домой, и хорошо вымоемся после.

–Басмач, я делаю тебе честь, что иду с тобой. Ведь все теперь видят, что ты идешь с белым человеком, что ты вроде как при деле, а не сбежал.

Дорога вела через полянку и выходила на пригорок, с которого виден был город. Большие многоэтажные высотные дома сверлили небо, протыкали облака и продолжали свой путь в поднебесье. Широкие улицы меж домов сплошь были

усажены газонами. Город утопал в зелени. Всюду мелькали маленькие верткие летающие машинки, в которых проносились веселая молодежь. Некоторые люди парили над землей самостоятельно, на антигравитаторах. Третьи летели на собственных крыльях. В воздухе видны были воздушные трассы, по которым мчались машины. Трасс в небе было, сколько хватало глаз. Вдали, в синеве, простирались домики чуть меньше. Вокруг некоторых из них были уютные палисадники с ровненькими квадратами зеленой стриженной травы.

–Красота.– Выдохнул Отец.

К ним подлетела небольшая машинка, плоская как блюдце, спереди закрытая лишь носовым иллюминатором. Внутри было несколько сидений.

–Присядь, упадешь.– Басмач жестом приглашал внутрь.

Вскоре машина, Басмач называл ее каром, поднялась в воздух, унося с собой Отца и Басмача.

–Куда едем?– Спросил Отец. Басмач махнул рукой вдаль.– У тебя язык есть? А то ты болтлив лишь там, где нужно молчать.

–Город тебе показать. Наверное, интересно увидеть Землю?– Процедил Басмач сквозь зубы.

Отец вытянул руку в сторону, пытаясь поймать воздух.

–Машина окружена защитным полем,– ответил Басмач на немой вопрос.– Это чтобы такой дурачок как ты не вывалился.

–Ты дорогу-то назад сможешь найти?

—С любого выхода можно вернуться домой.— Ответил Басмач невесело.

—Тогда почему мы не выходом следуем?

Басмач молча пожал плечами, оставляя вопрос без ответа.

—Ты мне не ответил, почему я в общаге жить буду? Может, у вас какие ни будь есть апартаменты лучше?

—Слушай, Отец, ты сегодня болтлив как никогда, Смотри по сторонам.— Ответил Басмач.

—А по сусалам?— Отец дал понюхать Басмачу кулак.

—Ты вот думаешь, что у нас проблем нет с перенаселенностью? Твоя общага вмещает около тысячи жильцов. Это всё— проходимцы вроде тебя. Они вскоре покинут наш уютный уголок.

Басмач объяснил, что псевдореальное пространство— это пространство, которое подчинено всем законам нормально-го не измененного континуума в рамках самого конвертерного пространства. Технологические изменения затрагивают все его стороны и характеристики, как размер, масса и плотность. Со стороны оно выглядит как пространство, искаженное кривым зеркалом, где все кажется тонким, маленьким, гротескным и неудобным. Но находясь в нем, обитатель не испытывает никаких неудобств, поскольку сам трансформирован, как и его окружение. Емкость псевдореального пространства зависит от пространственной емкости самого конвертера. И в один и тот же объем реального пространства можно вместить и Ленинскую библиотеку, в случае мощно-

го конвертера, и собачью конуру, при небольшой мощности аппарата. В нем сохраняются и остаются неизменными все физические законы, имеющие эксклюзивные права в реальном пространстве. Те же законы сохранения энергии, третий закон Ньютона, правило буравчика и константа Стефана–Больцмана имеют свою узаконенную Создателем силу.

—Если бы все люди существовали в конверте, как бы они продуцировали себе подобных? Для этого и существует псевдореаль.— Объяснял Басмач.— В конвертерном пространстве каждый человек занимает лишь одну определенную ячейку, а в псевдореальном ячейку занимает целая семья. Возникают некоторые сложности в псевдореале— вместимость ячейки, зато не приходится питаться или справлять нужду лишь в отведенных для этого местах. В конверте же свои удобства: можно создать все, что нужно, любой ландшафт, любую обстановку и убранство квартиры. В путешествие не нужно брать огромную кучу одежды и разных вещей. Все есть уже на месте. Зато из конверта необходимо время от времени выходить, чтобы поесть или справить физиологические отправления.

С внедрением в практику конверторного пространства решилась проблема преступности. Любой одержимый в своем мире конвертерного пространства может создать любые богатства и власть. В нем можно создать и свое государство, в котором он будет бог и царь, будет вершить правосудие, в котором все будет подчинено только его эго.

Возникли и некоторые проблемы с рождаемостью. Часть не особенно уверенных в себе людей создают себе семьи в конверте. Там они счастливы. У них есть хорошая жена или муж, здоровые крепкие дети, достаток и досуг. А что еще в жизни надо? Какая разница в том, проведешь ты свою жизнь в конвертерном или реальном пространстве? Для мозга картинки неотличимы, зато жизнь полна яркими событиями и впечатлениями. Таких интровертов не интересует жизнь в реале. У них своя, ничем не омрачаемая свобода, они по-своему счастливы.

В реальном пространстве же существуют лишь производства, да некоторые официальные организации и состоятельные лица. Даже космопорт существует в псевдореальном пространстве. Только емкость этого пространства намного выше, чем в жилом помещении.

Под машиной пробегала вдаль река. Она петляла и изгибалась, словно змея и прятала свой хвост далеко в сиреневой дымке на горизонте.

–Как тебе Урал?– Спросил Басмач.

–Это Урал??? Класс, не видел в своей жизни ничего красивее.– Знаешь, Басмач, какая на свете самая широкая река?– Лукаво спросил Отец.

–Я больше чем уверен, что ты скажешь, что это– Урал, вот только не знаю почему.– Ответил Басмач.

–Точно, Урал. А через него двенадцать лет мост строили.– Захохотал Отец.

–Казачью переправу-то?– Спросил Басмач.

–Ага, там мой дядька прорабом был.– Кивнул Отец.– Дай закурить.

Басмач из кармана достал пачку сигарет.

–Ты что, закурил что ли?– Спросил Отец, закусывая сигарету.

–Нет, просто знал, что ты от меня не отстанешь.

–Слушай, Басмач, а почему это я полей у вас не вижу.– Попыхивая табачком, спросил Отец.

–Они нам ни к чему, мы пищу синтезируем.– Ответил Басмач.

–Тьфу, синтетику есть. Нет, увольте. Я лучше с голода сам помру.

–Что бы понимал. Только ты почему-то все пельмени до единого кончал там, на корабле, и ничего.– Басмач взялся за маленький штурвал и повел машину на посадку.

–Так те же были...

–Синтетические.– Закончил Басмач.– Так-то. Синтетическая, не значит бесцветная и безвкусная. Там создается та же клеточная структура, что и в натуральных продуктах.

Басмач подвел машину к невысокому строению и мягко опустил на землю.

–Выметайся.– Сказал он и сам вышел из машины.

Здание напоминало водонапорную башню с небольшой покатою крышей, выложенной черепицей небесного цвета. С боков башенка была уставлена черными выходами. Бас-

мач прошел внутрь, Отец последовал за ним. Очутились они в просторном холле, обставленном мягкими диванчиками, креслицами и журнальными столиками. Из кресел поднялись два рослых мужика и пошли навстречу Отцу.

—Познакомься, это твое начальство. Сотрудники института временных аномалий и ксенологи. Сергей Захаров и Евгений Ефимов.— Представил их Басмач.

Захаров выглядел щеголевато. Бежевый легкий спортивный костюм, легкие кроссовки, по всей видимости, дорогие часы на руке и золотая цепь указывали на его респектабельность и высокое самомнение. Был он коротко подстрижен и гладко выбрит. Ефимов производил менее интригующее впечатление, хоть и был чуточку старше Захарова. Одет он тоже был неплохо, только его манеры и растрепанные волосы указывали на некоторую небрежность. Золота на нем было меньше: небольшое кольцо на пальце да запонки в рубашке.

—Отец, э-э... — Смутился Отец, пожимая мужикам руки.— То есть Саня, Александр.

—Да ты не суетись, мы знаем кто ты.— Утешил его Захаров.

Тут Отец отпрыгнул в сторону. К нему приближалась какая-то тварь на четырех лапах. Длинный крокодилий хвост волочился вслед за ним. Зеленая чешуйчатая кожа отливала серебром. Морда, если то, что спереди было мордой, напоминала крокодилюю пасть. На стебельках на Отца смотрели подвижные немигающие глаза. Отец вспомнил, что в одном из кошмаров он себя видел точно таким же чудовищем, ле-

тящем в космосе с парой– тройкой таких же монстров. Только в кошмаре у него были еще и крылья, а над этим чудом природа пошутила не так сильно.

–Ну-ка фу, лежать. Уберите собаку,– Отец припустился наутек от животного, стремительно несшегося к нему. Отец указал на стену зала.– Апорт.

–Извините его,– сказал Басмач,– он раньше не видел веганцев.

Рептилия встала на задние перепончатые лапы, опираясь на хвост, точно кенгуру и протянула Отцу свою переднюю конечность с четырьмя когтистыми пальцами.

–Дексаметазон.– Представился крокодил.

Отец не решался подойти ближе и топтался в нескольких шагах от рептилии.

–Ты его обижаешь, познакомься, это великий ксенолог. – Сказал Ефимов.

–Вы мне льстите, уважаемый коллега, не такой уж я великий. По меньшей мере, так не думает этот молодой человек.– Заговорило чудище с несколько гортанным прононсом.

Отец несмело протянул Дексаметазону руку:

–Саня.– Приветствовал рептилию Отец.

Крокодил пожал своей чешуйчатой четырехпалой лапой руку Отца.

–Будем знакомы.– Сказал Дексаметазон.

–Откуда вы?– Спросил опешивший Отец.

–Системы Веге. Моя родная планета называется Адло.

Красивейшая планета. Чудесные Адлеанские пейзажи. Если будете рядом, зайдите, не пожалеете.— Сказал Дексаметазон, помахивая хвостом.

Удивительно точно они свою планету назвали, подумал Отец, представляя себе ядовитые зеленые болота со зловонными испарениями. Огромные пузыри лопаются в грязных лужах, удушливый бордо туман колышется над чудесными Адлеанскими пейзажами.

—Ну, если рядом буду...— Отец посмотрел на Басмача.

—Нет, на самом деле все гораздо красивее, молодой человек.— Ответило чудище.

—Дексаметазон— телепат,— сказал Басмач, уловив некоторое замешательство Отца.

Это уже Отцу не нравилось. Хватало ему одного соседа, который лез к нему в душу по поводу и без.

Декс, укуси его за ногу, а то он слишком поднялся, подумал Отец.

В горле у крокодила что-то заскрипело.

—А вы шутник, молодой человек.— Декс продолжал скрипеть. Мужики тоже улыбнулись. Видимо таким образом крокодил смеялся.— Но давайте перейдем прямо к делу. Может Александр даст нам какие-нибудь разъяснения по поводу наших таинственных незнакомцев.

Все с видимым ожиданием посмотрели на Отца.

—Ничего я не знаю про них.— Ответил Отец на немой вопрос, читавшийся во взоре мужиков, окруживших его.— Для

меня самого это сюрприз. Я ваших Инвизов и в глаза-то ни разу не видел. Что я могу про них знать? Я даже не знаю где они.

–Это не удивительно, молодой человек.– Кивнул головой Дексаметазон.– Никто не знает, где они.

Дальше последовали глупые вопросы, типа: «Не заметили ли вы что-нибудь необычного ...», или: «чем вы занимались перед тем, как...»

–Необычное...– Помедлил с ответом Отец.– Пожалуй, было. Басмач мыл руки после туалета.

–Мы не это имели в виду.– Цыкнул зубом Захаров.

–Ну, еще Бочкарев сдал свой идиотский зачет.– Продолжал Отец.

–Не ломай комедию.– Басмач шлепнул Отца по спине.

–Так какого лешего вы ко мне пристаёте с вашими дурацкими вопросами? Я же вам сказал, что ни чего не знаю про ваших знакомых, я сидел спокойно дома. Узнал, что мой брат разбился на машине. Поехал за ним, и вот этот бегемот,– Отец кивнул в сторону Басмача,– украл меня. Чего вы от меня ждете? Что я решу ваши проблемы с перенаселенностью, или приведу этих Инвизов к вам на блюдечке, или еще что-нибудь, вы говорите, не стесняйтесь, я записываю.

–Чего ты кипятишься.– Сказал Ефимов.– Угомонись.

–Ребята, шли бы вы лесом со своими проблемами, меня дома ждет подруга, у меня скоро сессия.– Отец завелся, и уже было проблемой для него остановиться.– Вернули бы вы

меня домой и не морочили мне и себе голову.

–Что ты врешь, у тебя семестр только начался.– Сказал Басмач.

–Тебя-то кто спрашивает. Здесь разговаривают мужчины. Детям сюда вход заказан.– Сказал Отец и направился к ближайшему выходу.

Домой, подумал он и скользнул внутрь.

Очутился он на своей полянке. Отец сразу заказал проливной ливень. Из зарослей бамбука, повизгивая, выбежала Нюра.

–Брысь,– сказал Отец, указывая пальцем на бетаку.

Нюра недовольно что-то пискнула и скрылась за заветной дверцей. Еще немного постояв под дождем, Отец последовал за ней. Минуту спустя он растворялся в белоснежных простынях и в Нюре. Однако судьба распорядилось по иному. Хорошее не может длиться долго, а тем более вечно. В дверь постучали. Нюра притихла.

–Дома нет никто,– заорал на дверь Отец.

Он изобрел новый закон диалектики. По его мнению закон отрицания отрицания или закон перехода количества в качество, или прочая муть– ничто в сравнении с его новым законом. Новоизобретенный постулат гласит: «Никогда не может быть все время хорошо». По мнению Отца– этот закон ставит точку в познании мира, и при любой возможности цитировал его. Но в известных кругах этот закон не признали. Может быть, состояние алкогольного опьянения мешало

понять всю глобальность этого закона, а может быть эта глобальность пугала слушателей своей всеобъемлющей категоричностью. Сейчас трудно об этом судить, хотя все в душе признавали его место в философии мироздания.

—Отец, можно тебя на секунду.— Проскрипел сквозь дверь гортанный голос Дексаметазона.

—Декс, я занят. Спроси у Басмача нужное направление.— Закричал Отец.

Сейчас был не самый подходящий момент общаться с рептилией, однако почему-то это понимал только Отец.

—У меня есть небольшое предположение, касаясь твоего брата.— Сказал Декс.

—Слушай, раптор, там у меня на веревке рыба сушеная, пока погрызи, сейчас выйду.— Встал с Нюры Отец.

Выйдя из бетаку, Отец для себя отметил пренеприятнейшее зрелище. Возле заводи в мягких креслах сидели его знакомые Захаров и Ефимов. Возле них крутился на одной лапе Пиначет, от которого разило алкоголем за два километра. Он обнюхивал непрошенных гостей и нескромно порывкивал. В кустах прятался Басмач.

—Неплохо тут у тебя. Надо и мне что-нибудь подобное у себя придумать.— Сказал Ефимов, разводя руками.

—Басмач, какого дьявола они тут делают.— Заговорил Отец, смотря в сторону кустов, где не очень прилежно прятал свое тело бесславный потомок царицы Тамары.

—Ты же не заблокировал выход, вот мы и пришли.— Ска-

зал Басмач, вылезая из кустов. Вид его был очень даже сконфуженный.

—А я был должен?— Разозлился вконец Отец.

Басмач пожал плечами:

—Дело твое.

—Давайте быстро, чего у вас там, а то я собирался устроить здесь ядерную войну. У вас две минуты.— Играл желваками Отец.

—Ты только, пожалуйста, не буйнь,— заскрипел на Отца Дексаметазон.— Пока мы там болтали, я порылся в твоём мозге, прошу покорно прощения, и в лишний раз убедились, что ты о них ничего не знаешь. Одно дело, когда копаются в мозге машины, другое дело я.

—В другой раз спрашивай разрешения.— Отец прыгнул в кресло напротив них.

—Я уже извинился. И мне пришло на ум такое предположение, что они заказывали вовсе не тебя, а твоего братца.— Сказал Декс.

—Предположение не новое.— Сказал Отец.— Я уже думал об этом. Продолжай.

—Я все сказал. Что ты думаешь по этому поводу?— Декс щелкнул ушами. Видимо так он привык показывать свое нетерпение.

—Я не знаю, о чем с ними договаривался мой брат, если вообще он с ними имел дело. Я не знаю что с ним случилось, я не знаю куда он пропал, Басмач, куда ты дел дождь?— Спро-

сил Отец, заметив, что метеоусловия изменились и по небу поплыли куцые облака вместо заказанного шторма и грозовых туч.

–Ну, гости же... – Развел руками Басмач.

–Вот в том-то и дело, что гости. Это мой дом.– Сказал злобно Отец. Ливень заколотил по макушкам с прежней силой.

–Компьютер, зонты,– сказал Захаров, и незваные мужики были укрыты от непогоды цветными полосатыми пляжными зонтами.– Я вижу ты нахальный через меру. Ничего, спесь пройдет.

Пошел ты, подумал про себя Отец. Декс скрипнул.

–Пока мы будем прорабатывать эту версию, ты поживешь немного у нас.– Сказал Ефимов.

–У вас?– Не понял Отец.

–Я имею в виду здесь.– Продолжал Ефимов, давая Отцу понять, что жить тот будет не у него дома.– А пока мы дадим тебе работу, чтобы ты не помер со скуки.

–Убирать территорию?– Осклабился Отец.

–Не совсем.– Закончил мысль Захаров.– Тебе же интересно пообщаться с умными людьми. Познакомишься с нашими технологиями. Будешь при деньгах, у нас заработки неплохие.

–А девчонки у вас есть?

–У тебя же есть подруга.– Сказал Ефимов, указывая на Нюру. Та выходила из заветной комнатки, поправляя на себе

мягкий белый махровый халат.

–Эта, что ли? Она же дура. Ну ее к лешему.– Прошептал Отец, чтобы Нюра, не дай Бог, услышала.

–Есть, есть, не переживай.– Утешил его Захаров.

–Что за работа? Не пыльная?– Спросил Отец.

Он вспомнил одного своего знакомого, конченого поклонника великого Бахуса. Звали его Антоша. А фамилия его удивляла всех, даже самых искушенных– Зонов. На курсе его все звали– Граммофон, или покороче– Грам. Откуда это прозвище не помнит никто. Есть предположение, что прозвали его за громогласный бас, однако за достоверность поручиться никто не мог. Однажды Отец встретил Грама на лекции. Это был последний ряд, а, как всем известно, самые выдающиеся личности водятся именно там. Грам был с дикого похмелья и забрел на лекцию, как впрочем и Отец, только из-за того, что на лекции проверяли присутствующих. Делать было нечего, и Отец решил завести с Грамом разговор. «Антон, кем ты будешь после института?», спросил его Отец. «Наркологом», ответил тот. Отец чуть не порвался по швам от смеха, затыкая себе рот кулаком. «Чего ты несешь, дуралей, какой из тебя нарколог, ты же сам от бутылки дальше двух шагов отойти не можешь, как ты их будешь лечить? Тебя же самого спасти нужно». Антон обиделся. «Зато работа не пыльная, продолжал он, вот представь: ко мне приходит какой-нибудь пьяница, а я ему говорю: ты, козел, твою мать, ты какого лешего сюда пришел, пошел на ... отсюда,

чего тебе здесь нужно? Классно?» Отца разрывало от смеха: «Да уж, на самом деле классно». Грам работать не любил.

Отец хотел, чтобы ему дали такую же работу.

–Нет, будет много интереснее,– заскрипел Дексаметазон. Видимо он снова залез в голову к Отцу.

–Ну, ладно, ребятки, пора нам собираться в путь далекий, край родимый.– Сказал Отец и мысленно дал понять Басмачу, что терпеть своих гостей стало уже невыносимо. Появилась серая арка.– Мне нужно закончить одно великое дельце.– Сказал он и подмигнул Нюре. Девушка покраснела и убежала обратно в бетаку.

–Ну, ладно, бывай,– Сказал Ефимов.– Скучно будет– заходи.

–Завтра ждем тебя на работе. Только не сильно опаздывай. Мы это терпеть не будем.– Сказал Захаров, поднимаясь с кресла.

Отец пожал руки мужикам и те ушли.

–Декс, а ты кого ждешь?– Спросил Отец, заметив, что тот не собирается уходить.

–Ты же хотел, чтоб я остался.– Сказал тот.

–Ладно, пес с тобой, посиди тут пока. Я быстро.– Сказал Отец и зашел в кусты.

Журчание маленького водопада выдало Отца. Однако в его планы не входило потерять лицо перед этой жабой.

–Хороший диурез– хорошее настроение,– сказал тот, реабилитируя свое глупое положение и скрылся в бетаку.

Отец вошел в будуар к своей наложнице. Та сидела на краю кровати. Уголки ее губ свисали к подбородку, словно слюни. Это значило, что Отца ждет нелицеприятный разговор. Решив сразу перейти в наступление, он сказал:

—Что-то я ничего не понял, Нюра, у тебя плохая интуиция?

—Что ты заставляешь меня краснеть перед незнакомыми людьми? Они же не дураки. Эти твои прозрачные намеки... — Девчонка была готова заплакать.

—Ну ладно, малыш, не бухти.— Отец поцеловал ее в шею. Нюра недовольно повела плечом.— Ну не дуйся. Будешь дуться— я тебя на месяц ласки лишу.

—Ну и лишай, больно мне нужно.— Сквозь сопли залепетала Анна.

—Не хнычь, малыш, обещаю, больше не буду.

Отец принялся ластиться к девушке, которая секунда за секундой таяла. Отец провел пальцами по ее красной кайме губ. Нюра жадно схватила пальцы губами.

Руки. Объятия. В руках вся сила мира. Весь мир на кончиках пальцев. Блаженство. Отец ощущал себя героем. Он непобедим, он вечен. Для него ничего не было невозможного. Упругая кожа пахнет особенно. Жаркое дыхание. Отец обладал целым миром. Ничто не было сейчас важно для него. Прикосновение. Так много в жизни зависит от прикосновения, Отец это понимал. Центр удовольствия замкнулся в круг. Нервные импульсы колесили по мозгу, не находя вы-

хода. Все ушло в небытие. Имел смысл лишь шепот. Полу-
драма. Блаженство. Этот мир, который он оставил за дверь-
ми, ожидал его. Отец был занят. Этот мир, эта вселенная по-
ждет. Он занят. Нет ничего важнее этого шепота и кожи,
такой упругой и шелковистой. Позже, все будет позже. Вол-
на. Нет, пока не время. Сердце так безудержно колотит по
грудной стенке. Пусть. Не время. Солнце, Земля, галактика.
Чушь. Это бессмысленно. Время остановилось, ожидая От-
ца. Жди. Отец занят. Есть дела важнее. Пусть все идет к чер-
ту. Солнце, не слепи глаза. Я тебя не слышу. Уже ничто не
важно. Волосы. Как это на самом деле красиво. Что может
быть прекраснее этих волос. Раствориться. Хочется раство-
риться, скрыться навеки в этих волосах. Нет. Пусть это будет
вечно. Пусть это никогда не кончится. Пусть кончится веч-
ность, но эти волосы— никогда. Я так хочу. Во власти Отца
повелевать вселенными. Кому это надо? Наплевать на все-
ленные. Прикосновение. Ради этого стоит жить. Больше ни-
чего не надо. Глубокий вздох. Аромат чистой кожи. Она пря-
ная и молодая. Ты и только. Синее— синее море. Укутаюсь
твоей синевой, запутаюсь твоими волосами. Прикосновение.
Жизнь, ты прекрасна. Прекрасна и настолько же бессмыс-
ленна. Ради волос, кожи, прикосновения. Жарко. Немного
жарко. Пусть. Немного жарко и чуть больно. Пусть. Немнож-
ко боли— это хорошо. Я немножко прикрою болью спину. Я
так хочу. Волна. Я погружаюсь. Все бессмысленно. Уже глу-
боко. Еще волна. Еще. Бег. Безудержный бег, безумная скач-

ка, галоп. Прогнул. Все. Свободный полет. Волна захватывает тело, несет его вдаль. Буря. Вселенная, к черту тебя, умри. Мне некогда. Агония. Ты меня погубишь. Все. Жаркий поцелуй. Губы. Все великолепно. Все... Все. Давай успокоимся. Все уже позади. Уже все кончилось. Чутьочку жаль. Последний раз. Кожа, как хорошо ты пахнешь. Всюду волосы. Больно. Уже нестерпимо больно. К черту все это. Уже все закончилось. Куда делась буря. Мир, ты ждешь меня. Погоди, я сейчас выйду. Глоток воздуха. Жарко. Время, заводи мотор, поехали дальше. Я свободен.

—Куда ты?— Спросила Нюра.

—Там Декс, эта ящерица.— Одевался Отец.

—Так не все ушли что ли?— В глазах Нюры сверкнула молния.— Ты же обещал.

—Он— же животное.— Улыбнулся Отец.

—Он умнее тебя во сто раз. Они, веганцы— телепаты. Ну, как ты мог.— На глаза Нюры навернулись слезы.

—Ну не обижайся, все, теперь точно в последний раз.— Сказал Отец и поцеловал ее в щеку.

—Уйди,— сказала Нюра и заплакала в ладони.

—Не реви, я люблю тебя.— Сказал Отец. Он всегда так говорил, когда нужно быстро и эффективно успокоить девчонку.

—Правда?— Удивилась Нюра. Глазки ее просветлели.

—Ну конечно, глупенькая.— Отец снова ее поцеловал. На сей раз негативизм куда-то ушел.— Очень люблю, не реви.

— Не буду. — Девчонка улыбнулась. — Ты всегда меня будешь любить?

Отец кивнул, собрался и вышел. Дверь тихонько скрипнула. Он пробрался тоненькой тропинкой к заводи, где оставил рептилию.

То, что он увидел, превзошло все его ожидания. Рептилия парила в воздухе на стульчике, который она позаимствовала у столика, стоящего на берегу заводи. Вокруг бушевал хаос. Проносились обломки космических кораблей, взрывы, феерия звуков и красок. Появлялись новые корабли, они палили неведомыми лучами. Порой открывался вид изнутри разных кораблей, где у управления сидели земляки Декса, такие же страшные крокодилы. Они ругались, скрипели, хлопали ушами, стреляли по чужим кораблям. Кусок какого-то корабля упал к ногам обезумевшего Отца, пошипел и также быстро испарился. Вид из космоса изменился, показывая поверхность какой-то планеты. Туда падал корабль малинового цвета, освещенный яркими всполохами взрывов и пожара. Еще раскаты ударов неведомого оружия. Ящер выполз из корабля. Раздался чудовищной силы взрыв, Отец упал на землю. Пиначет, казалось, взбесился. Он метался по веткам, как мартышка. Всюду шипело и пенилось пламя, обдавая жаром все вокруг. И вдруг, все закончилось. Декс повернулся к потерявшему дар речи Отцу и спустился на стульчике наземь.

— Я тут без тебя фильм начал новый смотреть, ты не против? — Спросил он.

Отец помотал головой, так и не приходя в себя.

–Так это был фильм?– Спросил Отец, еще не отошедший от бывшего зрелища.

–Потрясающие эффекты. Столько шума было вокруг этого фильма, да все недосуг. Времени посмотреть нет. Ты, я гляжу, живешь в спартанских условиях. Похвально.

–Круто. У вас все фильмы такие?– Спросил Отец, поднимаясь с земли.

Декс его понял правильно.

–Ты имеешь в виду эффект присутствия? Все.– Ящерица кивнула своей ужасной головой.– На твое усмотрение. Можешь смотреть в плоском виде, в объемном, с эффектом присутствия. Можешь выбрать эффект участия. Будет выглядеть, как если ты сам летаешь на корабле, стреляешь в этих гадов. Можешь сам играть за любую сторону. Если хочешь, можешь изменить сюжет. Только я люблю лишь присутствовать. Тогда становится понятной актерская игра, замысел сценариста и режиссерская работа. Ты со мной согласен?– Спросил Дексаметазон.

Отец глупо кивнул.

–А эта сволочь– Басмач мне ничего не показывает.– Обиженно произнес Отец.

–Так ты, наверное, не просил его. Видишь ли, домашний компьютер ограничен в действиях желанием обитателя. Он может тебе лишь советовать что-то, да и то если ты сам этого захочешь.

–Слушай, Декс, а как эти мужики, начальнички мои, сюда попали, да и ты тоже?– Спросил Отец.

–Нет ничего проще,– ответил Дексаметазон,– они даже, впрочем, как и я, не покидали тот холл, в котором мы с тобой познакомились. Просто компьютер проецирует наш образ тебе в мозг, твоя обстановка– в наш. Понял?

–Ага,– кивнул Отец.– Это выходит, что и тебя со мной нет?

–Я по-прежнему физически в холле. Холл псевдореален, однако это не имеет никакого значения. Я же для тебя фактически объективен?

–Больше чем.– Ответил Отец, потрогав шершавый хвост Декса.

–Басмач, ну-ка, иди сюда прохвост ты этакий.– Крикнул в ветви Отец. – И успокой этого медведя.

Отец имел в виду Пиначета, который не заметил, что фильм закончился и продолжал неистовать в листве.

Басмач присел за столик около Декса.

–Что кричишь как потерпевший?– Спросил тот.

–Рассказывай, что еще я пропустил.– Потребовал Отец.

–Много чего. Полжизни, а другую половину ты проспал.– Ответил Басмач.

–Вот видишь, и с этим человеком мне приходится жить в этом раю.– Укоризненно произнес Отец.

–Весело вы тут, как я посмотрю, живете.– Сказал Декс, а потом добавил.– Если тебя он не устраивает, ты можешь

его сформировать ну, к примеру, молчаливой застенчивой лягушкой, или золотой рыбкой. Вон, я погляжу, сети у тебя есть. Выловить сможешь.

–Застенчивой лягушкой,– промолвил задумчиво Отец,– это заманчиво. Нет. Басмач, сделай-ка вон там, под кедром конуру. Нет, не такую просторную, поменьше. Вот так, в самый раз. Теперь ты будешь жить там.

–Пошел ты,– сказал Басмач.– Сам там живи. Полурослик.

–Ты же его сам запрограммировал на непослушание. Так чего же жалуешься.– Заскрипел Дексаметазон.

–Да я так, шутки ради. Хотя в конуре он смотрелся бы больше к месту. Да шут с ним. Пусть живет. Нам татарам одна черт. Убери конуру, дурак, весь пейзаж испортил.

–Не обращайтесь на него внимания,– обратился к Дексаметазону Басмач. – У него всего лишь один надглоточный ганглий, и тот вегетативный.

–Книжку по анатомии прочитал?– Съязвил Отец.– Я тебе дам промеж ушей. Надглоточный...

–Да ты же мне как родной.– Парировал Басмач.

–Этот дурачок шутит. Мы с ним даже не одного вида. Он раньше по ветвям скакал.– Засмеялся Отец.

–Так он же твой друг.– Начал было Дексаметазон.

–Его друзья в канаве кобылу доедают. Он у меня всю кровь выпил уже. У меня гемоглобин– шестьдесят.

Декс заскрипел. Видимо перепалка друзей насмешила его.

–Басмач, ну-ка, испарись отсюда, как ты это делаешь

обычно, ты мне наскучил.— Махнул на него рукой Отец. Басмач ушел за холм, недовольно ворча.

—А эти мужики, Захаров с Ефимовым, чем они занимаются?— Спросил Отец.

—Захаров, то? Временные аномалии, ксенология. Ефимов тоже. Хорошие спецы, я тебе докладываю.— Сказал Дексаметазон, похлопывая ушами.

Из зарослей появилась Нюра. Была она в маленьком синем декольте. Волосы расчесаны и уложены. Девушка была ослепительна. Улыбка на ее лице расплылась от уха до уха. Она подошла к Отцу и встала чуть за его спиной, будто не доверяя Дексаметазону.

—Познакомься, Декс, это Нюра.— Сказал Отец, привлекая девушку к себе на колени.

—Анна,— сказала девушка, усаживаясь на коленки к Отцу.

—Дексаметазон,— представилась рептилия,— однако с недавних пор меня стали звать Декс.— Заскрипел он.— Просто Декс.

—Очень приятно.— Улыбалась Нюра.— Хотите чего-нибудь?

—Если можно Джеф,— попросил Декс.

—А мне,— задумался Отец,— ну ты в курсе...

Нюра поднялась с колен, не успев сесть и убежала к дубу, в котором Отец поместил свою драгоценную выпивку.

—У тебя тоже с ней проблемы?— Спросил с участием Декс.

—Ага,— кивнул Отец,— где баба есть, там черт не нужен.

Мозгов ни на грош, а заводится по пустякам, как открытая книга. А твоя баба как?

—Нам проще, во-первых у нас самки— глупые.— Сказал Дексаметазон.

—Так у нас тоже...

—Ты не понял, они не разумные. У нас только особи мужского пола разумные. Во-вторых, у нас брачный сезон раз в году. Это, по-вашему, восемнадцать месяцев. Браков в вашем понимании у нас нет.

Отец гулко захохотал.

—Так они у вас мычат, как коровы и пасутся в болотах что-ли?

—Ну не совсем так здорово. Они хоть и неразумные, держим мы их в своих владениях. Кормим, убираем за ними.

—А где вы их берете, жен то?— Не унимался Отец.

—Покупаем. Если родится, не дай бог, девочка, выращиваем и продаем в хорошие руки. Так-то.

—Класс. Декс, ты мою тещу не купишь? По дешевке продам. С приданным. Половичок дам в нагрузку.

—А что я с ней делать буду?— Принял за чистую монету Декс.

—Да что, на цепь посадишь, гавкать будет.

—На кого?— Не понял Декс.

—А на кого натравишь, на того и будет. Временами поест ей кинешь, чтоб не околела, и нехай себе, пусть лает.— Сказал серьезно Отец.— А то знаешь, как цыган свою лошадь ест

отучал? Практически отучил, только она пала.

–А сколько ты за нее просишь?– Спросил Дексаметазон.

–Сколько? Да ни сколько. Грязный носок, да мяса кусок.–

Ответил Отец.

–По рукам.– Сказал Дексаметазон.– Тащи ее ко мне. Адрес мой возьми.

–Давай.– Сказал Отец.

–Что давай?– Не понял Декс.

–Адрес.

–Да это просто так говорится.

–Ты что, отказываешься?– Спросил Отец.

–Нет, ты у компьютера запрашиваешь мой адрес, тот свяжется с моим, и если я дома– придешь ко мне. Воспользуешься выходом.

–А на кой черт она тебе нужна?– Спросил Отец.

–На цепь посажу, гавкать будет.– Ответил Дексаметазон.

–На кого?– Спросил Отец, не понимая.

–А на кого натравлю на того и будет.– Оба засмеялись.

Подошла Нюра с подносом, поставила его на столик.

Дексаметазон схватил свой длинный бокал с соломинкой

и отхлебнул:

–Божественный напиток.

–А что это– Джеф?– спросил Отец.

–Аланин. Эта аминокислота у нас незаменимая. Мы ее получаем только нутритивно. Какое блаженство.– Причмокивая, попивал аланин Декс.

–Дай попробовать.– Отец отхлебнул с края.– Фу, какая гадость. Вкус у тебя не из лучших.

–Не будем спорить, Кесарю– кесарево.

–Слушай, Декс. Если ты сейчас не здесь, а где-то, каким образом ты удовольствие получаешь от этого?– Спросил Отец, потягивая из своего бокала коньячок.

–Нет, в этом что-то есть. Пусть хоть Джеф виртуальный, зато удовольствие настоящее.

–Дывись Нюра, у Декса жинка– животное.– Сказал Отец.

–Грубо, но верно.– Сказал Дексаметазон.

–Я знаю.– Улыбнулась Нюра.– У них женщины неразумные.

–Так ты знала??? А что ты мне ничего не сказала?– Удивился Отец. Нюра кивнула.– Везет им.– Сказал Отец и тут же получил подзатыльник.

–Они очень несчастны.– Вздохнула Анна.

–Напротив. У нас, не бывает семейных скандалов и разводов.– Убедительно вещал Дексаметазон.

–Декс, слушай, расскажи мне что-нибудь про этих Инвизов, которые меня хотят видеть. Мне Басмач вовсе ничего не рассказывает.

–Да и мне– то, впрочем, рассказывать нечего. Мы о них мало что знаем.

–Ну, все-таки.– Умоляюще произнес Отец.– Все-таки интересно из-за кого я попал в такую переделку.

–Вся эта история началась около десяти лет назад. Как-то

в гиперпространстве мы заметили какие-то возмущения. Думали резонанс на наше проникновение в конвертерное пространство и всякое такое. Потом заметили, что эти возмущения носят какую-то систему. Стали думать. И так и эдак вертели проблему. Не получается. Потом постепенно разгадали. С трудом, правда. Сначала шел какой-то непонятный поток информации. Затем односложные сигналы. Вроде азбуки Морзе. Точка, потом еще точка, потом сразу две точки. Это вроде как они передавали нам, что один плюс один — будет два. Затем пошли сложнее задачки. Позже снова простые. Передали, таким образом, формулу водорода, гелия, затем всю систему Менделеева, вплоть до тяжелых изотопов, затем формулу воды и так далее. Понимаешь, их сообщения не носили никакой системы. Задача не из легких. Затем перешли на космические темы. Некоторые сообщения мы до сих пор не понимаем. Такое впечатление, что они что-то хотят нам сообщить. Года четыре назад они нам выдали твой генетический код ДНК. Вот тут то мы и подумали, что ты — ключ к разгадке этой тайны. Мы пытались сами с ними связаться. Такие возмущения в гиперпространстве мы пока не можем создать, передавали точно тем же кодом, что и они. Точка, точка, две точки, только гравитационными полями, радиационным излучением. Они еще ни разу не ответили нам. Или они нас не слышат или еще черт знает что. Только выяснилось, что на некоторые наши вопросы они уже ответили. Просто мы не сразу их ответ расшифровали. По-

лучается, что они предвосхищают наши вопросы. Или они нас хорошо знают, или у них сильная интуиция. Как они выглядят, мы не знаем. Мы их спрашивали, они не отвечают. Где они— тоже молчат.

—Да, задача. Так, может, они вовсе не материальны?— Спросил Отец.

—Да в том то и дело, что материальны. Поле ведь— это материальная категория.

—Логично. А много вы расшифровали их сообщений?— От удивления у Отца побежали по спине мурашки.

—Совсем нет. Около процента.— Дексаметазон потягивал свой Джеф.

—Декс, здесь ветер, я не расслышал. Около одного процента?— Переспросил Отец.

—И ветер здесь ни причем. Действительно около одного процента.

Отец присвистнул:

—И вы из-за них перестали спокойно спать, понятно?

—Еще как. На данный момент это— величайшая загадка вселенной. Все силы, все ученые брошены на разгадку этой тайны. А ты, мальчик мой в центре всех событий.

—Да вы, значит, тоже не цените научный потенциал, коль вы своими учеными разбрасываетесь.

—Шутишь?— Спросил Декс.

—Еще как. А куда меня тогда возили?

—Мы примерно рассчитали, откуда идут сигналы. Думали,

твоя близость к ним поможет нам. Но они на твое присутствие никак не прореагировали.

– Да, не весело. – Согласился Отец. – И что вы сейчас намерены делать?

– Пока ничего. Мы прорабатываем версию, что, может, не тебя они просят на встречу, а твоего братца. Тогда мы тебя обратно домой отправим.

– А как же я? – Спросила Нюра.

– Не бойся, милая, я тебя с собой возьму. – Сказал Отец, и довольная девушка укусила его за мочку уха.

Глава 8.

Утро. Не верьте утру. Оно точно наврет, насулит с три короба и все равно наврет. Утро всегда все делает по-своему. Оно каждый раз обещает, что сегодня все состоится. Все будет пучком, все будет в лучшем виде. И каждый раз нагло врет. Не верьте утру. Оно будет вам улыбаться, шептать на ухо ласковые слова, петь сладкие песни, будет говорить вам, что лучше вас нет на целом свете. Оно будет доверчиво заглядывать к вам в глаза, будто выворачивая свою душу наизнанку. Это очень убедительно, этот приятный, ласкающий волос около уха, шепот, лжет вам, так льстиво, так нежно. Так хочется ему верить. Не верьте. Оно привыкло лгать, может это его истинное назначение, чтобы каждый мог убе-

диться в своей слабости.

Утро живет в одиноком маленьком доме со старым ветхим садом. Окна в этом доме выкрашены в ветреный зеленый цвет, однако краска местами отлетела, и видно, что утро не заботится о своем жилище. Под окнами растет старый дуб, с которым утро всякий раз заговаривает, пытаясь найти в нем собеседника. Однако дуб намного мудрее, чем может себе предположить утро. Он лишь устало отмахивается от назойливого говоруна. Он еще в молодости понял скверную ворчливую натуру утра. Когда тот был молод, он тоже прислушивался к лживым обещаниям, однако вскоре ему утро надоело, и дуб замолчал.

Просыпаясь, утро несет старому дубу маленькую леечку теплой воды, сметает с его усталых ног пожухлую листву дубовым веником из его же ветвей и желает ему доброго утра. Оно садится под невысокий кленовый стол, который стоит под дубом, поет веселенький водевиль, раскрывает газету и с упоением читает некрологи. Дуб ухмыляется нахальству своего хозяина, однако сделать ничего не может, ведь он сам пленник. Утро в свое время обещало дать дубу свободу, да каждый раз переносило обещанное на утро. Так он и стоит. Давно, очень давно. Даже усталая вечность стала сочувствовать обманутому гиганту.

Хоть дуб и молчалив и неприветлив к утру, оно все-таки очень привязалось к нему. Оно понимает, что ему не верят, однако поздно уже что-то менять. Сколько утро себя пом-

нит— оно лжет. Оно лжет даже себе, упиваясь собственной правдивостью, оно лжет, когда поднимается с кровати, говорит самому себе, что этот день будет другим, не таким, как остальные. Оно себя уверяет, что у него мягкая перина, хотя знает, что постель его— могила. Лжет, когда сажает на светленькие грядки чистые помыслы, а позже вечер, который живет чуть поодаль, срывает и хоронит их.

У создателя испортилось настроение, когда он создал черепаху, и делал утро он уже в скверном расположении духа. Потому они так похожи друг на друга— черепаха и утро. Но вскоре создатель, на забаву, отобрал у Адама ребро, сделал из него бабу и возрадовался, а утро навсегда осталось пробным камнем в чудесах природы. И в память об этом неудачном эксперименте утро готовит всякого к несправедливости.

—Басмач, — крикнул Отец, чуть привстав на локте с постели.— Сбоку зашевелилась недовольная сонная Нюра.— Басмач, обезьяна, ты куда делся?

—Кого ты обезьяной назвал? — Сбоку появился Басмач, помахивая огромной сучкастой дубиной.

—Да ты не кручинься, дуралей. Человек— это звучит гордо, а обезьяна— перспективно. У тебя все впереди, я тебе даю шанс.— Отцу пришлось резко перепрыгнуть через Нюру, потому как дубина Басмача полетела в Отца. Немного не рассчитав движения, а, может, и нарочно Нюре слегка перепало дубьем по ноге.

Нюра взвизгнула и соскочила, потирая заспанные глаза:

– Сашка, чего ты дурак, бесишь его? Он же дикий. В другой раз точно подкрадетя, пока ты спишь и хмызнет тебя по башке этой палкой. – Отец с Басмачом в который раз убедились в глупости Ньюры, переглянулись и хмыкнули.

– Не хмызнет. Я ему тогда снова хвост пришью к тому месту, откуда у него ноги растут. – Сказал Отец, медленно натягивая на себя рубашку.

Басмач бросился на Отца, громко матерясь и махая над головой дубиной.

– Убью, гад. Держите меня люди, сейчас будет много крови. – Криком кричал Басмач, бегая за Отцом меж деревьев.

Отец едва мог бежать, задыхаясь от смеха. Вскоре Басмач настиг свою бездыханную жертву, повалил на землю, пару раз треснув Отца дубиной. Еще несколько минут они как маленькие дети катались в пыли, мутузили друг друга, щекотали, а потом как по команде кинулись в заводу, громко смеясь. Друзья плавали, фыркали, ныряли и матерились, хватили друг друга за ноги, залезали под ребра пальцами. Выкупавшись, довольные обитатели конверта выбрались на берег, отдавая последние капельки утренней прохлады солнцу.

– Отец, Дексаметазон звонил, просил тебя ему перезвонить. – Сказал, отдышавшись, Басмач.

– Давай его сюда. Я голоден. – Ухмыльнулся Отец. – Ньюра, обедать будешь?

Ньюра недовольно заерзала в кровати, и, смущаясь и прикрывая свою наготу от Басмача одеялом, поднялась.

–А что есть? – Спросила она.

–Ладно, спи давай. Я пошутил.– Махнул на нее Отец.– Где он?

–Ты чего, не оденешься даже? – Возмутился Басмач.

–А что, он– сексуальный маниак, что-ли ?– Спросил Отец, указывая на то место, из-за которого, по мнению Отца, у маниаков все неприятности.

–У них спермоциты созревают на хвосте, и коитус в твоём понимании у них, это когда они трутся с самкой хвостами.

–Не весело.– Сказал Отец, выковыривая из уха затекшую воду.

–Им нравится. Так ты не будешь одеваться?– Настаивал Басмач.

–У меня дикция плохая что-ли?– С участием спросил Отец.

–Смотри сам! Мне то все равно, только ты перед ним будешь, как клоун тряпочный выглядеть.

–Это он то– красавец? Басмач, у тебя очень плохой вкус. Да и выражение лица у тебя тоже не доброе.

–Я не это имел в виду.– Сказал Басмач.

–Вот и молчи.– Лягнул ногой Басмача Отец.

Меж деревьев засветился огромный экран.

–Здорово, Декс. Как спалось?– Спросил Отец. С экрана на Отца смотрела свирепая морда веганской рептилии.

Подвижные на стебельках глаза его свело судорогой, так сильно он хотел посмотреть за спину Отцу. Сзади визгнула

Нюра, с головой уйдя под одеяло. Девчонка сгорала со стыда.

– Ні, – махнул лапой на него Декс. – Потихонечку. Как твое ничего?

– Ничего, – ответил Отец. – А ты чего это на земных баб засматриваешься, неж-то нравится?

Декс заскрипел. За спиной нервничала под одеялом Нюра. Отец понимал даже корнями волос, как его в эту минуту называет девчонка. Нечего ползать, где стреляют, думал Отец.

– Нельзя так, – сказал Дексаметазон, кивнув невзначай на злоую протоплазму, не находящую себе места от стыда под одеялом. – У тебя, Отец, как всегда экстравагантный вид. Тебя не назовешь скучным. – Декс снова заскрипел.

– Кто меня пытался так назвать уже давно стоят в очереди к Аллаху за документами, – улыбнулся Отец. – Ты чего меня видеть хотел? Или ты у себя весь аланин выпил?

– Весь, да не весь. Ты не собираешься к нам?

– А что у вас делать? Мне и здесь весело.

– А у тебя что делать? – Он кивнул на кровать, – небось, надоело уже?

– Вот тут ты прав. И с ними нельзя и пристрелить жалко.

– Так собирайся, я уже Басмачу передал наши координаты, подходи.

– Ты никак по мне соскучился! – Приятно отметил для себя Отец.

– С тобой не соскучишься. Ну так давай к нам. – Скосил глаза Декс.

–Ладно, Дороти, пристегни ремни. Следующая заправка— Канзас.— Сказал Отец. Скоро буду.

Дексаметазон исчез в ветвях. Нюра осторожно показала из-под одеяла свою остренькую курносую мордочку. Басмач скрестил на груди руки, довольно улыбаясь:

–Лови чертей,— кивнул он на Нюру.

Отец подошел к кровати:

–Молчи, я все знаю. Басмач, гардероб?— Спросил Отец и скользнул внутрь появившейся арки, представив себя в цветастой гавайке, в широченных шортах до колен и скошенных кроссовках.

–Сашка, ты же мне обещал...— На глаза Нюры навернулись слезы.

–Милая, если ты меня любишь, ты должна простить мне некоторые мои шалости.— С некоторым озорством произнес Отец, по дороге любуясь собой и своей гавайкой.

–Не люблю я тебя, противный. Что обо мне подумают твои знакомые?

–А чего это ты на меня все несешь, что не на Басмача? Это же он прямо напротив тебя Декса разместил.— Отец указательным пальцем ткнул в живот Басмачу.

–Э, ты чего на меня скандал переводишь? Ты со своей бабой сам разбирайся, нечего меня к этому приплетать.— Басмач даже не ожидал такого поворота событий.

–Он же глупый, сам ведь говорил.— Оправдывалась Нюра.

–Ты кого глупым назвала?— Басмач схватил свою дубину.

—Знаю, знаю, когда говорят мужчины— даже горы молчат.—
Нюра осторожно бочком скользнула с кровати, собрала свои нехитрые пожитки и пустилась наутек в бетак. Лишь там она могла себя чувствовать в относительной безопасности— там не было видно Басмача.

Друзья переглянулись и засмеялись. Было очень мило наблюдать, как виртуальная баба с не виртуальным страхом боялась не менее виртуального злодея в облики Басмача. Однако Отец был благодарен Басмачу за дубину, которая избавила его, Отца, от новой порции нытья и стенаний.

—Слушай, Отец, ты так что-ли пойдешь? — Спросил Басмач, осматривая своего подопечного с головы до ног оценивающим взглядом.

—А то...— Заверил его Отец.

—Когда ты перед видным ученым появляешься в одних трусах, это я еще могу уразуметь, коль скоро ваша встреча приватна и вы вроде как с ним сдружились, но когда идешь на работу в таком виде— это уже перебор.

—Если нельзя, но очень хочется, значит можно. Понял? И не приставай ко мне с глупыми вопросами, от этого ты в моих глазах не растешь.— Отец для убедительности свирепо поворачивал глазами.

—Ты очень экстремальный тип, Отец.— Прошипел Басмач.

—Спасибо.— Ответил тот.— Пойдешь со мной? Или тебе нравится на эту трусику страх нагонять?

—Пойду, как нет-то. Ты по дороге можешь на кого-нибудь

напасть. Тебя вообще было приказано даже в туалет на поводке выводить, а уж в город и подавно.— Басмач хищно осклабился.— Я вообще не понимаю, зачем тебя здесь держат. У нас своих клоунов хватает. Отправили бы тебя домой и дело с концом.

— Вот и я про то же. Не путали бы мне и себе мозги. Но ты все равно договорился. Вечером тебя ожидает секирбашка. Ну, ладушки, поехали.

Басмач сформировал выход. Уже выходя, Отец для себя заметил перекошенное от страха лицо Нюры, которая несмело выглядывала из бетаку. Вот глупая, подумал Отец. Надо будет от нее избавиться.

Отец перенесся в какой-то холл громадных размеров. Это не походило на работу, по крайней мере, на ту, которую себе представлял Отец. Здесь в небольших кадучках росли причудливые растения. Некоторые из них цвели, некоторые устало выбросили свои корни из кадки, развалясь, как пьяный мужик после парной. Вокруг в воздухе кружили какие-то непонятные маленькие аппараты, подстригающие листву и поливающие дерн в кадках. Компания, собравшаяся в холле, напоминала изысканный шизофренический бред. Здесь были, конечно же и люди, но они на фоне этой фантазмагории смотрелись, словно негры в синагоге. Мимо пробежали и пролетали летающие бегемото-крокодилы, были ползающие, прыгающие, мохнатые и лысые уроды. Были и такие существа, которые за собой оставляли зеленый след от слю-

ней, старательно вымываемый бегущими за ними роботами. Некоторые были окружены сизым, видимо защитным полем, другие были в скафандрах. Таким была не по вкусу агрессивная кислородная атмосфера, а может они за своими оболочками прятали свое небрежение перед слюнявыми недодьями. Существа, наполнявшие холл, одеты были тоже повсякому. Представьте себе лысого цветастого страуса, одетого в лохмотья листьев какого-то растения, пахнущего, словно общественный туалет на народном гулянии, и попробуйте ему объяснить, что с ним что-то не так. Похоже, что в холле вентиляторы работали достаточно эффективно, поскольку зловоние, идущее от проползающих, пролетающих, прыгающих, земноводных, гладкошерстных, не успевало больно ударить по нервам.

– Чур меня, – отмахнулся Отец.

– В общаге такое не увидишь, – заверил его Басмач.

– В общаге можно увидеть разное. – Парировал Отец. – Слушай, Басмач, это ведь тоже конверт? – Вдруг до Отца дошло, что здесь что-то не так. Басмач послушно кивнул. – Так почему тогда некоторые чудаки ползают в скафандрах?

– Ты кого имеешь в виду? – Не сразу понял Басмач.

– Да хотя бы вот эта лягушка, – Отец ткнул пальцем в проползающую мимо него синюю жабу, на которой были пластиковые доспехи и шлем, наполовину скрывающий от Отца всю природную красоту рептилии.

– Это его национальный костюм. – Ответил Басмач.

Ему доставляло немалое удовольствие наблюдать за тем, как Отец реагировал на столь волнующую компанию.

– Не лги! – Не поверил Отец.

– Вот те крест, – перекрестился Басмач.

– А вот этот индюк? – Отец кивнул на пролетевшую мимо птицу с фиолетовой аурой вокруг головы, у которой вместо привычного клюва был хобот.

Увидев нескромный жест Отца, птица громко каркнула и улетела, унося свои перья прочь.

– У них такая мода, – кивнул Басмач, – и постарайся не так громко их костерить, они все прекрасно тебя слышат и понимают.

– Ну, это меня не сильно волнует. – Сказал Отец.

В самом дальнем углу Отец разглядел милую сердцу стойку бара. За стульчиком напротив работа-бармена сидел Дексаметазон.

– Ни, Декс, – помахал знакомому Отец рукой.

– Уймись, негодный. Это же видный ученый. К нему многие обращаются с дрожью в голосе и при полусогнутых коленях.

Декс тоже увидел Отца и поскакал на четырех лапах к нему.

– Здорово, Отец, как дела? – Прорычал он.

– Твоими молитвами, жив-здоров. – Отец схватил за лапу Дексаметазона, похлопывая его по спине.

– Ты что, проспал? – С участием спросил Дексаметазон.

—С чего ты взял?

—А зачем ты в пижаме?— Дексаметазон заскрипел.

—Декс, открой глаза шире, посмотри вокруг, в сравнении с этой компанией мой костюм выглядит как строгий френч. Как тебе вон тот тип с фиговой веточкой на бедрах?— Отец кивнул в сторону цветастого страуса.

—Ладно, не будем спорить, готов?— Дексаметазон шелкнул хвостом.

—Смотря к чему. Я был бы неприятно удивлен, увидев здесь Ньюру.

—Обещаю, ее ты здесь не увидишь, таким сюда вход заказан.— Утешил Дексаметазон и поскакал к стойке бара. Там невдалеке стояли его недавние знакомые Захаров и Ефимов.

—Гомарджоба,— протянул мужикам руку Отец. Он удивился, как он мог их не заметить.

—Привет,— сказали они, пожимая руку Отцу.

—Ну, что вам здесь нужно подмести?— Вызывающе осведомился Отец.

—Для начала прикрой рот и слушай.— Сказал Захаров.— Сейчас мы тебя познакомим с твоей группой. С ними ты будешь заниматься. Постарайся никого не обижать своим нахальством. Это люди очень культурные и образованные. Понял? А если будешь наглеть, запрем тебя на карантин, пока домой не отправим.

—Договорились.— Согласился Отец.

—В операторную,— сказал Захаров, растворяясь в черном

зеркале выхода. Отец последовал за ним.

Аудитория эта казалась тоже просторной. В мягких креслах сидели около двадцати парней и девушек. Девушки были особенно привлекательны, поэтому Отец отметил для себя, что работы ему здесь, как минимум, на три месяца. По-видимому, обсуждалась какая-то проблема, потому что при появлении Отца разговоры моментально прекратились. И что-то ему подсказывало, что эта проблема- он сам.

-День добрый,- поздоровался Захаров.

Группа кивнула ему, однако все взгляды были прикованы к Отцу. По всему было ясно, что люди были в курсе: кто он такой и чего от него можно ожидать. Захаров кратко представил Отца группе, однако последнему не очень понравилось, когда его называли субчиком и нахалом. А в остальном с таким представлением можно было мириться.

-Андрей,- позвал Захаров невысокого паренька с очень добродушным лицом,- поди сюда. Познакомь его с остальными. А ты,- обратился Захаров к Отцу,- если будут какие-нибудь проблемы, обращайся сразу ко мне, твой домашний компьютер знает, где меня найти, я оставил ему свои реквизиты. Адю.

И Захаров скрылся.

-Андрей,- протянул Отцу руку парень, при этом приятно улыбаясь.

-Отец,- пожал ему руку Отец,- остальное ты знаешь.

Андрей кивнул в сторону выхода:

– Не обращай на него внимания, когда он был молод, он пытался изменить мир, а когда повзрослел – изменился сам, вот так на Земле одним подлецом стало больше. А, в общем, он неплохой, просто к нему нужно привыкнуть. – Сказал он.

– Ничего, я уже привык. Правда, я его недолюбливаю. Не люблю, кто больше меня врет.

– Я тоже, – сказал Андрей. – Пошли, я тебя с остальными познакомлю.

Группа была невелика, около пятнадцати человек, остальные пришли поглазеть на реликт.

Отец терпеливо пожимал руки мужикам, для себя отмечая, что хватка у них не рабочая. Девчонкам он моргал глазами, всем видом показывая немногосмысленность своих притязаний. Он подумал, какая же все-таки сволочь эта Клара Цеткин. В эту минуту он ее ненавидел больше, чем вареный лук и демократов. Ненавидел за то, что она придумала эмансипацию, а сейчас все человечество пожинает плоды ее неуместного каприза. По великому убеждению Отца эмансипация – это такая штука, когда соблюдены два непеременимых условия. Первое: все бабы – стервы, второе – глобальная феминизация мужского населения планеты. А эта аудитория достаточно ясно показывала, насколько родная планета продвинулась на пути остервенения баб и обабления мужиков. Ладно, думал Отец, я вам покажу Кузькину мать, хлюпики. И на нашей улице будет асфальт.

Обойдя своих будущих однополчан, Отец понял, что на-

строение на этот день безвозвратно испорчено.

–Ты чего такой пасмурный? – Спросил Андрей.

–Кто в армии служил, тот в цирке не смеется.– Бросил Отец, осматривая группу.– Слушай, Андрюха, пошли сегодня в бубен ударим, чтоб перья полетели в разные стороны.

–Это как?– спросил Андрей.

Отец тыльной стороной ладони щелкнул по шее.

–Это великолепная идея.– Сказал он, отводя Отца в сторону.– Давай после всей этой канители ко мне переберемся, а то у меня острая алкогольная недостаточность. Я уже неделю мытарствую, а не с кем.

–Good, только давай ко мне, у меня все схвачено. Все будет пучком.

Из ниоткуда появился выход и в аудиторию зашла ОНА.

Она была чертовски хороша: высока, стройна, длинные каштановые волосы маленькими ручейками сползали на плечи. Огромные глаза приковали Отца к себе навеки. В них было видно, сколько в ее крови растворено эстрогенов. Маленький чуть курносый носик, сплошь засеянный веснушками. У Отца даже пересохло все в глотке. Отец всматривался в маленький ротик с пухленькими губками. Вот бы с ней в партере побороться, подумал Отец. Непослушная рыжая прядь упрямо падала ей на лицо. Как хороша!!!

–Андрюха, кто эта дива?– Отец кивнул головой в сторону таинственной незнакомки.

–Не знаю, она с параллельной группы.– Пожал плечами

Андрей.— Она к своей подруге ходит, вон к той, у которой ураган на голове.

Отец увидел по правую руку от каштановой красавицы девчушку верткую, словно вошь на гребешке. И если бы у нее была резинка слабее, она выпрыгивала бы из собственных трусов. На ее макушке выстроенная высокая прическа буквально кричала, что еще немного и вся эта конструкция из волос и шпилек развалится на куски. Девчонка обладала невероятно выразительным лицом, от этого выражение менялось чаще, чем она дышала. Она вертелась на стуле, как если бы сидела на раскаленной сковородке. Девушка и подпрыгивала, и подсакивала, и хохотала, и корчила недовольные гримасы.

—А,— заметил Отец,— это у которой кое что кое где?

—И не говори. Но в принципе она баба неплохая, можем и ее с собой взять. Водку потребляет, будто у нее глотка луженая.— Кивнул Андрей.

—А подружку ее сможем захватить?— В надежде на чудо спросил Отец.

—Не знаю, сам с ней поговори.

—Потом.— Кивнул Отец. Все его мысли уже были заняты ЕЙ.

Вполуха он слушал рассказ Андрюхи о его новой работе. Работой эту скуку было трудно назвать. Заключалась она в том, что полдня лежать в кресле, пока на тебе был надет шлем, в роде того, который надеваешь после бани, чтобы вы-

сушить голову. Это как будто давало обладателю необычного головного убора возможность оперировать огромными базами данных, вычислять огромное множество всякой информации, при этом, по мнению Андрюхи, получать огромное удовольствие.

– Попробуй, – предложил он, – тебе понравится.

– У меня голова сухая, – сказал Отец, представляя на кого он будет похож в этом нелепом шлеме.

– У меня тоже, – сказал Андрей, усаживая Отца в кресло. Затем он надел на голову шлем, который казалось, появился у него в руках сам собой.

– А что мне делать дальше? – Спросил Отец.

– Ты сам поймешь. – Сказал Андрей, но Отец уже его не слышал.

Он куда-то проваливался. Отец себя чувствовал, словно Алиса, попавшая в кроличью нору. Долгое-долгое падение, ломота в ушах, неприятный привкус во рту горелой человечины. И вдруг все закончилось. Мозги разрывало от огромного объема информации. Казалось, он знал все. Не было ничего, что было бы скрыто пеленой тайны и неведения. Осторожно Отец приоткрыл историю государства Российского, улыбался, когда читал указ Петра первого от 1709 года, про то, что «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать оного». Посочувствовал овечке Долли, которую закатали в банку с оливковым соусом, когда прошел

ажитожа с клонированием. Посмеялся над Буддой, который, как оказалось, был реальным лицом, правда он не отправился в нирвану, как считают его ученики, а просто помер с голода, сидя под дубом. Знал он и математику, поняв, почему жена Нобеля убежала со служителем царицы всех наук. Знал и физику, согласившись с Нобелем, который не включил математику в список премиантов.

Очень интересно, подумал Отец. Это его развеселило не на шутку. Он попробовал оперировать базой данных. Узнав, что у поселенцев на Марсе возникли небольшие проблемы со здоровьем, он сравнил химический состав атмосферы, пищевых продуктов с таковыми на Земле. Оказалось, что солей лития на красной планете больше. Понял, что антидепрессивный элемент – всему виной.

– Не плохо, – сказал Андрей, который наблюдал за Отцом со стороны, – видно ты начал понимать смысл нашей работы.

– A little bit, – сказал Отец, снимая шлем с головы.

Позже его догадки нашли свое подтверждение. Оперировав огромными базами данных, подключаясь к компьютеру, человек получал способность к синтезу, казалось невероятных, теорий. Синтетическая функция человеческого мозга в который раз оказалась на высоте. Отец почувствовал гордость за свое, пусть даже брэнное, тело, которое не понравилось невидимкам из параллельного мира, которое ставило его все-таки выше самой разумной машины.

Это еще один повод разозлить моего электронного Басма-

ча, думал Отец.

Затем дикая догадка заставила его в спешке натянуть шлем на голову. Брат! Нужно все узнать о нем, пока такая возможность существует. Он поднял все сведения о тихом двадцать первом веке, который он так спешно оставил, пусть даже не по собственной вине. Про Дэна не было практически ничего известно, кроме того, что уже Отцу поведал Басмач. Брат провалился как сквозь землю. Последняя запись о нем была, когда он окончил свой институт. Отец посмотрел копии диплома и дипломного проекта. Брат окончит свой институт. Тогда он, оперируя глобальной базой данных, сопоставил несколько ему известных фактов о прошлом брата, о его подруге, о матери и ее словах. Синтез результатов не дал. Получилось только одно, что в свое время он все-таки выехал из дома на своей машине рано утром, как и говорила ему мама. Дальше ничего путного он не смог смоделировать. Туда же в свою логическую цепочку он добавил возможное развитие событий. Отец предположил, что брат, находясь в состоянии аффекта выбрался из машины и углубился в лес. Однако, рассчитав силу столкновения машины с сосной, стало ясно, что при такой аварии выживших быть не должно. Даже находясь в машине пристегнутым с известными мерами противоаварийной безопасности, при такой силе столкновения у водителя должна была отвалиться голова и разлететься селезенка в клочья. В машине крови не было. Отец рассчитал траекторию движения машины, которую он себе

представил, рассматривая следы колес на месте аварии. При такой траектории машина должна быть управляемой до последнего момента. Если предположить, что машина была пуста, она должна была съехать с дороги за двести метров до злополучной сосны. Как такое могло быть? Машина до последнего момента была управляема, а на месте катастрофы не оказалось следов человеческого присутствия. Машина не была оборудована автопилотом, следовательно, в ней кто-то должен был быть. Куда этот кто-то подевался? Глобальная база данных не могла предоставить ответы на эти вопросы.

–К чертовой матери вашу машину,– ругался Отец, снимая с головы тяжелый шлем,– пойдем, выпьем.

–Да поди..., ты же только пришел,– сказал Андрюха.– Да и нам поставлена небольшая задача. Вот решим ее и тогда пойдем.

–Это долго? – Спросил Отец, поглядывая на свою рыжую незнакомку.

–Как решим.

Андрей объяснил Отцу, что им ставится групповая задача. На сей раз необходимо было рассчитать оптимальную траекторию запуска и полета к туманности Андромеды маршевого спутника– генератора конверторного пространства, для получения эффекта нуль транспортировки грузовым контейнерам.

–У меня в голове мусор, не путай меня.– С участием попросил Андрюху Отец.

–Пошли в сеть, там все поймешь.– Ответил он, погружаясь в свой возлюбленный виртуальный мир.

Отец про себя отметил, что несколько парней и девчонок надвинули себе на маковки шлемы, прощаясь ненадолго с реальным миром.

–Ну что ж, бродяги, пошли,– Отец снова надвинул шлем.

Задача оказалась не из легких. Путь спутника пролегал через всю солнечную систему, путался в поясах астероидов и космической пыли, в магнитных волосах близ лежащих звезд и планет, освещался жестким лучами неприветливых светил. Далее шел через космические трассы пассажирских внутрисистемных трасс, где запрещено использовать нуль транспортировки, через орбиты комет, малых планет и других спутников, и прочей космической путаницы. Когда спутник прибудет на место, он свернет часть пространства в конверторное. Тогда можно будет осуществлять транспортные грузовые перевозки с минимальным расходом энергии.

Отец представил траекторию через ближайшие точки либрации, с использованием максимальных угловых ускорений планет и звезд и решение его оказалось не очень громоздким. Проверив путь еще раз, он понял, что ничего не понял. Использование точек либрации– идея не новая, равно как и неэффективная, тем более давным-давно доказано, что нельзя максимально ускорить спутник используя и притяжение планет и мертвых точек одновременно. Плюнув на задачу, Отец попытался побольше узнать о своей таинственной

рыжей незнакомке. Однако в базе данных хранились лишь общие сведения о ней. Была она не многим старше Отца, работала в параллельной оперативной группе с Отцом, и была не замужем. Вот и все. Хотя ее одиночество Отец расценил, как подарок судьбы. Одной разбитой физиономией в этом мире может оказаться меньше в борьбе за прекрасную незнакомку.

Находясь в системе, Отец видел работу его одноклассников, которые со своей стороны с не меньшим интересом наблюдали за его действиями. Отец видел, как совместными усилиями они парсек за парсеком прокладывали путь к этой чертовой Андромеде. Наблюдая за ними, Отец понял их некоторые прихваты и алгоритмы и попытался сам немного додуматься до несложного участка пути, однако получил довольно ощутимый пинок по мозгам от какого-то неизвестного своего одноклассника. Отец не понял от кого он получил такую не двусмысленную просьбу не мешать, но решил это позже выяснить.

Бунт на корабле, хорошо... думал Отец. Затем сделал для себя неприятный вывод, что для одноклассников не осталась незамеченной его попытка справиться о НЕЙ. А потом решив, что лишь он – Д'Артаньян, а все остальные – негодяи, ему стало легче.

Сняв с головы шлем, он с превеликим неудовольствием для себя заметил, что его прекрасная рыжая незнакомка исчезла, словно сон, в неизвестном направлении.

Время тянулось медленно, как военная служба. Отец, позевывая, наблюдал за вялым построением алгоритма траектории, но помогать на этот раз не стал. Чертова работа. У Захарова не все дома. Так и всю жизнь можно проспать на этих углых диванчиках. Ах эта рыжая незнакомка. В душе все переворачивалось. Как же Отцу хотелось ближе познакомиться с этой красавицей.

—Андрюха,— мысленно позвал своего нового приятеля Отец.

Ему пришла в голову идея прихватить с собой Дексаметазона. Хотелось произвести впечатление на новых знакомых, как он ловко приручил такого ужасного зверя.

—Отстань.— Андрюха был занят.— Потом поговорим.

Потом, так потом, подумал Отец. А было бы забавно посмотреть, как эта рептилия будет шуметь с аланина. Было бы совсем недурно захватить и предмет его вздыханий, однако, Отец понял, что придется отложить рандеву с незнакомкой до другого раза.

Но все имеет своё начало, и часть этого самого всего имеет вдобавок еще и конец. Эта аксиома несколько взбодрила уже потухшего Отца, когда группа начала снимать свои шлемы с голов.

Аллах услышал наши молитвы, счастье спустилось в нашу долину, подумал измученный бездельем мозг Отца.

—Ну, как дела? — Спросил Андрюха, подходя к Отцу.

—Как у пуговицы... — Был ответ.

–А это еще как?– Удивился новый знакомый Отца.

–А как утро– так в петлю. Пошли. Бери свою вертихвостку и пошли. Уже клаксоны пищат.– Вздохнул Отец.

Андрей кивнул девчонке с ураганом на том месте, куда в этом мире надевают шапку. Девчонка, выхватив его взгляд из толпы, ответила ему тем же и через сотую долю секунды уже напрягала своей болтовней обоих.

–Это Суся,– представил девчонку Андрей.

–Настя,– сделала ленивый реверанс Суся.– Хотя все меня зовут Сусей. Один мой знакомый хакер залез в мою базу и узнал, что так меня в детстве называли родители.

Суся кивнула на Андрея:

–Я не буду говорить кто это, хотя это был Мормон.

–Никто же не пострадал.– Уверил всех Андрей.

–Андрюха, это ты что-ли Мормон?– Удивился Отец.

–У нас есть руководитель один, у него забавная фамилия– Яйцев. Вот он-то его и назвал Мормоном. Ты, говорит, Андрей Николаевич, бабник, каких на свете поискать нужно, прямо как мормон. Так вот и прилепилось к нему.– Объяснила Суся.

–А я Отец,– сказал Отец,– хотя некоторые меня зовут Са-ней, но это только те, которым зубы жмут.

–И много таких?– Спросил Мормон.

–Много, но все они в мире ином.– Ответил Отец.– Суся, а кто подружка твоя? Сегодня к тебе приходила.

–Понравилась?– скорчила рожу Суся.

Отец кивнул.

–Хочешь, познакомлю?– Спросила Суся.

–Он только об этом и мечтает. Даже пытался ее базу открыть. Отец, в другой раз надумаешь что-нибудь взломать, не делай это так грубо. Обратись лучше к профессионалу.–
Мормон похлопал себя по груди.– Рад буду помочь.

–Понял,– ответил Отец.– Суся, нам бы с тобой это дельце быстрее спроворить.

–Вот за бутылочкой и поговорим.

Черная пасть выхода проглотила Отца и его новых знакомых, отправив прямиком на улицу, в объятия столь знакомого и нового лета, лета далекого будущего. Несмелый ветерок пробежался по волосам друзей, зазывая поскорее в мир грез. Он был очень знаком Отцу, знаком и так же приветлив, как много столетий назад, когда он с друзьями, сидя в зелёном ресторане возле общежития, в окружении кустов сирени, распивал пенное пиво. Лето, которое раскинуло свои приветливые объятия перед Отцом, не отличалось от того, которое он помнил. Оно было точно такое. Зеленые кружева берез послушно качались на ладонях летнего дуновения. Короткие тени, усталые от летнего зноя, болтались между ног. Парило. Чуть поодаль блеснула синяя спина реки. Она морщилась и упиралась в берега, обрамленные мать и мачехой в изумрудные зеленые оковы.

–Черти дерут этого Захарова. Как на улице здорово. Когда меня похитили из дому, у нас была уже глубокая осень.– С

тоской посмотрел на зелень Отец.

– Не горюй, Отче, сейчас примешь на грудь и забудешь про все, – сказал весело Мормон и поманил пальцем мимо пролетающий кар.

– Да я не горюю, я осень люблю, как свинья апельсины. – Уверил всех Отец.

Машина бесшумно приблизилась к друзьям, остановив свой бесшумный бег невдалеке от них, словно боясь расправы Отца.

– Может выходом пойдём? – Спросила Суся.

– Да давай прокатимся, торопиться-то некуда. Да и Отец посмотрит на город. Он его давненько не видел. – Подмигнул всем лицом Мормон.

– А пес с тобой. – Суся прыгнула в кабинку воздушного кабриолета. За ней последовали остальные. – Что пьем сегодня? Я хочу текилу. Холодную. С солью.

– Текилу, дак текилу. Нам татарам всё равна: что водка, что пулемет, лишь бы с ног валило. – Улыбнулся Мормон.

– Девчонки у вас в группе уж больно красивые. Давайте возьмем какую-нибудь еще? – С надеждой в голосе попросил Отец.

– А если твоя подружка Мать узнает? – Суся похлопала по плечу Отца.

– Вот, черт, ты то откуда про нее знаешь? – Отец удивился по настоящему. Он ведь это не обсуждал даже с Басмачом.

– Вот, ведь перед тобой хакер сидит. Он любую базу взло-

мает, даже запрещенную.— Кивнула Суся на Мормона.

Отец понял, что когда находился в конверте, компьютер полностью овладел его мозгом. Это необходимо для создания картинок, не отличимых от реальных.

—Суся, расскажи мне про твою подругу,— попросил Отец.

—Да сам у нее спроси,— ответила Суся.— Но если тебе интересно, у нее был какой— то друг, но вроде они сейчас не встречаются,— скороговоркой проговорила Суся.

—А что за друг?— Поинтересовался Отец, не замечая, как руки сами сжались в кулак.

—Да...Тюхтя, одним словом. Ни духом, ни слухом. Так, плесень.— Махнула вдаль рукой Суся.

Машина плавно подняла в воздух три страждущих алкоголя тела, унося и медленно покачивая. Мормон повел машину меж облаков, дабы насладиться видом и дневными испарениями Земли. Вид зачаровывал. Вдали виднелись острые, как иглы, носы космических спейсеров. Время от времени в небе были видны, уходящие бороздить просторы вселенной, корабли. Стремглав, нахально, будто издеваясь над открытием сэра Исаака Ньютона, покидали они родную планету. Машинка путалась в седых волосах облаков. Было хорошо. Душу не томили никакие мысли.

Удобно расположившись на мягком креслице кара, Отец наблюдал за проносящимся городом. Там, вдали, в сиреновой дымке, жили, рождались и умирали люди. Они казались крохотными и бестелесными. У них били маленькие голов-

ки, ручки и ножки. С такой высоты казалось, что и мыслишки у них какие-то маленькие и низменные. Неужели и я такой, подумал Отец. Как странно устроен человек. Стоит немного подняться в поднебесье и он уже чувствует себя повелителем вселенной и ради него крутится Земля. Но стоит опуститься на Землю, и уже кто-то парит над его головой, испытывая к нему странную жалость.

–Мормон, ты знаешь, куда лететь надо, а то я здесь, сам понимаешь, недавно?– Спросил Отец, удивляясь, как на высоте звучит его голос.

–Знает, он в твоей общаге завсегда,– ответила за Мормона Суся.

–Сколько я в твоей общаге нервных клеток загубил этанолом, один Бог знает, но никому не рассказывает.– Ответил Мормон, улыбаясь.

–А что ты там делаешь?– Спросил Отец.

–А что наливают– то и делаю.– Развел руками Мормон.

–Ко мне в другой раз заходи, вместе делать будем. У меня есть с кем... Мой комп– он такой ненормальный.– Отец покрутил пальцем у виска.– Сейчас сам увидишь.

Машина круто развернулась и осторожно присела на травку перед общагой. Друзья вышли из кара, потягиваясь и прищуриваясь от солнца. Чертовски здорово, подумал Отец. Было бы куда лучше, если бы с ним была его новая beloved. Ладно, время еще есть.

–Давайте, пойдем искупаемся?– Спросил Мормон, несме-

ло надеясь на понимание будущих собутыльников.

–У меня.– Сказал Отец.– Там тебе еще и спинку потрут, и приголубят.

Друзья вошли в выход, растворив свои тела в конверторном пространстве. В носу привычно засвербило йодом.

–Ух ты...– Только и успели произнести Мормон с Сусей, обозревая нам уже знакомую полянку на берегу небольшой заводи с водопадом.

На кровати сидел Басмач, раскрашивая масляной краской хмельного в дугу Пиначета. Тот бесстыдно расползся по коленям Басмача, предавая свое ненасытное брюхо неумелой кисти художника. Раскрашенный зверек выглядел очень экстремально: уши– зеленые, маленький кончик хвоста– синий, спинка уже была выкрашена в цвет детской неожиданности. Басмач сам был по уши вымазан всеми цветами. На щеке красовался красный след свежескрашенной лапы коалы. Увидев посетителей, Басмач бросил обсыхать несчастное животное прямо на белоснежное покрывало постели. Нюры не было видно. Девчонка боялась виртуального обитателя, словно мулла свинью.

–Басмач, ты что же наделал?– Сквозь смех Отец напустился на Басмача. Мормон с Сусей уже покатывались со смеху, корчась на коленях.

–Ты забыл поздороваться,– сказал Басмач, вытирая у себя под носом. От этого одной грязной кляксой на губе стало больше.

– У меня дикция плохая? – Удивился Отец.

– Я подумал, что так будет веселее, – улыбнулся Басмач. – Тем более этому зверю уже все равно. Ему уже хоть плюй в глаза, и все – божья роса.

Новый взрыв смеха. Отец подхватил с земли утром брошенную дубину и пустился за обидчиком. Басмач, повизгивая, скрывался от огромной дубины за деревьями. Загнав последнего к заводу, Отец, постукивая по ладони дубиной, медленно стал на него наступать, для важности зловеще вращая глазами.

– Отстань, бродяга, что люди подумают? – Стыдливо прокричал Басмач сквозь смех.

– Справедливое возмездие! – И дубина полетела к Басмачу, но было уже поздно. Громкий всплеск воды и брызги выдали позорное бегство с поля брани черного чародея. По воде поплыла дубина и масляные разводы. – Все, пришел конец Месами Даси.

Отец перекрестил расходящиеся по воде круги, плюнул и пошел к смеющимся друзьям.

– Этого имбицила зовут Басмач. Он – виртуальный. Мой компьютер. – Словно извиняясь, сказал Отец.

– Ты меня очень удивил, Отче, – сквозь слезы выдавил из себя Мормон. – Хотя у тебя здесь очень даже миленько.

Суся, придерживая свой живот, увалилась на креслице, возле стеклянного столика. По щекам реками растекалась тушь. Еще сильнее растирая ее по лицу, булькая соплями,

она стала похожа на маленького гоблина.

–Зачем ты напоил своего медведя?– Еще задыхаясь, спросила Суся.

–Я?– От удивления Отец раскрыл рот.– Это я то его напоил? Сейчас этот чудо вылезет из воды, мы его спросим.

Из заводи показался мокрый Басмач. С одежды стекала вода, пятна на лице он испарил, и по– этому выглядел более или менее пристойно.

–Ты почто его накачал ни свет, ни заря, нам еще с ним пить сегодня.– Отец кивнул на Пиначета.

–Я? Это же ты его напоил.– Оскорбился Басмач.

–Когда успел, я утром даже пробки не нюхал.

–Ты же бутылку на столе оставил, он и выпил ее.– Ответил Басмач.

–Да пошел ты... я ничего не оставлял.– У Отца в голове сверкнула мысль.– Нюра,– громко крикнул он.

Из-за дверцы бетаку осторожно появилась перекошенная от страха мордочка девчонки. Глаза были раскрыты так широко, будто она собиралась ими есть. Она пискнула, увидев незнакомых людей, и скрылась за дверцей. Минуту спустя она вышла одетая, испуганно поглядывая на Басмача. Окинула незнакомцев взглядом:

–Здравствуйте.

Мормон с Сусей кивнули.

–Ну-ка, ком цу мир.– Прорычал Отец.– Ты Пиначета напоила? Отвечай, не то спушу на тебя Басмача.

–Ты же любишь, когда он пьяный. Я подумала, что ты будешь рад...– Нюра нервно сглотнула и потупила взор. Отец понял, что Басмач тактично не стал выдавать и так на смерть перепуганную девочку.

–Ладно, нормально все. Давай зачетку. Ты меня порадовала. Молодец.– Сказал Отец, а про себя подумал, насколько же она глупа.

Нюра чуть не подпрыгнула от радости. Отец нехотя обнял свою глупую подругу за талию, и так чтобы никто не видел, укусил ее за мочку уха.

–Накрой на стол, гости ведь...– шепнул Отец ей на ухо. И Нюра рысью убежала к дубу, доставая оттуда питейные принадлежности.

На столе стали появляться водочка, пиво, коньячок. Сусенная рыба очень нехотя покидала свой засиженный насест, отправляясь на столовое стекло. Нюра все доставала и доставала из дуба всякую снедь. Отец не помнил, чтобы туда он прятал творожные сырки в глазури, красную икру и профитроли, однако все это было изъято из дуба. Потом разберусь, подумал Отец. Однако он предположил, что Нюра сама догадалась заблаговременно туда все сложить. Было немислимо предположить, что Отец с первой своей самостоятельной прогулки по городу не приведет к себе кого-нибудь побороть зеленого змия.

–Классно у тебя тут,– воскликнула Суся из своего кресла. Она уже была в купальнике. На носу сверкали солнцезащит-

ные очки.— Ты сам все это придумал?

—Ну не тот же художник, который зверье раскрашивает.— Отец нарочито ткнул в сторону Басмача пальцем.

—Ты, перестань там бухтеть,— заявил Басмач.

—Ты еще два стула принеси давай. И не булькай, когда со старшими разговариваешь.

Возле низкого столика появилось еще два стульчика с гнутыми ножками. Мормон устало бросил свои кости на один из них. Он уже успел поменять свою одежду на легкий пляжный костюм.

—А для кого еще один стул,— спросил Мормон, заметив, что стульев шесть.

—Ты же не хочешь обидеть самого уважаемого змеборца вашего столетия?— Спросил Отец.

—Ты имеешь в виду Захарова?— Улыбнулась Суся.

—Сейчас Великий Победитель Зеленого Змия просохнет, просуши его,— кинул Отец Басмачу,— и присоединится к нам.

Раздался истошный визг. Едва живой от страха кола визжал, как потерпевший и метался по постели, оставляя свое похмелье на белоснежных простынях. Басмач иногда шутки понимал буквально и напустил на несчастное животное суховей. Горячий ветер подбрасывал Пиначета, пытался залезть к нему под кожу, лез в уши и в нос, вырывал волосы из ноздрей и последний подшерсток. Измученный маленький медведь подпрыгивал и кувыркался на испачканном краской покрывале. Его болтало словно в дикий шторм. Наконец он

свалился с огромной кровати и его стало кружить волчком. Пиначет, не помня себя, визжал. Брызги изо рта летели в разные стороны. А когда у него уже пересохло в глотке, он стал издавать жалобные трели. Глаза были настолько чисты и напуганы, что казалось, в эти секунды он навсегда отрекался от алкоголя в пользу фонда инвалидов. Он с испуга пытался шмыгнуть под куст сирени, но недремлющее око виртуального разбойника достало его и оттуда. Маленький медвежонок с хрипом пытался прикрывать лапами рот и глаза, потому что Басмач постарался, чтоб и запах алкоголя навсегда выветрился изо рта Пиначета вместе со всеми зубами. Ветер со свистом поволок коалу к заводи, которую Пиначет любил так же сильно, как Нюра Басмача, подхватил под локти, пару раз при этом хорошенько тряхнув, и бросил в воду. Поминная всех святых от столь необычного пробуждения и стремительных водных процедур, коала, уже до конца протрезвевший, пулей выскочил на берег, поджав свой куцый синий хвост. Ветер его уже ждал. С новой силой медведя стало кружить и таскать по воздуху. Вопли перешли в ультразвуковой диапазон. И, наконец, для медведя все закончилось. Осталась только тахикардия, слепой ужас в глазах и просохшая масляная краска на шкурке.

–Иди ко мне, маленький,– позвал обезумевшего коалу Отец.– Ты сегодня такой нарядненький у нас.

Коала, не на шутку трезвый, озираясь, медленно и с опаской подошел к Отцу, пытаясь понять, что же это за зверь та-

кой дул на него, что долгожданный хмель так резко покинул его. Не найдя ответа, Пиначет водрузил свое тело на стульчик, на который Отец ему указал. Испуг не проходил. Ожидая очередной шутки, коала вертелся по сторонам, чтоб во время заметить обидчика и при приближении ветрогонного зверя спрятаться в спасительных ветвях эвкалипта. Но зверь не шел.

—Он выпить любит, как медведь бороться,— извиняясь за коалу, произнес Отец.— И к этому делу относится очень серьезно. Не любит, когда с ним не делятся.

—Тогда нужно удовлетворить его интересы,— подтвердил Мормон,— и дело с концом.

—Пиначета это устроит.— Сказал Отец.

Друзья расположились возле стеклянного столика, разлили по стаканам и сделали первое возлияние. Полилась мягкая беседа про то да сё.

—Хороша,— зашипел Мормон, потягивая водку.— Очень хороша, и калорийно и радостно.

—Так водку Менделеев придумал.— Сказал Отец.— Он редко ненужную штуку придумывал.

—Отец, а у тебя ребятки тоже глаз налить любили, ну, в твое время?— Спросила Суся.

—А то...— Задумался Отец. —Ты что... Там такие кадры со мной жили, мама не горюй. Хлестали за воротник родимую, как плясали. У меня дружок был, правда, он рано от нас ушел,— Отец заметил скорбные мины на лицах друзей,—

эй, он же не в мир иной ушел. Его за прогулы из института изгнали, потом он даже восстановился. Звали его Большой Синяк, если с известными коррективами перевести его имя с латыни. Так он умудрялся за вечер выпить около двух с половиной литров водки, а после гонялся за привидениями в общежитии.

— Не слабо, — ухнула Суся. — Ежели бы мне два литра засадить, то где ж меня искали бы?

Пиначет сидел на стульчике, время от времени оглядываясь по сторонам, однако стал все чаще посматривать в стаканы к друзьям и принимать их. Отец по себе знал, нужно некоторое время для него, чтоб ушел испуг, а тогда не замедлит явиться неумная страсть к алкоголю. Так и получилось. Солнышко пригревало, белые облака проплывали вдаль, беседа лилась мягко. Пиначета это успокоило. Встав на заднюю лапу, коала несмело сделал реверанс. Ошеломленный Мормон уставился на него. И без того живое лицо Суси стало меняться чаще, чем рельеф у жевательной резинки.

— Налить просит, — махнул рукой Отец. — Нюра, ну-ка слетай за блюдцем этому тарбагану. Видишь, у него трубы горят.

Нюра убежала к дубу, и вскоре искрящаяся жидкость полилась в блюдце коалы к его неопишуемому восторгу. Краска на шерстке заметно высохла, так что стало возможным без страха испачкаться поглаживать животное.

— Умный какой, — восхитилась Суся. — Он всегда такой понятливый?

–Так... Выпить захочешь и не то сообразишь,– заверил всех Мормон.

–Конечно,– подтвердил Отец,– мужик– не верблюд, ему пить надо. Сосед мой, Гурик, парень удивительный, пиво любит тоже, как конь валяться. Помнится, познакомился он с одной девчонкой, Танюхой Рукавичкиной. Девица– одно загляденье. Влюбился, как последний мальчишка. Ну и решил ее в театр сводить. У меня есть галстуки красивые, мне их будущая теща подарила...

–Твоя будущая теща уже лет ..., как в деревянном костюме лежит.– Сказал Мормон.

–Будь оптимистом, Андрюха. Так вот, Гурик нарядился, нагладился, башмаки свои натер, как дурак нос. Ко мне подходит, мол, Отец, дай-ка мне твой галстук на вечер, отдам в целости. Я ему говорю: вон висят, выбирай. Гляжу: Гурик галстук надел, довольный, улыбается. Пошел. Там спектакль в шесть вечера начинается. Я-то дома, в общаге сижу. Думаю что там у них все пучком, чаек попиваю. Время двенадцать ночи, Гурика нет. Думаю: занят с подругой, дело молодое. Время час– Гурика нет. Суть да дело, он в пол-второго заходит. Кривой, как турецкая сабля, хуже вот этого медведя,– Отец ткнул пальцем коалу в брюхо, тот недовольно заворчал,– грязный, как трубочист, галстук мой на подтяжку похож. Гурик едва дышит. Глаза не видят уже ничего. Я его спрашивать стал, как вечер с Танькой, как премьера? А он только хрюкает, да матерится. Я, говорит, как человек выхо-

жу из театра, а мне какая— то свинья на галстук наступила. Я его положил на койку, пусть алкогольдегидрогеназа довершит его вечер. Раздел, как смог. А у него грязь даже под штаниной, где ей даже по законам физики быть нельзя. Тут Бочман зашел что-то, соседка моя, рядом, в соседней комнате живет. Бегемот еще тот. Начал над Гуриком измываться. Гурик его не признал чего-то, да и послал его туда, куда редкая птица долетит даже до середины. Проспался. Наутро я ему допрос учинил. Вот он и рассказывает: Пришли мы, говорит, чуть раньше. В зал еще не пускают, так я Татьяну пригласил в бар. Сели там за столик, все прилично. Я пошел к стойке шампанское заказать. Ей фужер шампанского, себе полстакана коньяка. Пока нес все к столику, коньяк выпил для храбрости. Поставил ей на столик шампанское, думаю: чего я как не свой буду с пустым стаканом перед девушкой сидеть. Пошел опять к бармену, взял еще полстакана коньяка. Правда, говорит, я сразу половину отпил. Пока мы с ней разговор разговаривали, я уже свой коньяк допил, она тоже. Это в нем двести граммов уже сидело. Тут, говорит, звонок. Отсидели кое-как первый акт. Я его спрашиваю: про что спектакль-то был? А он только рукой отмахивается, мол, отстань, сам знать хотел бы. На антракте пошли, говорит, снова в бар. Я ей снова фужер шампанского, себе коньяк возле стойки, да еще стакан к столу принести. Захмелел, как буренка в жару. Сижу, никого не трогаю, свой коньяк попиваю. Да так хорошо стало, прелесть просто. Гляжу, а Танька

куда-то про... , ну, в общем, ушла она куда- то. Я ведь не заметил, хотел ее домой проводить. Думаю: ну пропала- пропала. Делать дальше что-то надо. Допил все, плюнул на этот театр, да пошел домой. Тут ко мне Рыкун привязался, паренек один с соседней общаги. Он понял, что я немного при деньгах. Да как привяжется ко мне, как хворостина к ослу. Вот я к нему и попал. И все как по написанному: водка пиво, а потом как дали- дали в бубен. Ох... А как к себе пришел, не помню. Видно на автопилоте.

–А потом виделись они с этой девушкой?– Спросила Суся в ожидании продолжения любовного романа.

–Виделись,– кивнул Отец.

–Ну и что?– У Суси аж в зобу пересохло.

–Да ничего, виделись и все тут.

–Ну как они виделись?– Подпрыгивала Суся от нетерпения.

–Да когда мимо проходили.– Сознался Отец.

–А...– Разочарованно Суся опустила в себя добрый глоток текилы.

–Так ты хотела, чтоб она потом ему всю жизнь была благодарна за этот вечер? Он ее привести-то привел, сам напился, до дому ее не пошел провожать. А я не уверен, что он выражался с ней по-французски. У него лексикон известный. Все чаще ухоженный среднерусский диалект. Какая девушка это стерпит. Тем более в театре.– Отец немного задумался.

–Да... сосед твой хороший ловелас,– заговорил Мормон.–

Как цватпах какой-то.

Суся хихикнула.

–Кто этот цватпах?– Спросил Отец.

–Цватпахи– раса. Недавно ее нашли. На том краю галактики живут, молодая еще цивилизация, так... говорить не о чем. Перхоть.– Махнул рукой Мормон.

–А, это значит как Басмач, я понял.– Засмеялся Отец.

–Рот свой закрой, бродяга,– Басмач подскочил на месте.

Нюра вздрогнула, ожидая, что Басмач кинется на нее с дубиной. Пиначет недоверчиво повел бровью.

Друзья соскочили со своих стульчиков и принялись носиться меж деревьев, посыпая друг друга матерком да коричневой пылью тропинок. Суся с Мормоном с удивлением смотрели на дикий танец друзей. Пиначет с пьяных глаз не разобрался, кто нарушает покой, и улизнул под куст сирени, притаился, ожидая появления свирепого зверя.

–Мормон, пошли, поплаваем,– выдохнул подбежавший Отец.– Водичка от винта.

Отец скинул свою одежду прямо на берегу и, не дожидаясь товарища, прыгнул в воду. Мормон не стал дожидаться повторного приглашения и погрузился в объятия прохлады тихой заводи.

Приятный ветерок бережно скользил по листьям деревьев, прыгал по ветвям, дул на воду, разгоняя стайки пузатой мелочи. Отец проплыл под водой к своей сети, в которой сидели две щуки. Басмач, собака бешеная, не может поболь-

ше в сеть накидать, подумал Отец. Рыба при приближении опасного ныряльщика забила хвостом по сети.

Аквамариновая пелена любовно укутывала свое бесценное сокровище. Жизнь. На кой черт ты дана? Кому от этого польза? Сегодня ты бьешь хвостом по нейлоновой сетке, а завтра тебя за глаз повесят сохнуть на шелковую нить, набив твоё нутро поваренной солью. Сегодня ты резвишься, забыв обо всем, а чуть позже голодные желтые от никотина зубы вопьются в твою сухую, как корка, плоть. Сегодня ты блестяшь и переливаешься всеми причудливыми цветами на солнце, а завтра это солнце испепелит тебя и будет сушить на илистом берегу твои фосфорные кости. Сейчас твоё тело гибкое и стройное, пройдет время, и оно станет твердым как камень. Жизнь. Ты не балуешь никого. Ты ломаешь всякого. Сломаешь даже самого умного и доброго, красивого и здорового. Никто не уйдет от твоего всевидящего ока. Только до кого-то ты доберешься чуть позже.

Мормон, фыркая, подплыл к Отцу:

—Ух, ты,— он ухватился за длинный рукав ивы, к которой была привязана сеть.— И много рыбы?

—Пару щук да мелочи разной,— махнул рукой Отец.— Басмач— это очень скупая скотина. Продам я его в поликлинику для опытов...

Друзья резвились в воде. Гонялись за пугливой маленькой пресноводной акулой, после отвязали сеть и поплыли к берегу. Коала от любопытства вылез из своего убежища и

скромно пристроился рядом на берегу, наблюдая, как Отец достает бьющуюся рыбу из сетки.

–Она, надеюсь у тебя не заразная здесь?– Спросила Суся.

–Есть немножко,– ответил Отец,– немножко вируса Кавасаки и иммунодефицита человека, а так нормально, клевать можно.

–Тогда все в порядке.– Кивнула Суся.

–Знаешь ведь первые признаки ВИЧ– инфекции?– Спросил Отца Мормон. Суся хрюкнула себе под нос.

–В роде немотивированный субфебрилитет в течение месяца?– Спросил несмело Отец.

–Нет,– покачал головой Мормон,– раньше.

–Да черти его знают,– Отец пожал плечами,– диарея?

–Еще раньше.

–Нюра, ну-ка, скажи.– Отец сверкнул глазами на Нюру.

Девчонка сконфужено произнесла:

–Это когда люди болеть начинают.– Друзья переглянулись.

–Да,– махнул на нее Отец и шепотом добавил,– лучше жевать, чем говорить. Нюра ну-ка соль для рыбы тащи и нож.

–Самые первые признаки– это чувство инородного тела в прямой кишке и жаркое дыхание в затылок.– С гордостью произнес Мормон.

Отец покатился на земле:

–Ой, Мормон, насмешил,– смеялся Отец.– Ты только Нюре это не говори, она меня неделю пытаеть расспросами

будет. Что да как. Хорошо.

Немного отдышавшись, Отец спросил:

—А от СПИДа лекарство уже изобрели?

—Да давно уж. Так не при тебе его нашли, что ли?— Удивилась Суся.— Сегодня это как простуда. Правда, им уже давно никто не болел. Извели его, как малярию.

Разделав рыбу и засыпав ее солью, Отец с Мормоном пристроились к столику, где их уже поджидал подвыпивший и смотревший на мир одним глазом Пиначет.

Алкоголь— удивительная вещь. Когда он находится в бутылке, он не радует душу. Стоит ему привязаться к компании эритроцитов, которые всегда бегают кучей, начинает сужаться поле зрения. В итоге мир видится сквозь маленькую точку и наутро просто невозможно вспомнить все детали, которые было видно сквозь нее.

Пиначет сосредоточился на Сусе. Выждав некоторое время, он стал пытаться перелезть через стол к ней, опрокинув при этом всю рыбу на землю. Суся заботливо приняла несвежее тело и расположила его у себя на коленях.

—Заберешь ее к себе?— Сказал Отец Мормону, кивнув на Ньюру.

—Ну ее к лешему. Скажи Басмачу, чтоб он ее к тебе не пускал, да и все.

—Так она виртуальная.— Шепнул Отец.

—Так еще проще. Сотри ее, чего ты на нее смотришь? Хоть и смазливая, а дура, еще поискать такую надо.

–Басмач боится, как смерти от пиявок.– Сказал Отец и ухмыльнулся.

–Чего ты про меня там плетешь?– Недовольно проворчал Басмач.

–Слишком много чести о тебе говорить, ты же глупый.– Улыбнулся Отец.

День Басмач сделал жаркий. Маленькие облака лишь на короткое время скрывали палящее солнце, да ветерок приятно обдувал разгоряченные негой тела.

–Уф,– сказала Суся,– я вспотела, как шлюха в церкви.

–Суся, слушай, давай ты ко мне свою подругу приводи, здесь винишка попьем, познакомишь нас.– Очнулся Отец. Незнакомка не давала ему спокойно пить пиво.

–Какую ты подругу собрался сюда привести?– Надула губки Нюра.– Ты же меня любишь.

–Басмач, иди-ка сюда,– Отец наклонился к другу.– Слушай, Басма, сотри ее на..., достала она меня. Тут еще одна девочка наклеывается, а Нюра здесь будет лишней.

–Да вот тут не угадал ты. Будешь с ней всю жизнь маяться. Я вот возьму еще, да ваш брак зарегистрирую. Будет тебе тогда и девочки и пиво... Не будешь меня слушаться.

–Басмач, Христом Богом тебя молю.– Взмолился Отец.

–Не пожалеешь?

–Клянусь твоим здоровьем!– Перекрестился Отец.

–Ох, и добрый я сегодня,– потянулся Басмач. Нюра вместе со своим стульчиком исчезла. Пиначет был немного удивлен.

–Куда она?– кивнула Суся.

–В небытие. Ну, как насчет твоей подружки?

–Легко.

Глава 9.

Прошел уже целый месяц. Чертовски приятный месяц. Удивительное дело, когда человек чему-то рад, время летит, как раненый олень. Не остановить его и даже не замедлить его бег ни на мгновение.

–Я люблю тебя.

–И я тебя люблю.

–Я первый сказал.

–Я первая подумала.

–Мы уже не ссорились неделю... Здорово.

Рыжая кивнула. Мягкий пушистый снег медленно ложился на ее каштановые локоны, обнимал и целовал плечи. Отец не ревновал. Он будет жить вечно, а эти глупые снежинки ровно столько, сколько их будет помнить Отец.

Они, держась за руки, медленно прогуливались по любимому городу. На ней была длинная несуразная каракулевая шуба и не менее несуразная шапка из черно-бурой лисицы, из под которой, собственно и лились ее каштановые локоны. И похожа она была на огромную хитрую лисицу, с которой нечаянно содрали шкуру и облачили в ягнячье. Ми-

мо них молчаливо проплывали серые многоэтажки, из окон которых лился призрачный желтый свет. Угрюмые, согбенные нелегкой жизнью, поодаль стояли гнутые фонари, бескорыстно даря прохожим тусклые пепельные лучи. С неба валил снег. Он с легким шорохом трогал их лица, и так же шурша, падал на уже наметенные сугробы. Он хрустел под ногами и, казалось, был недоволен, что вечную влагу так неуважительно попирает эта влюбленная парочка, однако он поддавался, оставляя на себе следы двух пар ног. Он исподлобья смотрел на удаляющихся людей, зная, что они к нему когда-нибудь вернуться с поклоном. Черное небо казалось еще чернее от тусклого света фонарей и желтых глаз— окон.

—Давай с тобой не будем никогда ссориться?— Отец посмотрел на свою подругу, искренне надеясь, что так оно и будет.

Рыжая опять кивнула. Она сегодня была молчалива. Отец знал, что в жизни каждой женщины наступает момент, когда она перестаёт разговаривать. Иногда это случается в постели, иногда в гостях, или во время разговора. Но тут, казалось бы, всё понятно. Это значит, что она подумала, что ты сморозил какую— то непростительную чушь. Но то, что кажется женщине, не всегда истина. А иногда женщина перестает говорить просто так, ни с того, ни с сего. В этом то и состоит великая и неразрешимая проблема. Здесь черед мужчины. Тут он должен сам догадаться, почему она замолчала. Но когда это случится, нельзя выходить из себя. Это не поможет,

а только разозлит ее. А дальше будет весь привет и танец с саблями в исполнении Хачатуряна. И пусть не введет в заблуждение на первый взгляд невинная внешность женщины. И будет казаться, что уже все позволено, и скоро придет счастье, которое решит все проблемы. Ни чего подобного. Если не дай Боже, Великий и Милосердный, всё-таки забыть об этом, на арене не замедлит появиться сила воистину несметная. И имя этой силе теща, но об этом после.

Они прошли мимо розового дома с обшарпанными стенами, изрисованными цветными мелками какими-то мальчишками. Венчала дом серенькая крыша, в которой навеки поселились несметные стаи голубей. Там в углу, на первом этаже светились заветных четыре окна, подернутые незнакомыми шторами и инеем. Отдавая дань моде, окна были наряжены в черного цвета нелепые стальные решетки. За стеклами мелькали незнакомые силуэты, раздавался тихий плач ребенка.

—Тут я жил, вот здесь,— палец Отца ткнул в окна на первом этаже.

—Так здесь здорово, тихо... — Рыжая мечтательно закатила глаза.

Отец вспомнил те незапятнанные мирским по-детски долгие дни. Казалось, здесь кричали сами стены: время, стой, черт тебя дери, стой твою мать. Стой, не смей смеяться над нами... Над ними... Над теми...

Отец помнил, как он мальчишкой устраивал здесь драки с

местной шпаной, как выгуливал свою собачку, в которой роста было на порядок меньше чем визга. Она гавкала, словно ее терзали бесы, чем несказанно смешила мальчишек и вводила в исступление окрестных старух. Помнил, как в кустах палисадника устраивал бои на рогатках...

Ее голос прозвучал как издалека:

–Пошли уже,– Рыжая повела плечом.

–В дом хочешь?– Не понял сначала Отец.

–Да нет, домой.

–Да ты чего? Мы же только пришли. Покажу тебе, где я рос, погуляем еще...

–Чего-то я не в духе.

–Да сейчас я тебе брата своего покажу, с мамой познакомлю. Здорово будет, погоди... – Отец остановился. Рассчитывая на неподдельный живой интерес от Рыжей, он не ожидал увидеть в ее глазах оленью тоску.

–Ну потом, как-нибудь... – Рыжая захлопала глазами.

Как много в этом мире сделано не так только потому, что на все это смотрели огромные непонимающие глаза. Бездонные омуты зрачков смотрели на пылающий Рим, на разоренную Троию, на руины Москвы... В огромных и непонимающих глазах отражались тысячи исковерканных судеб, порушенных городов, еще больше горя и насилия. Огромные и глупые глазища способны нести не только умиротворение и теплоту семейного очага, но и великую разруху, озлобленность и непонимание. Тем хуже для мира, если эти глаза

украшены красным платьем. Понимание и созерцание мира сводится к красному платью и бездне черных зрачков. Несколько мгновений в обществе с огромными глазами могут в корне разрушить устоявшиеся принципы и традиции, не говоря уже о судьбе, карьере и будущем. Почти всегда самые великие дерзости совершаются ради этих красивых глаз, дабы на себе ощутить их прикосновение, пусть не всегда понимающее или одобряющее, но лишь бы ощутить. Осознать, что тебя увидели те же самые глаза, которые видели великие подъемы и великие падения, смерть, разруху, боль и горе. Пусть эти глазаищи тебя не поймут, пусть, даже, осудят, однако понимание того, что они остановят на тебе свой взор, подвигает каждого делать все большее: спалить Рим, подтолкнуть и без того шаткий мир к пропасти небытия, заставить вертеться Землю в обратную сторону, истребить всех гадов земных, потушить солнце, разворотить вселенную, но только чтобы тебя заметили эти непонимающие, бестолковые огромные глазаищи. И хочется еще большего. Больше разрухи, больше горя, больше непонимания, если тебя они не видят. Взгляните, огромные глазаищи: в вашей ли воле остановить всю несправедливость, ведь вы прекрасны, хоть глупы порой, но все же прекрасны? Неужели красота не спасет мир?

— Подожди, ты чего уперлась-то, как реслер,— Отец несколько замедлил шаг, однако продолжал держать ее за руку.

–Ну не хочется мне тут... тихо, только скучно.

–Ничего себе, скучно ей! Это же я! Это то, из чего я состою, чего не понять?

–Ну Сашка, ну давай потом как-нибудь... – Рыжая отошла на расстояние вытянутой руки, немного нагнулась и сощурилась, словно лисица.

Отец растаял. Эти прекрасные непонимающие глазищи...

–Ну иди, я еще поброжу здесь, что-то меня на сантименты разбило не по-детски. – Разозлился Отец.

–Компьютер, выход. – Пискнула Рыжая.

В стене появился черный выход. Рыжая помахала рукой:

–Ладно, как освободишься, позвони...

Отец отмахнулся, мол, уходи быстрее, и побрел дальше двориком. Рыжая растворилась в непроглядной черноте выхода.

Ах ты ж, я твою маму откуда-то знаю, вот гюрза, думал Отец, это надо такой бесчувственной жабой быть. Ты подумай, ... давай не будем ссориться, давай с тобой вечно любить друг друга. Какого мяса я на нее запал, такую девчонку в небытие отправил. Нюра была хоть и глупой, зато мозги не крутила.

Отец прошел дворик, в котором с друзьями рыл клады, зарывал свои богатства, где провел свое счастливое детство. Двор смотрел на Отца косо. Казалось, он хотел спросить его, как он живет – может, чем дышит и о чем думает.

По отечески вздыхали серенькие тропки, уходящие

вглубь двора, тоскливо склонились клены, путая Отца и снег своими лапами. Облезлые заборчики трогали душу, царапали ее своими острыми проржавелыми углами. Продавленные бордюры снизу посматривали уныло на Отца, будто говоря, посмотри родной: без тебя нам совсем жизни нет, втоптали нас в грязь серые шины автомобилей, без защиты твоей грызут нас ветра и дожди. Старые двери подъездов стонали, соznаваясь в своей старости, петли скрипели старушечьими голосами, жалуясь на ревматизм и ржавчину.

Вдруг, из подъезда выскочил маленький пацаненок с санками, одетый довольно скромно, но тепло, и с гиканьем кинулся вглубь старого двора, к горке, которая венчала детскую площадку вдаль. Отец чуть не подпрыгнул, узнав себя самого. Мальчишка... как ему сейчас хорошо. Единственное, что заботило его тогда— чтобы мама всегда ждала его дома, любила его и никогда не кручинилась. Паренек с во-ем залетел на горку, разбросав маленьких своих друзей, и не останавливаясь, кинулся с разбегу на санках вниз. Ну удружил Басмач, подумал Отец. Не каждый раз удастся на себя взглянуть со стороны.

Паренек, скатившись с горки, побежал куда-то вдаль и скрылся из вида. Отец угрюмо продолжал идти мимо своего дома, пересек трамвайные пути. Дальше путь его пролегал через холм, где среди таких— же стареньких хрущевок стояла его школа. Туда он бегал мальцом с Дэном... Вот ведь, подумал Отец, Дэн куда-то пропал, а я здесь нюни распускаю.

Настроение изрядно испортилось. Рыжая, змея ядовитая, ну насолила, зараза эдакая.

–Басмач, выход.– Отец нырнул в проем черной пелены. В носу засвербело йодом.

Оказавшись на берегу тихой заводи, Отец с размаху плюхнулся в гамак.

–Басмач, где Рыжая?

–А пес ее знает, может на Луне, а может и с любовником кувыркается...– Басмач вышел из тени разлапистого каштана, на руках его мирно посапывал ленивый Пиначет.

–Да пошел ты. Настроения и так никакого, по добру скажи, где она.– Отец сверкнул злостью на своего виртуального компаньона, всем видом давая понять, что шутить не настроен.

–Дома, где ж еще быть-то ей. С маман своей козни строят. Да плюнь ты на нее...

–Инвизы эти молчат?– Спросил Отец, кивнув в сторону млечного пути. Басмач пожал плечами.

–Слушай, какого рожна вы меня тогда здесь держите? Отправьте меня с Богом домой, а понадобится я вам, так меня назад позовете, а?

–Отец, чего ты злой как менингококк? Сиди себе, пивко потягивай, чего тебе здесь не сидится? Вон бабу себе нашел, чего тебе еще надо, хороняка? – Басмач откинулся на спинку стула, коала спал.

–Устал я тут. Рыжая всю кровь уже выпила, сижу взапер-

ти, не могу я так.— Отец закурил.

—Дело то не в том устал ты, или мы устали от тебя. Тебя вернуть домой, это целую экспедицию собирать, туда да назад, а может и еще несколько кругов. Ты уж потерпи, дорогой, тут.

—Кто такие Цватпахи?— Вспомнил Отец давний разговор.

—Так, нечего говорить даже...— Басмач махнул рукой не оборачиваясь.

—Конкретнее? Поподробнее расскажи.

—Недавно ее нашли, эту расу. Еще толком ближайший космос не освоили, зато претензии на оригинальность будь здоров, как у тебя.

—Не приставай, сказал же не до шуток. Что за оригинальности они там разводят?— Отец нервно сдувал пепел с сигареты.

—С полями балуются, с какими не положено им еще, со сверхскоростями, да разное. Слушай, а чего ты так надулся, как Ленин на буржуазию? Тебя Рыжая что ли довела так? Али ее мамочка, бесовская надежда?— Басмач хитро заулыбался.

—Да уж и мамочка ее, амазонка несчастная. От своего мужика убежала в свое время, чтоб Рыжую в лучших традициях воспитать. Так две змеи живут, одна другой краше. Ее смерть в туалет отпустила, а она, немощь такая, еще и мне успевает жизнь испортить.— Отец негромко выругался и сплюнул.— Представь, она как меня увидела, сразу лютой

ненавистью меня возненавидела. Рыжей говорит, мол: этот (а сама в меня пальцем тычет), пить будет, от тебя налево бегать, ты с ним намаешься, расстанься с ним пока не поздно. Представляешь, при мне такое говорит. Ненавижу.

—Одно я только не понял, где она неправа была?— Басмач изобразил недоумение на лице.

—Басмач, не зли меня, гнида, терпеть ненавижу, когда мне под шкуру лезешь, и так у меня настроения нет.— Отец отвернулся от Басмача.— Слушай, сдастся, вы меня отсюда никогда не отпустите.— Отец резко развернулся к Басмачу. Тень смутной догадки обожгла Отца.

—Ты слишком много о себе думаешь. На кой пес нам нужен питекантроп.— Басмач на всякий случай отложил коалу рядом на траву, чтобы быть готовым к любому выпадку Отца. Однако узник тихой заводи ограничился гримасой.

—Слушай, ты чего меня от темы увел. Цватпахи твои, чего они вам так насолили, что вы их все терпеть не можете?— Отец резко развернулся к Басмачу.

—Сказано, что не теми игрушками балуются, не по возрасту.— Басмач разозлился или сделал вид, что разозлился.

—А чего вам эти поля мешают жить спокойно?

—Чего доброго натворят дел в галактике, вовек не разгребешь.

—Каких?— Спросил отец.

—Разных, ты чего пристал ко мне как кот к кукле. Отвали. Иди, вон, с Пиначетом развлекайся.— Рыкнул Басмач.

–Так он уже не соображает. Чего с ним веселого?– Огрызнулся Отец.

–Так я его живо...– Басмач даже соскочил со стула.

–Пусть его. Выспится, глядишь– на человека станет похож. Видишь, ему лучше всех сейчас.

Коала словно услышал, что речь о нем и лениво повернулся на бок, подставив его солнышку.

–Басмач, дай-ка мне выход.– Отец медленно, нехотя, встал с гамака. И, медленно покачиваясь, смотрел, как появляется черная пасть выхода.

–Куда собрался?– Спросил Басмач.

–Не твое дело.– Рывкнул Отец. А, затем, чуть помолчав, добавил.– К Мормону.

–Так ты ему позвони для начала, может его дома нет, может ушел куда, тот ведь еще бабник.

–Точно. Давай его.– Кивнул Отец. Только выход оставь. У меня что-то клаустрофобия разыгралась.

Меж деревьев развернулся огромный трехмерный экран, и засветилась огромная довольная физиономия Мормона.

–О-о-о, здоровэнки булы, Батюшка, нехай живе Степан Бандера и жена его Параська. Каким ветром тебя?– Обрадовался Мормон.

–Семь футов под килем и тебе, Мормон. Как поживаешь?– Отец махнул экрану рукой.

–Твоими молитвами, жив, здоров потихонечку. Так... валяюсь, кино смотрю, делать нечего.

–Мормон, слушай, разговор есть. Ты, я вижу, не дома.–
Сзади Мормона видны были казенные стены, окрашенные
белым.

–На Луне. В Море Ясности, пойдём ко мне поговорим.
Выпьем, может чего. А, здорово, Басмач,– махнул Мормон
появившемуся Басмачу.

–Ні!– Кивнул в ответ тот.– Он же весь купол разрушит, не
зови его. Будь осторожнее в выборе компаньонов.

–Басмач, я тебя ненавижу. Не приставай ко мне, не то хво-
ростиной так перехвачу.– Отец показал кулак.

–Ну, что, придешь, нет?– Кивнул Мормон.

–Да ты в своем ли уме?– Пожал плечами Отец.– Триста
тысяч верст до тебя, как я к тебе попаду?

–Ну мы же платим транспортные налоги, ты нуль-транс-
портировкой нульни, да и дело с концом.

–Это еще как?– Удивился Отец.

–Ох, Мормон, смотри, устроит он там у тебя катаклизм.–
Проворчал Басмач.

–Как, как? Вон выход, я погляжу, у тебя развернут, ну и
нульни ко мне. Координаты компьютер даст.

–Понял. Басмач к Мормону меня.– Кивнул Отец и рас-
творился в выходе.

Басмач пожал плечами: Бог с тобой, все равно уйдешь.
Свернул выход, закрыл экран, улегся в гамак, в котором
недавно почивал Отец и слегка дунул суховеем на Пиначета.

Догадка Отца была верна: выход– он же нуль-транспорт-

ный портал. Значит выходом можно попасть хоть куда, где есть единая транспортная сеть выходов. Очутившись в комнате белого цвета рядом с Мормоном, Отец осмотрелся. Помещение по казенному было белым, выложенным белым пружинящим пластиком. К стене была приклеена голорепродукция Мона Лизы, выполненная в интересной цветовой палитре. Свет заполнял комнатку, что казалось, лил отовсюду. Обстановка скупая: шлем для сети небрежно был брошен на такой же углый диванчик, что и в оперативной группе. В углу стоял столик. Для верности Отец слегка подпрыгнул, дабы на себе ощутить низкую гравитацию вечной спутницы. Однако прыжка не получилось. Искусственное тяготение, понял Отец.

–Привет, Отец, рад тебя видеть,– протянул Мормон руку.

–Сам привет.– Отец пожал руку, друзья обнялись.

–Так значит это– Луна? Я думал, что все будет как у американцев, вроде: маленький шаг одного человека,– Отец хлопнул себя ладонью в грудь,– и огромный скачок для всего человечества...

–Луна уже давно обжита. Ты ее и не узнаешь.– Заверил его Мормон.

–Ну, мне будет трудно ее не узнать,– съязвил Отец.– Луна– мать родная, Уран– отец родной.

–Ну, чего там у тебя?– Спросил Мормон.– Что стряслось? Выкладывай.

–Слушай, Мормончик, есть дело. Значит так. Надо бы в

базу залезть, кое-чего про меня узнать. Там планы, насчет меня, и всякое такое. Сможешь?

–У-у-у, ты вона чего удумал.– Потянул Мормон.– Это правительственная инфа...

–Что?– Не понял Отец.

–Информация. Дай-ка подумаю.– Мормон присел на свой диванчик.– Забраться туда то конечно можно. Только нужен нормальный беспарольный портал, или хотя бы коды доступа. У меня есть один человек, хакер знакомый, правда он на Плутоне работает. А что за дело такое?– Мормон ядовито посмотрел на Отца.

–Мне кажется обмануть меня хотят...

–Ну не тебя одного.

–Да мне то от этого не легче. В общем, я тут уже... – Отец попытался вспомнить, сколько он уже здесь.– Да долго уже. А ничего мне не понятно. Держат тут как слона ярмарочного. Надоело.

Отец объяснил свои опасения Мормону.

–Мне кажется, меня уже никогда отсюда не отпустят. У меня там сессия, может, уже началась, мама беспокоится. Эти Инвизы из зазеркалья не кажутся. Чего-то меня терзают смутные сомнения.– Отец присел на диванчик.– Хочу узнать планы насчет меня.

–Понятно...– сказал Мормон,– с Рыжей повздорил?

–Да не то слово. Эта корова... А ну ее,– Отец махнул рукой.– Слушай, Мормон, позови ее сюда. Жить без нее не мо-

гу.

–Полегче, Батюшка, чего совсем расклеился? Погоди, посидим за рюмочкой чая, ты мне все по порядку раскидаешь за жили– были. Потом посидим, подумаем. Сусю звать будем?

–Рыжую хочу. Да ладно, Сусю тоже давай. Декса можно на чашку аланина позвать. Он тоже не прочь выпить.

– Ты с Дексом на короткой ноге, я погляжу, а ведь он с мировым именем ученый. Я его чего-то побаиваюсь. Кто его знает, какие у него связи, может порчу на нас напустить.

–Я ему напушу, таких чертей ему напушу. Пусть попробует, я ему кислород весь перекрою, нужда будет... А так он неплохой. Да и ко мне он неплохо относится.– Отец ухмыльнулся.

–Договорились.– Ответил Мормон, и друзья хлопнули по рукам.

–Погоди, как на счет того хакера с Плутона?

–Сейчас узнаю где он.– Сказал Мормон. Улегся на диванчик, надел на голову шлем и откинулся, чуть прикрыв глаза.

–Привет Кришне.– Сказал Отец, но Мормон его уже не слышал.

Отец оглянулся по сторонам. Больно скучно выглядела казенная обстановка. Белые стены, Мона Лиза. Слишком бесцветно.

–Компьютер, накрой-ка нам достархан.– Сказал Отец.

Обстановка изменилась. Комната на глазах приобрела вид

зала Османской эпохи. Для важности Отец добавил к обстановке несколько мраморных колонн, выполненных лепниной у самого верха. Широкие занавески с ламбрекеном украсили стены без окон, пол покрыли пушистые белые ковры, сплошь заваленные мягкими подушками. Диванчик с Мормоном Отец поместил в центре зала под шикарным балдахинном. Невдалеке поставил полуголых рабов— мавров с опахалами наперевес в широких красных шароварах с золотыми браслетами на голенях. Перед балдахинном Отец установил столик на гнутых ножках, на стол поставил амфоры, наполненные красным вином и шербетом. Заказал вазу с фруктами и восточными сладостями, которые, впрочем, терпеть не мог, потому что по его глубокому убеждению там было мало мяса. Ради шутки велел компьютеру положить несколько авокадо. Вкуса этого экзотического фрукта он не знал, но представил, что сей продукт должен напоминать ананас. По кругу побежали девчонки в легких туниках и воздушных лифах, с тоненькими прозрачными вуалями. Одна из них стала вертеть животом, будто раскручивая невидимый обруч. Так Отец себе представил танец живота. Девчонка только что не подпрыгивала и не приседала вприсядку. Вскоре у нее выступила испарина, и Отец жестом прогнал ее, велел другим носиться по кругу, потешая его. Свою голову Отец украсил огромной розовой чалмой с диадемой. Шлем тоже не избежал метаморфоз. Мормон выглядел комично в чалме, полулежа на диване и в комбинезоне стиля космического мили-

тари. Себя же Отец нарядил шелковыми штанами с лампасами, сверху был накинута парчовый халат, на ноги Отец надел красные туфли с гнутыми носками, пальцы украсил увесистыми золотыми перстнями. И сел на подушку рядом со столиком, взял авокадо и стал дожидаться Мормона, поедая терпкий сочный фрукт.

Мормон открыл глаза.

–Слушай, Мормон, тебя можно ангелов писать.– Ухмыльнулся Отец.

–Ну, ты, даешь... Отец, это же служебная комната. Я же тут так, по долгу службы, временно. Компьютер, эту обстановочку скопируй ко мне в комнату, а здесь верни все как было.– Мормон хмыкнул.

Комната приобрела обычный, скучный казенный вид, какой придумали ее создатели. Ковры и подушки исчезли, и Отец оказался вдруг на полу, поедая свой фрукт, когда подушки отправились в странствие.

–Компьютер, выход. Пошли ко мне, там поговорим.– Сказал Мормон и скользнул в черную пасть выхода.

–Пошли.– Пожал плечами Отец.

Выйдя в Османский зал, Отец узнал своих мавров, которые бросились махать огромными опахалами на друзей.

–Ну, что хакер твой? Здоров ли?– Спросил Отец, ложась на подушки.

–Нет его на месте. Говорят он на Харон отправился. Работа какая-то у него там. Что там, на Хароне, делать? Почти

в невесомости болтаться.

–А это еще где?– Спросил Отец.

–Спутник Плутона. Так, кусок камня. Висит над планетой, ничего интересного.

–А почему ему на Плутоне не сидится?

–Да бурильную станцию там ставят. Железо добывать. На Земле-то нельзя. Он у них на технических позициях работает.

–А нам на Плутон никак не пробраться?– Спросил Отец.

–Ну чего ж не пробраться, у нас свободная федерация.

– Компьютер, дай мне Рыжую,– сказал Отец.

В центре зала развернулся огромный экран. Появилась она. Чуть запахнутый халат нисколько не умалял прелести ее чудесного тела. Каштановый локон так же, как и утром, лениво спадал на лицо. Глазищи... Она посмотрела на Мормона и потуже закуталась в халат, при этом ее изящная талия еще более стала видна. Рыжая похлопала глазами.

–Привет, милый, ты я погляжу на Луне?– Спросила она. На заднем плане суетилась ее постылая маман возле органического синтезатора.

–Салют, родная, я уже по тебе соскучился. Я тебя люблю...– сказал Отец.

–Я тоже.– Рыжая застыла.

–Пойдем ко мне, сюда, я без тебя не могу, плохо мне. Воздуха не хватает.– Вздохнул Отец.

–Мне тоже.– Вздохнула и Рыжая, настал ее черед.

–Придешь?– Спросил Отец.

–Зайди за мной, а то мама... Ну, ты знаешь, она меня одну не любит отпускать.

–Мама у тебя замечательная.– Сказал Отец. Мормон, отойдя в сторонку, прыснул в кулак настолько тихо, насколько ему позволяли голосовые связки. Рыжая скосила глаза в угол экрана, где по ее предположению должен находиться друг Отца.– Она все поймет.

–Ну, давай, тогда, заходи. Я дома, пока переоденусь.

Экран свернулся. Мормон засмеялся так, что девчонки перестали танцевать, раскрыв рты, а негры с метлами остановились.

–Мама у тебя чудесная!!! Отец, ты сказочник.– Мормон вернулся к столику.– Ганс Христиан Андерсен. Как бы ты с ней справился?

–Горячую кочергу бы в рот засунул,– улыбнулся Отец,– И провернул бы еще.

–Это другое дело... мама чудесная. Чудесный Басмач, чудесный день...– Продолжал склонять Отца на все лады Мормон.

–Андрюха, давай, подожди чуть-чуть, я за ней слетаю. Одну минуточку! Сейчас вернусь, О`к?– Соскочил Отец с подушек.

–Валяй, только давай не долго. Сделай одолжение.

Черный выход молчаливо проглотил Отца. Мормон, полулежа на подушках, налил в бокал вина, откинулся на спин-

ку, расставив ноги в разные стороны.

–Компьютер, новости.

Отец вышел в небольшую комнатку псевдореального пространства, уставленную по-женски просто. Недорогие старые книжные шкафы, уставленные печатными книгами впере-мешку с хрустальными бокалами и фарфоровыми завароч-ными чайниками, старыми иконами ютились вдоль стен. На стенах висело несколько фотографий в простеньких дере-вянных рамочках. Рядом темнел черный квадрат объемно-го телевизора. Вдоль другой стены располагался мягкий ди-ван из какой-то синтетики, напольный торшер, возле которо-го томился маленький журнальный столик из прессованно-го дерева. На полу лежал ковер, казалось времен Наполеона, усыпанный шерстью рыжего, как и его хозяйка, английского спаниеля. В кухонном боксе звучал голос Рыжей и скверный скрипучий визг ее пожилой маман.

Отец направился к женщинам.

–Здравствуйте,– поздоровался Отец, чуть склонив голову в поклоне.

Маман Рыжей кивком ответила Отцу и повернулась к нему точкой, довольно значительной в ее жизни и важной в отношении разьяснения ее к Отцу отношений.

–Привет, милый,– сказала Рыжая, подходя к нему. Ее горячее дыхание буквально обожгло все естество Отца. Желе-зы внутренней секреции отреагировали на ее встречу выбро-сом тестостерона в кровь.– Попробуй. Мы тут с синтезато-

ром колдуем, так вкусно. Я в сети рецепт прочитала, потрясающе.

Рыжая протянула Отцу миску с каким-то салатом.

–Я сыт, Киса. Пошли, там, на Луне, если что, поедим, там здорово, ты была там?

Рыжая кивнула.

Она была все в том же халате, в котором появилась на экране в Османском зале, только теперь он не был достаточно затянут. Хороша, подумал Отец, черт побери, я ее хочу больше жизни.

К Отцу подбежал рыжий спаниель по кличке Роня, и стал его обнюхивать. По настоящему звали его Рональдо или Рональдино, в зависимости от настроения и от количества шалостей, которые тот уже успел совершить на данный момент времени. Обычно, когда пса звали Рональдо, кобель, в итоге, получал тряпкой под хвост. Когда же звучало Рональдино, псу предстояла трепка или купание. Отец слегка лягнул по носу любопытное животное и тот невесело завилял хвостом, делая вид, что гость с ним просто неловко пошутил. Он отошел в сторону к белой кошке, которая лежала на полу под окном, возле органического синтезатора.

Отец присел на табурет возле кухонного стола и кивнул Рыжей в направлении ее будуара, мол, пора отчаливать.

–Сейчас, я пойду, переоденусь, только ты попробуй, салат называется

Отец, так и не поняв, как называется салат, только хватил

его ложкой, чтобы пресечь пристальное внимание к нему и к этому несносному салату, который мог стать ему в горле рядом с маман Рыжей. Милая убежала в свою спальню, в которой находился ее гардероб. Отец, делая попытки остаться незамеченным, боком направился другую комнату с книжными шкафами. За ним последовала белая кошка Лиса и Роня. Изначально кошка была Алисой, но в целях экономии времени на произнесение длинного имени кошки, кличка претерпела значимую метаморфозу до Лисы. Кошке было все равно, зато краткое имя больше устраивало Рыжую и ее маман, тем более что теперь и сама белая кошка не выглядела так претенциозно, как Алиса.

Зная привычку Рыжей переодеваться так, как будто она хочет произвести эффект на Самого Господа Бога, по часу, Отец развалился в кресле, взял какую-то книжку, раскрыл ее. Но чтиво не шло. Тогда он, соскочив с кресла, прикрыл за собой дверь в комнату, чтобы ни один шум его не выдал. И погнал за Роней. Пес, уже привычный к подобным погоням, нырнул под диван и оскалился. Этот маневр Отец принял не просто так— он разыгрывал стратегическую комбинацию. Необходимо сначала загнать Роню под диван, тогда кошке не будет места спрятаться. Поскольку именно ей сегодня предстоит пережить серьезный стресс. Отец поднял с пола тапок и швырнул его в кошку. Лиса подпрыгнула на всех четырех лапах, округлила глаза и метнулась к закрытой двери. Отец оскалился так, что, в общем, с кошки

уже стало. Несчастное животное прижало уши, пригнулось к полу, будто собираясь провалиться сквозь него. Отец расставил пальцы шире, и подпрыгнул на месте, симулируя нападения. Кошка рванулась с места, перепрыгивая через диван, влетела на подоконник, свалила вазу с сухими цветами, взлетела по шторам к потолку и, опасливо озираясь, замерла. Отец схватил тапок, как аргумент нецелесообразности висеть на шторах, швырнул в кошку. Лиса побежала по стенам, переворачивая на своем пути мелкие безделушки, стоявшие на шкафах, газеты, книги. Далее единоборство стало терять отчетливость силуэтов. Тапок – кошка бежит. Прыжок Отца – кошка подпрыгивает на четырех лапах и бежит по стенам. Тапок – кошка побежала по потолку, свалилась, попыталась забиться под диван, где уже Роня занял оборонительную позицию. Пес гортанно зарычал, и для пущей важности оскалил зубы. Кошка выгнула спину и кинулась на окно, где ударилась о стекло и с еще большего перепуга сиганула на шкаф, где уместилась на маленьком цветочном горшке с фиалками. В коридоре послышались шаги маман. Видимо все-таки он шумел больше, чем предполагал. Маман приоткрыла дверь, окинула неприязненным взглядом Отца, уже сидевшего в кресле с раскрытой газетой. Отец натянуто улыбнулся: змея, гадина ползучая. В дверях показалась Рыжая.

–Мам, пусти-ка.– И скользнула в комнату.

На ней был все тот же халат. Она, можно сделать такой вывод, и не думала переодеваться, просто пилила свои ногти...

Принимая в расчет раскрытую дверь, Лиса и Роня в мгновение ока покинули спортзал. Кошка на прощание оглянулась, смерив презрительно Отца взглядом, и удалилась прочь.

—Киса, пошли уже, ты же полчаса переодеваешься, а все еще в халате.— Сквасился Отец.

—Ну подожди немного, я сейчас накрашусь...— Отец вплотную подошел к ней и поцеловал. Голова помутилась. Ее немного солоноватый вкус губ, ее запах нещадно сводили с ума. Нежное касание ее язычка— Бог мой. Он уже ей простил и Рим и Трою и Великую депрессию.

—Я люблю тебя,— сказала Рыжая.— Я всегда буду тебя любить. Только дай я накрашусь.

Отец плюхнулся назад в кресло, будто сраженный ядом кураре. Конечно он подождет, конечно он ее любит, пусть она и копуша порядочная, но он ее подождет. Рыжая скрылась.

Жалко, что кошка убежала. Роня— пусть, но вот с Лисой мы не договорили. У Рыжей кроме обозначенных Рони и Лисы была еще одна кошка, Люська. Вот к ней-то Отец очень неровно дышал. Это была очень скверного характера полосатая бестия. Тощая, будто ее переехал каток, серая с полосками, как у гротескного кота, длинный тонкий хвост завершал жалкую картину тщедушного тела. Кошка была очень своевольная. Взять ее на руки можно было только тогда, когда это животное само пожелает. Процедура была следующая: скотина должна сама забраться на колени и улечься, после

этого можно аккуратно поглаживать ее по спине. Если рука окажется в недозволенных, по мнению кошки, анатомических областях, таких как хвост или живот, кошка имела право укусить или оцарапать руку. Гладить ее было необходимо все время, пока она лежит на коленях, в противном случае, она имеет право укусить или оцарапать. Однажды Отец, не зная правил, схватил кошку, пытаясь через поглаживания, установить с ней дружеские отношения, однако Люська, по твердому убеждению Отца, повела себя очень некорректно. Когда Отец, наконец, выпустил ослабевшее животное, у него на руке остались следы Люськиных когтей и зубов, а у кошки тяжелая душевная травма и помятые бока. С тех самых пор Люська избегала общества Отца, однако, последний делал попытки с ней уединиться, дабы утвердить ее во мнении, что он – царь зверей.

Отец прикрыл глаза, отложив в сторону газету. Уже начал грезиться какой-то сон. Но шорох в коридоре его разбудил. Потирая глаза, Отец молвил:

–Компьютер, дай Мормона.

На настенном экране появился Мормон в своей чалме с кружкой вина. Возле него примостилась виртуальная девчонка в пеньюаре, облизывая губы.

–Отец родной, ты там навеки, или еще осчастливишь нас своим появлением? Мы тут уже с Лейлой тебя жаждались.– Мормон кивнул на девчонку.

–Мормончик, ей-богу, минуту, не от меня эта канитель

зависит. Сам знаешь, женщины...— Отец скорчил физиономию.

—Боевая раскраска?— Кивнул понимающе он.

—Точно.— Согласился Отец.

—Как она?

—Рыжая-то? Нормально, помирились. Полчаса уже возит-ся, только когти свои подпилила, если еще пойдет бивни скоблить, я пойду на татар войной.

—Ладно, я тут Сусе позвонил, она занята, не сможет прийти. Да и шут с ней. Кстати, я хакеру своему сообщение оставил, когда он на Плуто вернется, чтобы мне отзвонился. Ну все, пока, давай только быстрее.

Экран погас. Минуты тянулись долго, как кишечная слизь. Наконец ожидания Отца были вознаграждены появлением Рыжей. Она была ослепительна, пусть никто и не ослеп. На ней был надет строгий серый костюм, шею прикрывал белый шелковый шарф, каштановый локон упрямо падал ей на щеку. Отец выпрыгнул из кресла. Руки сами тянулись к ее талии. Снова жаркое дыхание, поцелуи, запах. Пахла Рыжая особенно. Она пользовалась духами, но пахла не ими. Она пахла всепоглощающей страстью, томными ночами и глубокими стонами. Она пахла яростным безумством, нежными объятиями и поцелуями. Она была любима, и от того пахла нежностью и уважением, немым томлением и... и этим чертовым салатом, который она приготовила в синтезаторе с ее черствой маман.

–Кис, ты чего так долго одеваешься? Я чуть не заснул.–
Прошептал Отец Рыжей на ухо.

–Этот вопрос риторический, милый.– Рыжая взяла Отца под руку и прижалась к нему всем телом.

–Нужно-то всего-навсего настроить выход на гардероб и пройти через него, и все, дело не хитрое.– Отец провел Рыжей по волосам.

–Ну что ты понимаешь! Это же волнующая процедура. Очень важная. Для настроения. Это тебе только бы майки с трениками носить. Пошли уже.

Выход пропустил влюбленных через себя. Выход из реального пространства много неприятнее чем из конверта. В носу несносно несло йодом.

Войдя в Османский зал, Отец, держа Рыжую под руку, помахал Мормону.

–Вот и мы.– Рыжая кивнула Мормону. Мормон шлепнул по ягодице Лейлу, девчонка пискнула и отскочила к своим товаркам.

–Звездолет летел, а шасси стёрлись...– Запел уже захмелевший Мормон.– Я тут к себе пригласил твоего медведя.– Мормон кивнул на подушки возле столика.– Ты не против?

В подушках можно было разглядеть задние лапы коалы. Пиначет спал, и спал он не оттого, что сильно устал, отнюдь.

–Мормон, так он же виртуальный?– Удивился Отец.

–Так и мы не в реале, поди. Я его к себе на время скачал, Басмачу сказал, что с тобой договорился.

–Да ради Бога, все равно он у меня спал, пока я милую ожидал.– Махнул рукой Отец.

–Ну, я же не долго, чего ты меня совсем копушей то... – Рыжая потрясла Отца за руку.

–Да нет, конечно. Все пучком, родная, все пучком.

–Сашка, ты что, пить сегодня собрался? Я тогда домой отправлюсь.

–Кис, не пить, так, для свежести на грудь примем чуть-чуть. Садись.

–Слушай, Ксюха, не бухти, а то никогда замуж не выйдешь. Мы по семь капель под язык и все.– Мормон развел руками для убедительности, но, чувствуя нутром, что даже такой убедительный аргумент, как расставленные руки, не подействует, подвинул к Рыжей стакан с вином.

–Компьютер, выход.– Зашипела Рыжая.

–Ну, по пятьдесят грамм. Ксюш.– Мормон двумя руками показал, сколько это в его понимании.

–Все, все, не будем больше. Пошли по Луне погуляем. Покажешь чего-нибудь.– Засуетился Отец. У Рыжей уже губы стали похожи на резиновые сапоги. Нехороший прогностический признак.

Отец незаметно от Рыжей пожал плечами в сторону Мормона. Мол, что я могу с этой курицей поделать.

–Сашка, ты же знаешь, я не люблю пьяных. – Рыжая снова схватила Отца за руку. Видя, что из этого короткого поединка она вышла бесспорной победительницей, подруга Отца

немного расслабилась.

—Так я ведь тоже.— Ухмыльнулся Отец.

—Ага, самому смешно, Андрюха, с нами пойдешь? Погуляем.— Рыжая ущипнула Отца за руку.

—Да ну вас к лешему. Сейчас лизаться будете, я что на вас буду смотреть? Идите вы отсюда поживее. Оба. Скучно будет, догоню. Компьютер, немного оживи Пиначета.— Затем Мормон поглядел на влюбленных.— Чего ждете? Марш отсюда.

—Пошли.— Сказали оба в один голос и улыбнулись.

—Площадь Конфедерации.— Сказала Рыжая. И они ушли.

Мормон вытащил из подушек спящего Пиначета, который постепенно приходил в себя. Он погладил против шерсти маленького зверька, и вскоре тот окончательно проснулся. Лейла по знаку вернулась подмышку к Мормону. Праздник продолжался.

Лунный город. Как это удивительно находиться в трехстах тысячах верст от родной планеты, видеть ее со стороны, при этом не испытывать ни каких сложностей. Даже притяжение не выдавало себя. Влюбленные вышли на широкой площади. В центре нее, над живописным фонтаном в виде утомленной Афродиты, выходящей из пены Эгейского моря, украшенным греческими фресками и освещенным с разных сторон разноцветными огнями, в воздухе по кругу плыла голографическая надпись. Очертания букв менялись и плыли. Вспыхивали шрифты, которые нехотя переходили один в

другой. На разных языках было написано «Нил Армстронг». От кириллицы шрифт уходил на латиницу, затем появлялась вязь, вспыхивали иероглифы, иногда появлялись незнакомые символы, напоминающие древнеегипетские письмена и клинопись. Одно было понятно, что здесь очень популярен первый лунопроходец. От площади, согласно гексагональной симметрии, расходились лучами ровные улочки. Невысокие, по современным представлениям, здания не были похожи одно на другое. Тротуары уставлены маленькими гнутыми скамейками. На одинаковом расстоянии были расставлены желтые пластиковые урны, оснащенные аннигиляторами. Но больше всего поражала растительность, которая буквально захватила в плен маленький лунный город. Некоторые дома были полностью скрыты плющом, лишь небольшие изъяны в зеленых стенах были представлены окнами или балкончиками. Вдоль тротуаров росли деревья, изумляющие своими формами и разнообразием. Вокруг росли тяжелые вязы, клены, эвкалипты, растения не похожие ни на одно из ранее видимых. Отцом, коротенькие, длинные, с острой кроной и разлапистые, гнутые, витые, прямые, разные... Маленькие газончики были усажены зеленой травкой, вперемешку с цветами. При первом взгляде на них складывалось впечатление, что сажали цветы пьяные пионеры, но при дальнейшем детальном рассмотрении порядка прослеживалась очень интересная симметрия. Становилось ясно, что сажали их вовсе не пионеры, а если и пионеры, то очень пьяные и очень та-

лантливые. Дорожки были вымощены серым камнем, края которого были ровно подогнаны друг к другу. За фонтаном находилось здание в виде Пантеона с крупными часами под крышей. Лепниной под часами было аккуратно выведено: «Ратуша». На площади перед городской ратушей на высоких флагштоках висели флаги разных стран и, видимо, других планет, а, быть может, и целых звездных систем. Ветра в Лунном городе не было, посему флаги оставались недвижимы. В воздухе, вокруг городской ратуши, кружились маленькие белые кары, которые были гораздо меньше чем на Земле. Отец посмотрел вверх. Небо его несколько смутило. Оно было непроглядным и черным. Лишь белые точки далеких звезд подсказывали, что город находится не под лунной поверхностью. Было видно, что город окружен прозрачным куполом, его полусфера удивляла своими гигантскими масштабами.

Одна из шести улиц, отходящая от площади Конфедерации, была несколько шире других. На указателе было обозначено, что это «проспект Согласия», протянувшийся на два километра, и конец которого обозначил кусок метеорита четыре метра в поперечнике, врытый в землю, вернее в Луну. Рядом с ним лежал гнутый кусок стали, стилизованный под первый спускаемый аппарат и фигура человека, землянина, в громоздком скафандре, который несомненно только мешал при движении, изображая первый его шаг по планете. По преданию именно здесь впервые американский астронавт

Нил Армстронг ступил на поверхность Селены.

–Пошли туда.– Сказала Рыжая, махнув рукой к метеориту.– Горд называется Нил Армстронг.

–Пошли.– Сказал Отец. Очень впечатленный увиденным, он не хотел даже выругаться и тем более язвить.– Очень красиво.

Влюбленные пошли по проспекту Согласия, который не был транспортным. По центру проспекта были выложены клумбочки, усаженные пестрыми цветами, которым было, в общем, наплевать, где расти, на Земле, или на Луне. Проспект был вымощен тем же серым абразивным камнем. Здания, стилизованные под старину, утопали в зелени. По разным сторонам находились театр, магазин вод, гостиница, Лунный банк. Последний было можно узнать и не только по названию, которое висело над входом. Видимо и здесь банкиры не знают предела собственным амбициям. На углу многих зданий были небольшие фонтанчики, капли от которых разлетались достаточно далеко вокруг. Видимо так современные инженеры решили проблему увлажнения воздуха, а может и просто просчитались.

Рыжая обняла Отца за руку буквально всем телом, и вполоборота смотрела на реакцию Отца.

–Смотри-ка, так похоже на Шота Руставели...– Выдохнул Отец. Даже не верится. Вон там, видимо еще и Кура течет. Гор только не хватает, да машин вот здесь, по улице. А так... очень похоже.

По проспекту прогуливались люди, некоторые так же взявшись за руки, как Рыжая с Отцом, некоторые в одиночку. Пробегали так же и твари, от земноводных до неопи- сываемых. Некоторые парили на гравиподушках, другие летели на антигравитационных платформах, другие пролетали своим ходом, на крыльях. Одежды были такие же разные, как и люди, от открытых купальников, до кафтанов и шуб. Встречались строгие костюмы, спортивные футболки, кольчуги и скафандры, мохнатые и блестящие. Некоторые прохожие выгуливали на поводках свою скотину, как то: собак, кошек на шлейках или птиц. Проспект пересекали радиальные улочки, которые также утопали в зелени.

Из толпы прохожих выскочила земноводная тварь с крокодильим хвостом и с зеленой чешуей, отливающей серебром, и кинулась к Отцу.

—Декс, дружище, здорово, какими судьбами?— Отец протянул ящерицу руку.— Уж кого не ожидал, на этой, забытой Богом, планете.

—Здорово,— проскрипел Декс.— А ты-то чего тут делаешь?

Земноводное встало на хвост, как кенгуру, и поклонилось Рыжей. Рыжая кивнула в ответ. Глаза на стебельках уставились на Отца.

—Так, ходим, бродим. Милая моя решила мне Луну показать. Пошли, выпьем чего-нибудь. Тебе Джефа возьмем литр?— Отец покосился на Рыжую.

—Сашка,— Рыжая дернула Отца за рукав.— Ну что за дела?

Я сейчас домой пойду.

–Да ладно, я же шучу. Так, по пиву немного, да и дел нет.– Сказал Отец. Рыжая как ошпаренная отскочила от Отца и направилась вспять на площадь Конфедерации.

–Декс, слушай, потом поговорим, видишь, у нас непримиримая ненависть к алкоголю, пока.– Отец помахал рукой и, понутив голову, затрусил к Рыжей.

Дексаметазон, шевельнул глазами и помахал обеими своими лапами вслед удаляющемуся Отцу.

–Кис, ну ладно, я же пошутил. Хватит дуться. Лопнешь.– Догнав, Отец обнял Рыжую за талию.

–Сашка, я уже устала от твоих шуток, надоело мне. Отстань. Я домой пошла.– Рыжая немного сопротивлялась для формы, хотя могла и дергаться посильней.

–Ну шутка же. Перед Дексом неудобно, пошли дальше. Я ведь впервые здесь, на Луне. Ну пошли.– Отец укусил Рыжую за мочку уха. Рыжая недовольно повела плечом в сторону. Хотя по всему было понятно, что ей особенно и не хочется домой.

Медленно Отец развернул Рыжую назад, в сторону метеорита. Так и продолжая ее вести за талию, будто боясь, что девчонка все-таки сбежит, они пошли дальше по проспекту.

–Интересно, что здесь делал Декс?– Сказал Отец, дабы немного увести в сторону разговор. Рыжая пожала плечами.– Это очень умная лягушка. Прохвост этакий. Дела какие, может? Он сегодня на Земле был, а сейчас здесь встре-

тился. Странно как-то.

– Может конференция, может еще что-нибудь. Какая разница. Может просто, отдохнуть нульнул, мало ли. Хочешь есть?– Спросила Рыжая. И, не дождавшись ответа, потянула Отца в какой-то маленький закуточек, уютившийся между зданий.

Дверь звякнула колокольчиком, прикрепленным сверху. Отец и Рыжая вошли в небольшое кафе. В дальней стене, вместо бара, стояла стойка органического синтезатора, из которого время от времени посетители доставали снедь и напитки. Возле окошек находились полуоткрытые кабинки с уютными столиками, заправленными белоснежными скатертями, и стульями. На каждом столике стояла рамка объемного телевизора, который в случае одиночества мог оказаться и собеседником.

– Да чтобы твою мать...– Выругался Отец.

За столиком возле стойки органического синтезатора сидели Захаров и Ефимов. Ученые, увидев Отца, помахали ему рукой. Рыжая, увидев своих начальников, улыбнулась и поздоровалась одними губами. Отец махнул им в ответ.

– Этим-то что здесь надо? Что они, сговорились все тут. Декс, эти дьяволы, вот еще Басмача живьем увижу, и все, можно умирать. Пошли отсюда, пока они нас за стол к себе не пригласили. – Но, он опоздал.

– Отец, привет, пошли к нам, на чашку водки.– Засмеялся Захаров, видимо, приняв свою шутку за очень остроумную.

—Очень спасибо, но мы торопимся,— огрызнулся Отец. Он отметил, что ученые потягивают через бамбилью из колебасы ароматную матэ.— Слушайте, а что вы кальян с гашишем себе на стол не поставите? Это же лучше. Чего траву как телятам хлебать. Привет,— махнул он еще раз, и, взяв Рыжую в охапку, скрылся прочь.

—Во, нахал,— послышалось вслед.

—Ты смотри, демонстрацию здесь устроили. На Луне один город?— Спросил Отец, выйдя из здания.

—Прям, много. Армстронг— столица Луны. А так городов много.

—Вообще ничего не понимаю.— По закону больших чисел мы вообще не должны встречаться с ними, по крайней мере, лет четыреста. А тут за каких-то пять минут встретить всех твоих начальников. Это уже перебор, я так считаю.

—Пошли на смотровую площадку, там так красиво, весь город видно, и даже соседний Леонов.— Сказала Рыжая.

—Сейчас, еды какой возьму, будь здесь. Две секунды.— Сказал Отец и побежал в кафе на другой стороне улицы. Рыжая осталась снаружи. Через две секунды в дверях показался Отец. Тихо ругаясь в нос, он подбежал к своей подруге:

—Пошли бегом, потом расскажу.— Кинул он на лету, хватая за руку Рыжую.

Влюбленная пара перешла на бег трусцой, быстрее Рыжая скорость развить не могла ввиду своей половой принадлежности и роста. На бегу Отец рассказал, что в другой кафешке

он встретил парня. Как его звать Отец не знает, знает только, что видел этого парня на космическом корабле, когда он подлетал к Земле.

Несколько совпадений. Отец не верил в совпадения. Сначала Декс, затем Захаров и Ефимов, потом парень с корабля. Вывод один: за ним следили. Хотя, казалось, зачем? На Луне, как, впрочем, и на Земле, есть прекрасные и незаметные электронные средства слежения. Что-то не вязалось. Даже предположить, что его хотят схватить, абсурд. Зачем? Отправить на Землю? С какой стати? Плевать, будь что будет.

Подойдя к гостиничному комплексу, двери бесшумно скользнули в стороны и Отец деликатно пропустил свою спутницу внутрь. Пройдя по вестибюлю, украшенному колоннами, выложенными малахитом и яшмой, Отец увидел черную арку выхода. В реальном пространстве выходы почти все стационарные. Взявшись за руки, молодые провалились сквозь черную бездну выхода. Они не заметили, что вслед за ними в вестибюль вполз Декс, он немного покрутил стеблями своих подвижных глаз, остановив свой взор на выходе, щелкнул хвостом и нехотя попятился назад, на тротуар.

Влюбленные оказались на головокружительной высоте под самым куполом Армстронга. Широкий коридор охватывал циркулярно свод купола и крепился непостижимым способом к прозрачной полусфере. Сам коридор был изготовлен из того же материала, что и купол. Отец подошел к стенке искусственного небосвода, перед ним возникла картина, по-

ражающая своей, отличной от Земной, красотой. Насколько хватало глаз— серые холодные лунные пески. По краю горизонта— края кратера, в котором и находился Армстронг. Сам кратер был изрыт меньшими рытвинами кратеров, между которых петляли дороги для транспортеров. Горд был окружен целой сетью дорог и песком. В небе кружили маленькие пассажирские кары, чуть покрупнее— кары службы технического обеспечения и ремонта. Где-то рядом к краю кратера виднелась посадочная и техническая позиции, где садились планетарные катера. На орбите Луны виднелась тонкая полоска орбитальной лунной станции, словно кто-то нечаянно украл у Сатурна одно его кольцо и бросил его здесь.

—А Леонов где?— Спросил Отец.

Рыжая пожала плечами, прижавшись к Отцу.

—Не знаю, просто кто-то говорил, что с площадки можно его увидеть, сама я не разглядывала.

Вид был потрясающий. В небе появилась голубая планета. Такая родная и милая. Отец второй раз смотрел на матушку Землю из космоса, если с известными коррективами Лунный купол можно назвать космосом.

Мама Земля. Тебе больше четырех миллиардов лет, а ты так молодо выглядишь. Будь всегда такой же молодой и теплой, ласкай нас морозными утрами, утешай весенними дождями, балуй нас летней жарой, купай нас в своих синих реках, спасай нас озоном и облаками. Баюкай нас осенним листопадом, целуй нас ветрами, расти детей наших травами,

согрей нас теплом недр твоих, корми нас утренним бризом, успокой нас сырой землей. Мы, сыны твои, стоим и смотрим на тебя, родную. Мы любим тебя, мы отдадим жизнь за тебя, будь всегда с нами. И ты будешь всегда в сердцах наших, даже если придет время разлететься в разные края. Мы— это ты. Мы по всей вселенной разнесем нашу любовь к тебе, мы расскажем далеким звездам, что нет роднее тебя никого. Мы— кровь твоя, мы— плоть твоя. Мы— дыхание твое, мы— горе твое. Нас много, нас будет еще больше, и расти будет наша любовь к тебе. Ты подарила нам вселенную, ты дала нам крылья и воздух, ты научила нас тебя любить, ты отпустила нас. Ты подарила нам свободу, ты обрела свободу в нас, мы дети твои. Мы защитим тебя. Люби нас всегда, и наша любовь не умрет. Живи ты и Бог даст, будем живы и мы.

Отец стоял и смотрел на висевшую в небе родную планету. Рыжая стояла рядом, такая тихая и покорная, что Отец на мгновение поверил, что она такой и будет всегда. Внизу, так далеко от родной планеты, прямо под ногами Отца, кипела жизнь. Там, внизу, под куполом, вопреки космической эволюции, на мертвой и лишенной атмосферы планете, жили люди, радовались, работали, смотрели кино и спектакли, строили себе дома, летали под куполом в маленьких карах. Им было глубоко наплевать, что космический разум распорядился быть Луне мертвым довеском, возмущающим атмосферу и океаны Земли, юродивой падчерицей голубой планеты. Им было наплевать, что Луна, которой тоже более че-

тырех миллиардов лет, всегда была мертвой. Она никогда не знала мук рождения первой жизни, радости ее первых шагов, горечи первых ошибок и разочарований, умиления первыми успехами. Она это не знала, она была мертва. И людям на это было наплевать. И метастазы Земли, укрытые от коварного солнца и космоса, прозрачными прочными куполами, росли и ширились. И им было наплевать, что Луна мертва, и что она никогда не будет плодоносить. Им плевать, что Луна— мертвый выкидыш вселенной, изрытый мириадами метеоритов. И нет и тени угрызения, что мертвое космическое тело продолжают рыть земные отпрыски. Такова воля Всевышнего, таков великий и непостижимый космос, таков закон природы. А внизу, под куполом стоял самый красивый город мертвой планеты. Он благоухал цветами и травами, он зеленел деревьями и плющом с разных далеких и близких планет. Он дышал натурализованным и естественным кислородом, омывался водой, привезенной с далекой Европы. Он освещался иногда солнцем, а порой и искусственным светом, когда солнце на две недели покидала его. И это было здорово.

Глава 10.

Милая, как ты прекрасна, как я мог раньше жить без тебя. Ты самая прекрасная, ты дух нетленный, ты милость Всевышнего. Раньше я был слеп, теперь я все вижу, недавно я

ничего не слышал, сейчас я наслаждаюсь твоей музыкой. Ты бесценное сокровище вселенной, ты услада, ты воздух мой, без которого я не проживу и пяти минут. Теперь мы с тобой одна душа. Мы с тобой всегда будем вот так, как сейчас. Нас не разлучит никто и никогда. Нас любит сама вселенная. Тебя любит сама вселенная, тебя люблю я. Люблю всеми фибрами моей бессмертной души, люблю каждой своей клеточкой и каждой митохондрией. Тебя любит мой эндоплазматический ретикулум вместе со всеми элементами цикла Кребса. Все остеокласты и Т-лимфоциты склоняются перед тобой. Ты и я. Нам никто не нужен. Так?

Долго, очень долго ждала тебя Земля, чтобы ты стала на нее своими босыми ногами. Долго я ждал тебя. Даже когда меня не было, я ждал тебя. Я буду всегда тебя ждать. Ты мое счастье, ты моя боль, ты надежда моя и будущее. Кто кроме тебя может меня воскресить? Ты. Никто кроме тебя. Когда я умру, я буду тебя любить. Ждать и любить. Понимаешь, твоя музыка всегда пребудет со мной в веки веков. Я пронесу через всю жизнь дыхание твое, я буду пылью на твоих ногах, я стану росой, чтобы тебе было чем напиться. Я стану ветром, чтобы обнять тебя всю. Я буду огнем в доме твоём, чтобы тебе было легко. Там где ты, там и родина. Где железо, кровь и ты, там родина. Тебя люблю, ты все что у меня есть, ты— благодать и радость. Небеса без тебя— доска могильная. Солнце без тебя— камень мертвый, вода без тебя не пьянит. Жизнь без тебя— боль нестерпимая. Само солнце любит

тобой, сама Земля плачет от счастья, что есть ты, вода поет песни, только тронь ее. Небеса озаряются пламенем красным, когда есть ты. Милая. Душа моя, боль моя, печаль моя. Мы нашли друг друга. Сердце рвется на части. Когда ты рядом даже время останавливается посмотреть на тебя. Ураганы разбиваются у ног твоих. Смерчи и тайфуны плачут, когда приходит смирение перед тобой. Мы должны быть вместе. Пусть, моя душа, так будет вечно. Мы с тобой рождены быть единой душой. Даже пространство и время нам не помеха. Мы с тобой доживем до Великого Моментa, когда свет и тьма, огонь и холод сойдутся вместе. Мы обязаны быть вдвоем. Только ты и я. Ты само совершенство, венец творения. Я чувствую твое сердце у меня на груди. Я благословляю тот воздух, которым ты дышишь. Я умоляю провидение оставить тебя мне. Навеки. Посмотри, как мы с тобой похожи. Ты и я. Мы с тобой две половинки одного механизма, без которого остынут все звезды. Все законы будут поруганы. Мы с тобой единство, к которому стремился этот мир. Посмотри сама. Я люблю тебя. Хочешь, я замолчу навеки? И будет только созерцание благодати Всевышнего. Попроси, и я перестану дышать, чтобы слышать, как бьется твое сердце. Я назову тебя женой, и тогда смерть не сможет тебя найти. Хочешь, я отдам тебе свое имя? Зачем нам два имени? Я растворюсь в тебе. Я уже растворяюсь в тебе. Я это ты. Ты это моя душа. Чего же более. Тихий стон. Я не могу без тебя. Я не хочу без тебя. Я люблю тебя. Несколько мгновений

вместе, это уже вечность. Мы смотрим на мир одними глазами. Мир нас видит одною душой. Ты дышишь, я дышу. Тебе плохо, я совесть вселенская. Ты спишь, я покой твой. Ты и я, одной жизни мало. Нам нужна вся вечность. Она просит нас об одолжении. Вечность нужна нам.

Когда-нибудь у нас будет малыш, который криком своим возвестит миру радость великую. Мы его подождем. Нас будет трое. Тогда мы будем едины и с нашим малышом. Наша крошка, ты и я. Это будет здорово. Мы построим себе храм на горе великой. Мы покроем ее туманами, чтобы никто не позавидовал нашему счастью. Мы прольем реки, чтобы и другим было весело. Втроем мы разобьем камень на врагов наших. Втроем мы будем всем миром, когда будет малыш, ты и я. Мы с тобой поведем его за руку и подарим ему долины и горы, реки и озера. Мы подарим ему утреннюю прохладу, летний зной, первую траву и падающие листья, чтобы малыш радовался вместе с нами нашему счастью. Он будет такой же как мы, такой как я и такой как ты. Потому что мы с тобой один дух и единый замысел мировой гармонии, потому что ему мы оставим в наследие все. Наш малыш будет самым лучшим, потому что ты будешь его мамой. У него будут твои глаза, потому что они самые прекрасные на свете. Пусть все великолепие мира он увидит твоими прекрасными глазами. И пусть весь мир восхищается его глазами, потому что это твои глаза. И само солнце, и все звезды ослепнут от его глаз, потому что это будет наш малыш, твой и мой. И

пусть так будет всегда.

Еще один жаркий поцелуй, последний в это утро, последние конвульсии тел, содрогнувших планету, последний томный вздох в унисон. И снова, как и прежде из одного тела получилось два. Они лежали рядом и дышали уже каждый своим воздухом. Иллюзии еще на некоторое время остались. Что думала Рыжая, осталось навеки покрыто мраком. В ушах лишь слышался шепот, когда они давали обещания друг другу. Не впервые, но и не так страстно. Осталось небольшое разочарование, немного грусти, что все заканчивается, хоть заобещайся. Запах ее ферромонов на пальцах и немного боли.

—Я тебя люблю,— выдохнул Отец.

—И я тебя люблю.— Прошептала в потолок мечтательно Рыжая.

—Я первый сказал.— На выдохе добавил Отец.

—Я первая подумала.— Так же мечтательно отметила Рыжая.

Влюбленные лежали на узенькой кровати, которую могли себе позволить на свои кредиты в реальном пространстве на Луне, в маленькой гостинице для влюбленных. Можно было сэкономить в деньгах, переместившись на Землю, но в этом случае молодые заметно потеряли бы в романтике. Немного отдышавшись, Отец поцеловал свою рыжую спутницу, которая в эту минуту не могла похвастаться никакой прической. Упрямый локон, который так неумоимо раскачивал нервы

Отцу, покоился сейчас у нее на затылке, вместе с такими же кудрями, слипшимися от страсти и пота. Испарина на их лицах заставила влюбленных принять цвет мороженых пальцев. Но все равно это было здорово. Они лежали вдвоем, на этой бесстыжей Луне, Бог знает в скольких километрах от родины, обнаженные и довольные собой. Где-то невдалеке, на поверхности, суетился Декс, чтобы разыскать Отца. В эту минуту в маленькой кафешке, может, до сих пор сидели Захаров и Ефимов и пили ароматную матэ, мальчишка с космического корабля наблюдал за прохожими, прочая челядь стаптывала сапоги в поисках Отца. На них Отцу и Рыжей было наплевать. Они наслаждались друг другом.

–Пошли к Мормону, киса?– Спросил Отец, немного отдышавшись.

–Повеселился и хватит, типа,– сказала Рыжая, поворачиваясь к Отцу на локоть.

–Кис, я же люблю тебя.

–Сашка, тебе что, только вот это вот только и надо?– Рыжая хлопнула себя внизу живота.– Я так и знала. Все вы мужики...– она снова перевернулась на спину, злыми глазами рассматривая потолок.

Отец подполз к ней по скрипучей кровати, обнял ее за белую шелковую талию. У нее в глазах были слезы. И это были не просто слезы, а СЛЕЗЫ величиной с гору. Он готов продать себя на опыты после смерти, он готов привить себе геморрагическую лихорадку с почечным синдромом, отрас-

тить волосы в носу до метра, чтобы люди узнавали его по кучерявым локонам, лишь бы не видеть никогда этих слез. Когда милая плачет, пусть все идет к чертовой матери, кажется, что жизнь не удалась.

—Кис, ну чего ты? Я просто же спросил, нет, так нет, я же спросил только. Чего ты хнычешь, я же никого в рабство не продал. Я даже в Кампучии революцию не устраивал. Не реви.

Она ревела. Отец был в состоянии кого-нибудь убить. Женские слезы, словно река, которая смогла вычистить авгиевы конюшни, способны вычистить равно как кошелек, так и душу. Рыжая ревела. Не в голос, а так тихо, чтобы ее мог видеть и слышать только Отец. Маневр старый как мир, и такой же эффективный. Отец раскис, как сахар в дождь.

Буквально вчера все было здорово. После непродолжительной прогулки по Армстронгу, молодые забежали в маленький отель с каким-то смешным чирикающим названием, сняли маленькую комнатку с маленькой кроваткой, с маленькой консолью компьютера и органического синтезатора. Влюбленные решили устроить маленький Валентинов день в маленьком отеле в маленькой комнатке. В центре стоял маленький столик, на который Рыжая поставила две свечи в маленьких подсвечниках по бокам. Рядом стояли два маленьких стульчика, старой работы, в которых поместились охваченные страстью тела. На стол Рыжая постаралась поставить какие-то салаттики и жуткую съестную жижу из стандартных

программ органического синтезатора. Так вот они и сидели, смотрели друг на друга. И им было плевать на все. Они были поглощены сами собой. И даже разговор особенно не клеился. Слышалось:

–Слушай, милая, я тебя люблю.

Или:

–Как вкусно ты пахнешь. Какие у тебя красивые глаза, я тебя сейчас расцелую.

Рыжая пожимает плечами, делая вид, что она и не против.

–Сколько тебе было лет, когда вы с мамой переехали? Почему кошек называли Лиса и Люся? Я тебя люблю!

Ответ, в общем, и не требовалось. Очень удачно человечество придумало риторические вопросы, не требующие ни подтверждения, ни опровержения. Всего лишь нужно что-то говорить, выдавливая из себя вопросительную интонацию, и вроде уже получается видимость диалога.

Для счастья немного надо. Если на тебя никто не ворчит, никто не пытается засунуть тебе пачку карандашей в каждый глаз, тогда достаточно лишь одного вида твоей половины, ее голоса, пусть даже, несущего чушь.

– Компьютер, дай мне музыку.– Сказал Отец. И в комнате полился бравурный марш Игги Поп «Death Car».

Отец отодвинул от себя тарелку с салатом, к которому еле притронулся, обошел вокруг стола, взял Рыжую за руки, и вывел в центр крошечной комнаты, где кроме обозначенных предметов, пары влюбленных и трех молекул кислорода не

было ровным счетом ничего. Обхватив свою милую за талию, Отец достал из кармана запасенную заранее коробочку красного бархата, в которой покоилось его заветное. В медленном танце, похожем на шаркающее раскачивание в стороны под строгий марш машины смерти, Отец нежно стиснул до боли в горле свою суженую и надрывно прошептал:

—Мила, я тебя люблю. Я очень тебя люблю.— Рыжая стала ластиться. Она своим женским восьмым чувством понимала, что сейчас произойдет то, чего, в общем, все женщины рано или поздно начинают ждать. А именно— изъяснения в любви. Но коль скоро о своих чувствах они оба уже давно поведали, что-то должно произойти по настоящему интересное. Отец продолжал.— И в знак своей бесконечной любви, верности и преданности, я хочу тебе подарить скромный подарок. Вот он.

Отец остановился, Рыжая за ним. Казалось, что даже Игги Поп стал медленно пережевывать свою «машину смерти» от любопытства. Отец открыл коробочку красного бархата, там, в центре, едва заметное маленькое золотое колечко покоилось в подарочной щели. Незамысловатый рисунок говорил не о безвкусице, но о желании сделать приятное своей любимой. Она это оценила. Слезы (маленькие-маленькие, как и сама комнатка) скатились из ее глаз, она взяла коробочку вместе с руками Отца, поднесла ко рту и поцеловала. Отец был сентиментален, но он даже не ожидал такого поцелуя от Рыжей. В носу зашевелился золотистый стафилококк, в гла-

зах защицало. Отец провалился куда-то, голос Рыжей слышался издалека. Она что-то шептала ему о вечной любви, что, наконец, наступило счастье, прочую чушь. Затем она, в свою очередь, подарила Отцу черную, шитую украинским стилем, шелковую рубашку. На кой черт Отцу была эта рубашка? Хотя от милой известь— творог, и крахмал— сахар. Рубашка была хороша, правда в ней было два недостатка. Первый— она была коротка. И не просто коротка, она была коротка в рукавах, по длине, в вороте, она была **ОЧЕНЬ** коротка. Второй недостаток— она была узкая. Узкая она была не только в вороте, но и в плечах и в пояснице. А так... нормальная рубашка. Очень даже красивая, черная, шелковая. Но Отец виду не подал. Он любил не рубашку. Может, и Рыжая нашла несколько недостатков в маленьком колечке. И, скорее всего она это сделала, потому что позже она сказала, что ее бывший перед расставанием тоже ей подарил золотое колечко.

Они слились в жарком поцелуе, чувствуя, как их биологические жидкости смешиваются. Нельзя сказать, что это обстоятельство их шокировало или отпугнуло. Напротив, они с жарким воодушевлением продолжали растворяться друг в друге, пока не стало совсем жарко. При свете ночных лампочек видны были лишь силуэты разгоряченных тел, но и этого им было достаточно. Только осязание. Запах и кончики пальцев, пальцы и язычки. Об остальном позаботилась мать природа. Немного отдышавшись, лежа на маленькой скрипу-

чей кровати, Отец обнаружил слезы на лице возлюбленной.

–Кис, ты плачешь?

Рыжая покачала головой и уткнулась мокрым носом в плечо Отца.

–Наверное, я просто сильно тебя люблю. Мне постоянно хочется плакать. С тобой я плачу, без тебя я плачу. Только без тебя мне еще и воздуха не хватает.

Вроде как я – кислородная подушка, подумал Отец. Ну да ладно, сойдет за комплимент.

Потом ночь, полная сладострастия, вздохов, поцелуев, волнительной близости. И вот оно злосчастное утро, когда на фоне полного благополучия снова слезы, только теперь уже не гипоксического характера. Теперь она лежит и воеет потому, что Отец предложил прогуляться. Не факт, что Рыжая не заревела бы, если Отец предложил променад к Тихому Океану. Теперь она лежит в кровати, воеет, как медведь в жару, потому, что решила, что Отцу нужно только вот ЭТО. А Отцу нужно не только вот ЭТО, но еще и Рыжая в придачу. И не как бесплатный довесок и не как необходимая в этом случае формальность. А как субъект, с которым Отец планировал провести остаток своей жизни. Пес с теми учеными, которые не пускали Отца назад в его старую общагу с пожелтевшими от времени стенами в тихом двадцать первом веке. Он нашел то, к чему стремился все это время. Рыжая. Это– она. Это та женщина, которую иногда ищешь всю свою жизнь и не можешь найти, и приходится коротать свое

время с Нюрами и Матерью. Рыжая— это целый мир, это бесконечность и глубина чувств и необходимостей, это целый клубок условностей и всепрощения. И вот она, которую удалось найти через один Бог знает сколько веков пес знает где. Вот она лежит рядом, вопреки законам больших чисел, она— единственная половинка, которая заполнит собою все пустоты, которые успела набить на душе эта чертовка жизнь. Она— всепоглощающая страсть, она— все, что было у Отца ценного. И сейчас она лежит и воеет, рассматривая несуществующую трещину на потолке этого дешевого отеля для влюбленных. И Отец чувствует себя, так, как будто он продал весь мир за тридцать серебряников. Черт побери. Зачем все это? Он не сделал ничего дурного. Он всего лишь хотел прогуляться.

Рыжая соскочила с кровати. Слезы градом катились по ее прекрасному лицу. Веснушки на носу ее вспыхнули, как маленькие искорки. Щеки блестели от слез, губы расплылись в гримасе смерти, глаза покраснели. Рыжая стала спешно одеваться. Она долго прыгала по комнате на одной ноге, пытаясь вторую ногу просунуть в узкую штанину, при этом подвывая, так, будто при каждом прыжке ее секли соленой хворостинной вдоль вертикальной борозды. Когда она надела на себя свой строгий английский пиджак, нервно застегивая пуговицы, она стала походить на рыжую фурию, готовую содрать кожу с живого Отца. В глазах читалась ненависть и скорбь за бесцельно прожитые минуты рядом с этим низким и бездушным человеком, который счел возможным для себя в эту

трогательную минуту предложить прогулку. И не к кому-нибудь, а к дебоширу и разбойнику Мормону. И с этим малодушным и безжалостным неандертальцем она легла в одну постель!!! Она, чистая и нетронутая (в известных смыслах) доверилась ему. Как жесток этот мир, который может на себе носить этого грубого лжеца и охальника.

Отец с живым интересом наблюдал за облачением своей любимой, надеясь, что она, наконец, остынет. Она не остывала, видимо работала на неизвестном Отцу топливе. Когда ее облачение уже подходило к концу, Рыжая позволила Отцу находится рядом. Усевшись на кровать, надевая свои сандалии, она продолжала то всхлипывать, то подвывать. Отец обнял ее за плечи. Она резко отстранилась в сторону, бросив желчный взгляд на Отца, как Ленин на буржуазию.

–Компьютер, выход.– Рыжая со злости провалилась в черную дыру. Отец знал, что, сей же час ее маман проведает, какому низкому человеку доверилась Рыжая.

Оставшись наедине с самим собой, Отец еще немного полежал на кровати, переживая последние минуты расставания, затем, встав, направился к выходу.

–Компьютер, к Мормону. – Сказал Отец, и провалился вслед за Рыжей в черный омут выхода.

Очутившись в белой комнате казенного назначения, Отец осмотрелся: Мормона не было. Казенный белый столик, стульчик из белого пластика. Мона Лиза куда-то делась.

–Компьютер, где Мормон?– Спросил Отец в пустоту.

–Море ясности, Армстронг.– Ответил приятный голос компьютера.

–А я, черт возьми, где? В Маласач-Тепек-Момоцо что ли?– Выругался вконец расстроенный Отец.

–Ну-ну, не ругайся,– сказал Дексаметазон, выползая из черного выхода в белую комнату.

–Привет, Декс. Ты какими судьбами здесь?– Удивился Отец, присаживаясь на стул.

–А,– махнул лапой Декс. – Инвизов помнишь? Из зазеркалья.

Отец помнил. Догадка обожгла его. Дрожь пола, Декс, Мормона нет нигде. Он на корабле.

–Заговорили снова невидимки эти. Тебя требуют. Опять твой код ДНК посылают. Чего уж им от тебя надо не пойму. Ну, вот и решили снова с тобой туда отправиться.– Декс щелкнул языком и тоже забрался на стул, облокотясь лапами о стол.

–А меня не судьба спросить, я-то хочу или нет?– Закричал Отец на ящера.

–Щ-щ-щ,– зашипел Декс.– Ты забыл что-ли, как ты здесь оказался и зачем?

–За сеном, как вы все меня достали уже. Кто бы знал.– Отец соскочил со стульчика.– Компьютер, выход. К Мормону.

Выход не заставил себя ждать. Отец скользнул сквозь черную гладь арки, и очень удивился, когда прошел выход на-

сквозь, оказавшись с другой стороны в этой же самой комнате. За столом сидел Декс, наблюдая за попытками Отца немигающими глазами на стебельках.

–Привет, Отец, отдохни. В ногах правды нет.– Указал ящер на стул.– Мы закрыли все перемещения по кораблю и вне его. Мы уже далеко за солнечной системой. Слишком ресурсоемки такие длинные прыжки.

–Где мы?– Спросил Отец.

–Полчаса назад прошли орбиту Плутона. Сейчас выйдем за системные трассы и прямым ходом пойдем к зазеркалью.

–Мне на Плутон надо, поверни.– Сказал мрачно Отец.

–Так мы же только его орбиту прошли. А сам Плутон далеко в стороне остался, да и зачем тебе на Плутон? Там же только научные базы.

–Хочу на Харон посмотреть. Давно я там не был.

Дексаметазон заскрипел, что было аналогом смеха. Если бы у него была мимическая мускулатура, он бы улыбнулся.

–Бабы...– Кивнул он.

Отец тоже кивнул. Так они и просидели минут пять, по очереди кивая головами.

–Бабы. Ты видел мою зазнобу?– Спросил Отец.

–А как же. Хорошая самочка, только, походу, дикая. С такой тяжело будет.– Сказал Декс, а потом добавил.– Наверное.

–Да и не будет уже ничего. Странно, ведь люблю же ее, гадство такое. Только вот бесится она, чаще, чем дышит. Ей

Богу. И пристрелить вроде надо, и все никак не решусь.— Отец закрыл лицо руками.— Декс, а нельзя ли ей в голову какой-нибудь чип завалящий врезать, чтоб не тьякала? А? Я бы за это свою почку отдал. Одну.

—Да ладно, может еще одумается. Ведь молодая она. Все еще перемелется.

—Она молодая? Она на два года меня старше, это сколько ей сейчас...— Отец стал считать в уме.— Ой... Это не она молодая, это ее так воспитали. Маман ее, змея распоследняя.— Отец сплюнул.— Молодая... она уже лет пять, как лишних живет.

—Зато весело...— Констатировал Дексаметазон.

—На... видал я такое веселье. Компьютер, сделай иллюминаторы здесь, а то скучно, не видно, куда везут.

Черные глаза окон появились в комнате, сквозь которые виднелись белые пятна звезд. Скорее всего это не были иллюминаторы в классическом смысле. Вероятно это были маленькие экраны объемного видео, с картинкой проплывающих мимо звезд. Но отличить от настоящих их было трудно.

—Долго лететь?— Спросил Отец. Дексаметазон пожал плечами.— А кто знает?

—Компьютер, сколько лететь нам?— Проскрипел Дексаметазон.

—Тридцать два часа с небольшим.— Ответил бесплотный мягкий баритон.

—Ну, что, тогда давай распрягаться. Это реальное про-

странство?— Спросил Отец. Декс кивнул.— Что ж, пошли в конверт. Компьютер выход в конверт нам дай. Декс со мной пойдешь, или тут куковать будешь?

—Ты иди пока, я тут еще по делам зайду в одно место, затем сразу к тебе. Мне-то, пока мы не прилетим, делать тоже нечего.

Отец прошел через выход в комнату, такую же, какую он смоделировал у Мормона. Плюхнулся на диван. Ситуация. Хотел к Мормону, очутился на корабле. Да хоть и так. Рыжая нос воротит. Мормон пьяный. Что меня держит в этом мире? Да ничего. Тогда полетели знакомиться с Инвизами из параллельного пространства. Отец взял авокадо со стола. Попросил шербет. Вкус его он не знал, поэтому шербет получился похожим на горячий шоколад. Не доев свой авокадо, Отец бросил его на столик. Надел на голову, валявшуюся невдалеке чалму, и откинулся на диванчике. Эффекта ждать долго не пришлось. Его мозг разрывало от информации, которую накопило человечество и другие пасынки вселенной за много веков. Отец пошел в тихий двадцать первый век. Кичигинский бор, авария, в которой таинственным образом исчез его брат. Он поднял старые протоколы гаишников, которые только и констатировали ДТП без пострадавших. Он просмотрел истории болезни всех пациентов всех близлежащих больниц. Это заняло у него не более двух секунд. Ничего подозрительного и тем более похожего на брата он не нашел. В морг поступали трупы известных. Куда дел-

ся Дэн, никто ответить не мог. Если он никуда не девался, откуда взялась его машина в Кичигинском бору? Пошли назад, к институту. В областном городе не так много банков спермы. Отец поднял свое дело, где было детально разложено все о его маленьких копиях. Фертильность, анализ на ВИЧ, гепатиты, групповую принадлежность. И подпись владельца. Несомненно, это была его подпись. Но он, Отец, не сдавал никакой спермы. Может Дэн? Точно, это Дэн. Нет не он. Подпись другая. Он хоть и однойцевый с Дэном брат, но почерки у них отличались, да и подпись другая. У Отца она похожа на перевернутый самолет, у Дэна похожа на очень жирную и размазанную по листу бумаги букву «S». Да и свою руку узнаешь из миллиона подделок. Это была, несомненно, его рука. Черт его знает что такое. Трудно было рыться в документах двадцать первого века. Не все документы сохранились, многих просто не было изначально, другие должны были быть, но отсутствовали. Сноски и ссылки на них были, а самих документов не было. Что ж сделаешь. Древний мир не всем бывает понятен.

При чем здесь сперма? Он никогда в жизни даже и не задумывался над этой проблемой. Он всегда рассчитывал на естественный способ воспроизведения себе подобных. И даже для этой цели нашел себе Рыжую. Рыжая. Он полез в ее личное дело. Удивительное дело. Здесь у него не было никаких ограничений в выборе информации. Видимо, государственные проекты не обременены паролями и лимитом ин-

формации. И это правильно. Он посмотрел некоторые файлы, касаясь Рыжей. Некоторые письма, которые та получала от своих подруг. Ничего интересного. Только охи и вздохи, да упоминание о предшественнике, о наличие которого Отец догадывался, но подтвердить не мог. Теперь он все о нем знал. Скачал адресок, номер социального страхования, так, по мелочам, в надежде разбить ему физиономию. Колечко. Он подарил ей на память колечко. Сволочь. Каким дураком почувствовал Отец, когда узнал про колечко. Может, и не ему Рыжая объяснялась в любви в тот момент, может, не его, Отца, руки с коробочкой красного бархата она целовала? Может, не ему предназначены были те слезы, что катились по ее щекам? А... Ну ее к дьяволу вместе с ее бывшим. Пусть живут долго.

Дэн. Упоминания о нем были скудные. Кроме окончания горного института— ничего. Странно. Как будто он никогда и не покидал родной город. Заявления о краже автомобиля не поступало. А может, просто не сохранились протоколы и заявления.

Отец залез в свои файлы. О нем тоже после исчезновения не было никаких вестей. Только через некоторое время после исчезновения фигурировал билет на поезд до Москвы с его фамилией и именем. Отец тоже пропал, как и Дэн. Весело. Мама прожила долго. Была ли счастлива, про это написано только в книге судеб, а не в этой базе данных. Хотя путем простых логических заключений, даже не входя в сеть,

можно догадаться. Было у мамы два сына, оба они исчезли в один день, и никто их больше не видел. Не много счастья.

Зачем кто-то сдавал сперму за Отца? Зачем кому-то понадобилась эта фикция. Ведь, если предположить, если бы не было спермы, Отца бы не нашли в будущем. Вероятно, кто-то хотел, чтобы его нашли. Но кто это? Мать? Что же будет с его подругой? Мать после окончания сойдет с ума. Во! Этого он не ожидал от этой верткой маленькой девчонки. Сойдет с ума. Ее полечат. Потом она выйдет замуж. Не за Отца. Родит мальчугана. И вроде бы все. Жизнь такая штука. Сначала сходишь с ума, потом рожаешь себе наследников. По мнению Отца, все немцы пришли в этот мир таким путем. Ирония судьбы. Мать сошла с ума, а Рыжая самая умница. Рыжая. Как он ее любил. В голове поплыли огромные пылающие красные буквы: «Вернись». Она ушла. Как-то нелепо. Ушла, и вроде, ее даже не было, только осталось разбитое сердце. Почему она ушла? Отец смоделировал ситуацию, почему могла уйти Рыжая. Получалось, что она или беременна, или дура, что в принципе одно и то же, или она никогда не любила Отца. Какие-то алгоритмы непутевые, подумал Отец.

Беременна. Нет, она не беременна. Он влез в компьютер к ней домой. Она не беременна. Она сейчас лежит на кровати, рядом с ней полосатая Лиса, корова ушастая. Обе лежат и плачут. О чем плачут? О чем могут плакать две шлюхи? Ни та, ни другая не беременные. Может это она? Может, она

подкинула сперму? Глупость. Чуть. Тогда она меня даже и не знала. Да и кто ей портал откроет?

Отец лежал на своем диванчике, рылся в документах, мечтал, вспоминал Рыжую, и, если в этом случае, расстояние не играет особой роли, возлюбленная должна была помереть от икоты в ближайшие сто секунд. Но перед этим должна была умереть в дикой икоте со рвотой и тенезмами ее маман с кошками, а потом Рыжая. Пожалуй, только Роня должен был выжить в этой борьбе вегетативной системы. «Вернись», крупными буквами бегущей строкой поплыли пылающие буквы перед глазами. Но, Отец был слишком далеко от Земли, чтобы его желание сбылось. Он летел прочь от родной планеты с огромной скоростью, недоступной пониманию.

Цватпахи. Кто они? Это раса не гуманоидов, похожих на пингвинов. Небольшого роста. Рудиментарные крылья заканчиваются небольшими коготками, которые цватпахи используют как пальцы. Найдены недавно на краю галактики. Технократический тип цивилизации. Уровень развития системный. Туземцы осваивают ближайший космос в своей солнечной системе. Молодая и очень перспективная цивилизация. Сознание индивидуальное. Но при дальнейшем изучении цватпахов, многие ученые приходили к заключению, что цватпахи имели или рудиментарный или зачаточный коллективный разум. Цивилизация сильно ориентировано в техническую сторону. Неплохо развиты смежные на-

уки. И, довольно странно в их ситуации, слабо развиты гуманитарные и социологические составляющие. Отец запомнил координаты их системы, на всякий случай. Затем Отец запросил детализованный отчет о последних направлениях в науке. Были разработки в области нанотехнологий, основная направленность— освоение космоса. Ученые инженеры планеты разрабатывали новые виды топлива, альтернативные источники энергии, использование давления света их светила. В общем, ничего особенного. Поля. Отец попросил компьютер дать отчет об использовании полей. Поля использовались для одной цели— создание условий для развития максимальной скорости космического тела. При рассмотрении технологий поля и ускорения физического тела в условиях невесомости в вакууме, Отец обнаружил, что побочным эффектом в этих скоростях— являются темпоральные возмущения, которые цватпахи тоже не смогли не заметить. При дальнейшем изучении ученые пришли к выводу о возможности темпоральных перемещений, то есть создания машины времени. И были проведены некоторые опыты в космосе на орбите одной из внешних планет. Результаты опытов несколько ошеломили цватпахов, в результате чего правительственным указом разработки темпоральных перемещений временно законсервированы до создания терпимой удобоваримой теории времени.

Теперь все становилось на свои места. Земной институт темпоральных аномалий зарегистрировал несанкциони-

рованное возмущение темпорального континуума дважды, в результате поисков нарушителей и была найдена эта молодая цивилизация. В результате двух темпоральных возмущений произошли некоторые изменения в нашем пространственно-временном континууме. Последствия вмешательства в историю Земли изучаются. Понятно, что возмущения во времени имели место быть возле Земли. Вероятно, луч, или темпоральная волна, созданная цватпахами, докатилась до синей планеты, изменив что-то. Ясно другое, что Земля подверглась нападению темпоральных хулиганов, пусть и не умышленно.

Отец смоделировал темпоральный эксперимент цватпахов со сверхскоростями, траектория тел которого, находилась на одной прямой с траекторией Земли. Измерив резонанс темпоральной волны, Отец понял, что отголосок этого эксперимента мог всплыть в его времени и даже примерно в его районе. Приняв эту гипотезу, можно предположить, что цватпахи украли Дэна из его машины, когда тот ехал в гости к Отцу. Поэтому не было тел на месте аварии. Два возмущения темпорального поля— возможно цватпахи украли Дэна вместе с Аленкой, его подругой. А это значит, что Дэн и Аленка находятся сейчас у этих малоизученных космических пингвинов. А это значит, что брата нужно спасти.

Сведения о Дэне в базе данных весьма скромные, однако, очевидно, что он все-таки окончил свой горный институт, а это значит, что он вернется в свое время и продолжит обу-

чение. Или первая теория о похищении— не состоятельна.

Отец вернулся к своим файлам. Действительно, в планы его похитителей не входило возвращение Отца в его время. Грустно. Хотя плевать. Здесь ведь Рыжая, остальное второстепенно. Я этой гюрзе все прощу, думал Отец. Все-таки я ее люблю. Говорят, любовь делает удивительные вещи. Может и Рыжая окажется не крепче мрамора, глядишь, растает.

Все, надоело, Отец снял свою чалму с головы и вышел из базы. Голова гудела, как пчелиный улей. Удивительная вещь, эта база. Пока ты в ней, столько всего знаешь, сколько и за много жизней не узнать. А когда выходишь из базы, остается чувство ущербности за свой куцый мозг.

—Компьютер, поройся в мозге у меня, и дай мне сюда Нюру.— сказал Отец, соскакивая с диванчика, когда ему надоело рыться в грязном белье прошлого.

В зал вошла Нюра, одетая согласно штатному расписанию Османской империи. Прозрачный лиф, красные воздушные шелковые шаровары, бусы из крупного жемчуга, золотые браслеты на руках и ногах, темная вуаль на лице, которая, в общем, и не скрывала очаровательную улыбку на моське девчонки. Отец махнул рукой в сторону Нюры, мол, изыди, нечисть.

—Убери ее, ради Бога,— забеспокоился Отец. Нюра выбежала из зала.— Шуток не понимаешь, болван. Так недолго с энурезом на всю жизнь остаться. Фу ты. Япошкина мать, вот напугал то. Дай мне Мормона.

Стена напротив превратилась в объемный экран. Появился довольный хмельной Мормон в обнимку с Пиначетом. Коала по своему обыкновению спал.

–Привет, Мормон, а этот крест чугунный,– Отец кивнул на медведя,– не просыхал что-ли?

–Не-а, Отец родной, ты куда подевался?– Мормон внимательно осмотрел зал Отца, который был точной копией его.– Ёкарный бабай, ты где?

–Ты представь, Андрюха, меня снова стащили. Сейчас я уже далеко за солнечной системой, мы уже давно за Плутон вылетели. Короче Декс меня украл на этот раз.– Отец развел руками.

–Ну, давай выпьем тогда, за отъезд.– Сказал Мормон, и в его руках оказался золотой кубок с искрящейся жидкостью.

–Давай.– Отец налил себе из амфоры в тяжелый золотой бокал вина, затем воздел руку с бокалом к экрану.– Ну, за отъезд.

Друзья опрокинули свои кубки.

–Рассказывай теперь.– Мормон сидел на подушках, поглаживая по животу спящее животное. Чалма съехала на бок, красные шаровары были сбоку залиты дегтем, как у Тараса Бульбы. Сзади него стояли мавры с золотом на лодыжках, помахивая опахалами.

Отец подумал, что было бы неплохо себе заказать пятно дегтя на шаровары. Это было очень стильно. Пятно появилось немедленно.

–В общем так, Инвизы, которых никто никогда не видел и еще бы века два не видеть, заговорили. Шлют мою ДНК, вроде меня хотят видеть. Ну вот меня и украли с Луны. Я от Рыжей к тебе хотел пойти, а меня через выход перенесли на корабль. Короче, не скоро увидимся. Туда лету полтора суток, обратно столько же, да там висеть с ними, дела решать. Неделя, не меньше.

–Ладно, с ними все равно не поспоришь. Я тут со своим челом на Плуту сконнектился, он мне сказал, что тебя на самом деле не отпустят. Давай дернем за новый дом, типа.– Мормон поднял бокал.

Отец вторил ему. Подняв бокалы, хлопцы выпили. Стало хорошо. Наступление алкоголя утешило Отца.

–Я уже знаю. Тут на корабле беспарольная база, я тут все и узнал. Дело кислое, если не сказать жестче.

–Да ничего не кислое, мы з пустыни сад зробім... подумаешь, что тебе там делать, в трущобах твоих. Тут веселее. Тут Рыжая.– Мормон осекся.

Отец сделал вид, что не заметил конфуза, только молча покивал Мормону.

–Твоя правда, мне маму только жалко, переживает она за нас с братом. Когда меня сюда забрали, там братец мой пропал, в моем времени, машина его разбилась. Одно слово, у мамы невеселые дни наступили. А так-то мне там нечего ловить, тем более что здесь Рыжая.

–Ну, за баб-с,– поднял свой кубок Мормон.

– За баб, – вторил ему Отец. Очередной кубок был выпит. – Слушай, Мормон, так ты получается, вторые сутки в сознание не приходишь? Из дому не выходил что-ли?

– Зачем, выходил, я поплавал в бассейне, искупался немного, поработал в базе со своей группой. Потом сюда вернулся, тебя ждал, думал, что ты придешь. Я тут тебе записочку оставил даже. – Мормон щелкнул пальцем, и к нему подошел другой Мормон, такой же, как настоящий. – Вот слушай.

– Отец привет, я сейчас приду, ты трошки посиди пока тут, а если хочешь, ко мне приходи, я плаваю в бассейне, компьютер координаты даст. А нет желания, так тут посиди с Ксюхой. Все, пока. – Второй Мормон махнул Отцу рукой и отошел сторону.

Отец чуть не поперхнулся.

– Это и есть записочка? Удивил ты меня, дружище. Как же вы тогда шпоры пишете? Преподавателя что-ли за собой носите?

– А, – махнул рукой на него Мормон. – Это временная копия. Она в оперативке висит, пока ты ее не прослушаешь, а потом сама исчезает.

– Андрюха, сейчас тебе перезвоню. – Сказал Отец. Изображение Мормона скатилось в уголок экрана. – Компьютер, дай мне Рыжую.

К экрану подошла маман Рыжей. Было похоже, что она съела килограмм хреновины. Так ей было не хорошо. Мина сквасилась, словно бражка от дрожжей, когда она увидела

кто ее вызывает.

–Чего тебе?– Кинула она Отцу. Хоть бы поздоровалась, змея такая, подумал Отец.

–Где Ксюха?– Тоже не здороваясь, вопросом на вопрос ответил Отец.

–В ...– Экран погас. Маман Рыжей отключилась.

–Компьютер, дай ее снова.– За пару секунд маман Рыжей съела еще кило хреновины, и потом вернулась к телевизору. Отец повторил.– Где Ксюха?

–Я же тебе сказала, не знаю. Она с тобой была.– Маман снова отключилась.

–Корова бешеная. Как ее такую земля носит? И Бог душу никак не возьмет. Компьютер, дай мне ее снова.– Закипел Отец.

Экран телевизора вспыхнул, выражение лица маман не внушало доверия. Снова будет врать, подумал Отец, но ошибся. Гримаса, исказившая лицо маман– это последнее, что увидел наш герой. Экран потух, но на мгновение, боковым зрением Отец увидел до боли знакомый и любимый силуэт, отразившийся от бликующей поверхности шифоньера, стоявшего возле экрана телевизора. Рыжая была дома, но пряталась от Отца. Однако ее ненависть к нему не помешала ей подойти сбоку к телевизору, чтобы все хорошо слышать, о чем будут разговаривать ее маман с Отцом.

–Компьютер, дай-ка мне ее еще разок.– Уже кричал от злости Отец.

Экран вспыхнул, но маман уже не было. На синем экране с заставкой оператора телевидеосвязи, светилась надпись: «Вызываемый абонент просит его в настоящий момент не беспокоить, надеемся на ваше понимание».

Маман отключила телевид, чтобы ее Отец больше не беспокоил.

—Ладно, хорошо, бунт на корабле, я вас, амазонок таких, разнесу мельче мака, головы свиные. Компьютер, Мормона дай назад.— Появился Мормон. Отец продолжал ругаться.— Представляешь, сейчас Рыжей позвонил, она к телеvidу не подходит, хотя сидит дома. Ее маман подошла, гадина. Рожа из старых мошонок пошита, а все туда же.

Отец рассказал, что у них произошло с Рыжей после романтической ночи на Луне. Мормон лишь улыбался, да посмеивался, словно говоря: а ты чего хотел? Ты же знал, на что подписывался. Они все одинаковые. Все без исключения. Бабу на бабу менять— только время терять. Будет одно и то же. Нюни, сопли, слюни, ты меня не любишь, мне нечего одеть на вечер, ты сегодня не пей, ты плохо разговариваешь с моей мамой...

Отец налил себе в кубок красного терпкого вина и осушил до дна, кивнув Мормону, мол, давай, догоняй.

—Ну, пустим карасика,— шепнул Мормон и тоже опрокинул за воротник свой кубок.

—Где Суся?— Спросил Отец.

—У нее новый роман с каким-то парнем. Она на озеро ука-

тила, свои кости погреть. Ее не будет еще с неделю.— Икнул Мормон. Чалма все больше съезжала на бок. — А чего она тебе нужна?

—Так, просто. Надо же с какой метелкой она меня познакомила. От ее подружки я теперь чихать еще лет сорок буду, не опомнюсь.— Сказал Отец.

Корабль летел и летел, все больше удаляясь от родной планетной системы. Отец приспособил в стенах иллюминаторы, чтобы сохранялось ощущение полета, хоть он и находился в конверторном пространстве, терять связь с реальным миром не входило в его планы. А с тех самых пор, когда он перестал быть пленником, каким был когда-то, Отец перестал испытывать неприязнь к конверту. Тем более что больше половины планеты живет там, и им это нравится.

—К вам посетитель,— раздался мягкий баритон компьютера.— Разрешите?

—Какого мяса там надо кому?— Вежливо поинтересовался Отец о визитере.

—Дексаметазон желает видеть вас.

—А, Декс, пусть проходит, я его давно жду.

—Все, я пошел, пока, давай.— Соскочил с диванчика Мормон, и даже Пиначет пошевелил лапой.

—Андрюха, ты куда убежал, погоди, сейчас вместе посидим, посмеемся.— Удивился Отец.

—Ты чего...— Не успел Мормон договорить, как распахнулся выход и в комнату вперевалочку ввалился змей зеле-

ный. Мормон потушил экран телевида.

–Привет, Декс, что-то ты сегодня припозднился. Я тут успел уже причаститься немного. Компьютер, аланина Дексу.– На столике появилась еще одна амфора, инкрустированная золотом. В османском зале запахло какой-то удушливой терпкой жидкостью.– Утыр, курмет.

Отец указал на одну из подушек, помещенных вокруг стола. Как же эта шикарная роскошная обстановка контрастировала с ночью, которую провел сегодня Отец с Рыжей в маленькой комнатке с маленькой скрипучей кроватью. Там не было даже места нормально обуться Рыжей, что пришлось ей присесть на кровать с лежащим на ней Отцом. И он был счастлив в этой комнате, где не было ничего кроме органического синтезатора и убогой маленькой мебели. У него была Рыжая, с ее скверным характером, злым червяком в мозгах и скверной маман. А сейчас в конверте у него есть все, но нет Рыжей. Тогда зачем все это? И ведь он не виноват, и он не чувствовал себя виноватым, он был злым. Он чувствовал, что его обманули, как дырку от бублика, его попользовали и выбросили. На душе была пустота. Пустота, да вот еще веганская рептилия, которая теперь сидела на полу как кенгуру, подставив под чешуйчатый хвост шелковую османскую подушку, держа в когтях граненый стакан с Джефом. Отец молча протянул свой кубок, они молча чокнулись и выпили. Каждому– свое. Отцу– красное вино, ящеру– аланин.

–Декс, какого лешего ты мне про цватпахов врал? Они же

моего брата могли украсть.— Спросил Отец. В общем, этот вопрос можно отнести к разряду риторических, в ответ на который можно пожать плечами или просто фыркнуть или совсем просто— промолчать.

Декс так и сделал. Он смотрел своими немигающими глазами на стебельках и потягивал из соломинки свой несносный аланин.

—Отец, когда ты перестанешь из-за баб себя изводить? Что ты, как ребенок маленький. Всех баб поставь в цепочку, так дорожка отсюда до Китая получится. Любую выбирай. Что ты не уймешься-то никак? Эдак тебя и не хватит вовсе. Оно же женщина— что море, всем хватит. Даже у нас. Уймись.— Декс сделал еще глоток из своего стакана.

А ведь он прав, подумал Отец. Зачем я так убиваюсь? В конце концов, на Рыжей свет клином не сошелся. Детей у нас нет, да и Бог с ней, нужно постараться ее забыть или забыть на другой женщине.

—Убедил,— немного подумав, ответил Отец.— Как насчет цватпахов?

—А что насчет цватпахов? С чего ты взял, что они твоего брата украли? Они вообще на другом конце галактики живут. Ну, может не совсем на другом конце, но уж во всяком случае, на другом витке спирали.

—Я тут осмотрелся в базе, составил алгоритм один, получается, что они его могли украсть.

—С чего ты взял, что твой брат пропадал куда-то?

–Декс, я думал ты плохо врешь.– Сказал строго Отец, и добавил,– а ты вообще врать не умеешь. Сходи в базу, возьми мой алгоритм и сам все проверь. Чего демагогию устраивать, как на базаре.

–Мужик не баба. Сделаю.– Тоже серьезно проревел Декс.

–Ну, вот и ладушки. Расскажи мне что-нибудь про Вегу.

Декс принялся красочно расписывать свою родную систему, довольно сочно описал свою планету с неприязнительным названием Адло. Свой родной город, который назывался Гуру. Рассказал о своем отце, который, как это ни покажется странным, тоже был рептилией.

–Декс, а у тебя жен много?– спросил Отец.

–Да есть на спине шерсть. Штук пятнадцать будет.– Ответил ящер и заскрипел.– Правда, у нас это очень нескромный вопрос. Мы об этом никому не рассказываем, и ты уж, дружок, помолчи. А то я тебя в рабство твоим цватпахам продам.

–По рукам. Тогда ты про мою зазнобу ничего не рассказывай никому. Fine?

–Ответ тебе нужен. Давай, схожу в базу, проверим.– Декс отложил свой Джеф в сторону. Отец подал чалму Дексу.

–Да я без нее пойду.– Сказал Декс, и как сидел на хвосте, так и отправился в базу, только глаза на стебельках немного потухли и затянулись пленочкой.

Отец даже не ожидал, что можно вот так, без шлема, без чалмы отправиться в базу, а потом подумал, что в конвер-

те все возможно. Ведь и эта картинка проецируется ему в мозг, так почему бы и не проецировать непосредственно и базу. Отец прикрыл глаза и тоже отправился в глобальную сеть. Получилось. Сначала Отец следил за операциями Декса. Они казались немного странными, может потому, что рептилия все-таки инопланетная, следовательно, и логика должна быть другой. Затем Отец понял, что логика и в Африке и на Веге— логика. Просто он сначала не понимал алгоритмы, которыми пользовался Дексаметазон, да и делал все это он очень быстро.

Затем Отец, когда ему наскучило созерцание построения алгоритмов, стал активно помогать Дексу. Но рептилия была много вежливее, чем земная оперативная группа, и не стал лягать по Отцовским мозгам, но терпеливо выслушивал его. Отец показал, что эхо экспериментов цватпахов могло докатиться до Земли, и могло иметь резонанс в его времени и месте. Декс рассмотрел эту проблему с разных сторон, вынужден был согласиться с Отцом, что доля истины в его резюме есть, хоть и алгоритмы его выглядели неуклюжими, рациональное зерно все-таки присутствовало. Декс продолжал строить логические линии вокруг цватпахов, Дэна, темпоральных возмущений. Ящер вносил коррективы в промежуточные логические цепочки, конструировал новую стратегию изучения этой проблемы.

Отец вышел из базы. Все равно Декс потом по протоколу доложит, что он нарыл, в противном случае, Отец может

скачать решения Декса, на крайний случай восстановить логические цепочки и алгоритмы.

Суть да дело, пока Декс с прищуренными, если можно так выразиться, глазами висел, как девяносто восьмая винда, Отец воспользовался случаем. С помощью конверторного пространства и компьютера Отец надел на голову ящера мохнатые заячьи ушки, серебристую чешую Отец прикрыл светло-желтой поношенной майкой, на бедра нацепил черные потертые семейные трусы. На задние лапы надел шлепки, хвост повязал розовым бантиком. Эта гротескная фигура очень контрастировала с османским залом, маврами и красными, заляпанными дегтем, шароварами. Что-то тихо сидим, подумал Отец. Заиграла Death Car, от которой у Отца испортилось настроение. Он отменил это решение компьютера, и полились сладкие звуки вечногo Венского вальса. Ожидая Декса, Отец развалился на подушках и задремал. Сегодня у него был тяжелый день. Декс, выйдя из базы, пошевелил Отца за руку.

—Отец родной, что ж тебя так разморило— то, как собаку больную. Просыпайся.— Земноводное тормошило нашего героя. Отец сначала даже не понял, кто его будит. Но потом, узнав заячьи уши, улыбнулся.— Декс, ты сегодня классно выглядишь, в этих... ушках от кутюр. Да и наряд у тебя от винта... Good.

Декс осмотрел себя своими вращающимися глазами, которые имели достаточную подвижность, чтобы осмотреть се-

бя со всех сторон, что-то проскрипел, видимо по вегански, интонация была далеко не дружелюбна, и обрел свой прежний облик. Отец решил, что с трусами он немного погорячился.

—Нужно еще раз проверить мои выводы, но, похоже, что ты прав. Возможно, цватпахи кого-нибудь могли прихватить из твоего времени, ненароком. Возможно и брата, хотя это все на воде вилами писано. Нужно оперативной группе дать задание рассмотреть эту задачу. Там будет видно. Молодец. Мы это так не рассматривали. Видишь, новая струя нам не помешает. Так держать.

—Ты про струю аккуратнее, а то всякое может случиться. Сегодня струя, а завтра— аденома простаты.— Отец трижды сплюнул через левое плечо.— Все— гудрон, кроме мочи, а моча любит трубки.

—Спору нет.— Покивал Дексаметазон, светило галактической науки.

—Декс, слушай, расскажи-ка мне про эти сигналы, я в базе забыл о них поинтересоваться. Я имею в виду Инвизов.

—Обычные радиосигналы. Сначала, когда появились они, никто на них, в общем, внимания не обратил. Просто идут из этого сектора и все тут. Думали, что какие-нибудь шутники балуются. Слетали в тот сектор. Никого нет, а сигналы идут. Стали этот сектор изучать. Никого не нашли. Сканировали пространство, смотрели в инфракрасном диапазоне, ультрафиолетовом, рентгеновском— никого. Ядерным резо-

нансом сканировали. Никого. А сигналы идут. И такое впечатление, что эти сигналы берутся из ниоткуда. Смотрели пространственным сканером, получается, что в эпицентре имеется искривление пространства, да и то незначительное. Вот сейчас то мы туда и идем. В первый раз, когда тебя туда возили, думали, что твоя близость к ним что-то решит, тогда ничего не получилось.

—А сейчас то чего меня туда тащить? У моря погоды ждать?

—Да нет. Они нам передали кое-какую информацию. Это, собственно, техническое описание пространства точки прохода. То есть этой самой точки пространства, из которой мы получаем от них сигналы. Описание не с точки зрения пространственных координат и близлежащих космических тел, а описание структуры самого искривления, магнитная образующая, гравитационные показатели, ну и все такое. Зачем они нам это рассказывают, я не имею ни малейшего понятия. И твоя ДНК. Это еще одна загадка.

—Так вы что, до сих пор не разгадали чего им от нас нужно?— Удивился Отец. Декс покачал головой и схватил стакан с Джефом.— У, лентяи. Вам бы только баклуши бить.

—Прости. Но это сделать труднее, чем ты думаешь. Они шлют нам сообщения хаотически. Их невозможно предугадать. Они отвечают на наши вопросы с огромным опозданием, когда мы уже и не чаяли получить ответ, а иногда мы разгадываем прошлые сообщения, и получается, что они за-

ранее знали, что мы спросим. На вопрос как они выглядят, они нам так и не ответили, а недавно наши ученые нашли в старых посланиях описание некоего разумного организма, детали сейчас изучаются и расшифровываются. Может это они про себя и писали. Откуда они про тебя узнали? Я понятия не имею. Да и ты тоже, насколько хорошо я тебя понял.

–Декс, ты очень умная лягушка, ты меня правильно понял.– Сказал довольный Отец.

–Так вот план такой. Мы прилетаем, пытаемся установить с ними контакт, как только что-то прояснится, мы тебя отпускаем домой.– Сказал Декс и завращал своими глазами, как будто ему стало стыдно за ложь.

–Декс, ты только что соврал. Ты не заметил? Ты только что сказал, что отпустишь меня домой. Ловлю тебя на слове.– Отец даже привстал на локоть на подушках.

–В общем, это решение зависит не от меня, но, я просто в этом уверен, что все сомнения разрешатся в твою пользу. За счастливый финал.– Поднял бокал Декс.

–За счастливый финал, только ты не думай мне заговорить зубы, а то я тебе на хвост дуста насыплю.– Улыбнулся Отец и поднял свой кубок.– Декс, я ведь свои файлы поднял, меня не хотят отпускать домой.

–Это не совсем так, пока планов отпускать тебя домой, нет, а посему и файлов таких не существует. Это ведь тоже не так просто тебя взять и отправить домой. Во-первых, это тоже целая космическая экспедиция, во-вторых, нужно под-

готовить и тебя и всех к перемещению во времени, чтобы ты слишком у себя не болтал, и не принес в ваш мир секреты, которые смогут его погубить.

–Вроде как память мне стереть?

–Да. Вроде того,– Декс кивнул,– тут тоже много процедур. Другое. Нужно все рассчитать, чтобы тебя отправить в нужное время, а не к бронтозаврам. С технической точки зрения тебя все равно, что в палеозой отправить, что к тебе в общагу. В-третьих, рассчитать пространство, чтобы ты не материализовался в дереве или скале. А коль скоро этим еще и не занимались, ввиду объективных на то причин, следовательно, и файлов таких существовать не должно. И это вовсе не значит, что тебя отпустить мы не хотим.

–Про палеозой это ты здорово сказал, по предкам соскучился или это– твоя родня, только дальняя?

–Ха, ха, ха.– Натянуто сказал Декс.– Отец, препирайся с Басмачом. Я– серьезный элемент.

–Ладно, не кипятись, я так, а то скучно сидим. Басмача заказать, что-ли сюда?

–Если ты по нему скучаешь, или наклонности у тебя разыграли, давай, закажи его, только про пеньюар не забудь, или там рюши, или что ты еще там любишь?– Заскрипел Декс-метазон.

–Туше, старый зеленый чемодан, ты меня уел, а я то сперва подумал, что ты– серьезный элемент. Вот так веселее. Так как на счет твоего друга, Басмача?– кивнул Отец.

–Нет, ты лучше Пиначета сюда пригласи, а то я все равно спать пошел. Тебе с кем-нибудь веселиться надо.

–А чего ты спать пошел? Чего тебе тут не в радость?

–Ты знаешь, пока мы за тобой охотились на Луне, да на Земле, пока ты там со своей красной самочкой развлекался, я трое суток не спал. Что-то захотелось. Я, видишь ли, еще и до этого двое суток работал без сна, устал, знаешь...

–Ну, давай, постой это ты пять суток не спал?– Спросил Отец, Декс кивнул.– Не много ли?

–У нас сутки на Адло делятся дольше, чем Земные, но и по нашим меркам, я давно не спал. Да еще Джефа выпил, так что меня совсем развезло, как цватпаха.

–Валяй, давай,– махнул Отец.– Спи, иди, а то я сам тебя выгоню. Это же надо, такое придумать, пять суток не спать. Добро бы война с кем-нибудь шла, а то просто так. Не по-нашему это. Кстати, война сейчас есть где-нибудь?

Декс покачал головой, потом провалился в выходе. Отец, оставшись один, походил по комнате, попрыгал, поскакал, размял косточки, затем плюхнулся на диванчик и ушел в базу, чуть прикрыв за собой глаза. Рыжая. Что она сейчас делает? Может, уже у кого-нибудь на груди спит. Отец проследил из базы весь ее жизненный путь, от рождения, до их разлуки. Он ее любил. Он готов был сначала повторять просмотр ее записей. Он скачал ее файл себе в компьютер, тот, что остался на Земле. Пригодится. Затем скачал все, что было в сети на цватпахов, на Мормона, на институт временных

аномалий. Коль здесь беспарольная база, так и надо пользоваться. Затем, соединился с Басмачом, и дал ему задание заархивировать все данные, которые только что прислал, и сохранить где-нибудь, где их не сможет никто найти. Басмач немного поругался, но пообещал все сделать в лучшем виде. Отец на прощание вспомнил его родственников и отключился. Теперь можно спокойно продолжать полет.

Корабль пожирал мировое космическое пространство. Отец не имел ни малейшего представления, где они сейчас находились. Да и стоило ли знать, раз уж те ребята, которые его везут, ни о чем не переживают, значит, они знают что делают. А значит все в порядке. Маленький кусочек матушки Земли летел на многие световые года, многие миллионы миль, мимо разных звездных систем, планет, метеоров, космической пыли. Ему не мешали ни притяжение проплывающих мимо светил, ни космическая грязь, обступавшая кораблик с разных сторон, ни жесткое космическое облучение. Он миля за милей, миллион за миллионом оставлял за кормой, будто насмехаясь над всей вселенной, что ему, маленькому кусочку металла наплевать на весь мировой уклад и миллиардами прожитых лет установившийся порядок. Он пожирал пространство бесстрашно, с бравадой, с неким цинизмом, понятным лишь его обитателям, которые вопреки всем законам биологии, удалялись от родной планеты в бешеном галопе, при этом оставаясь живыми.

Отец открыл данные цватпахов. Первое возмущение вре-

мени— кража Дэна. Второе возмущение— кража его подруги Аленки. Отец посмотрел все, что есть на Аленку в базе. Она, как и Дэн, продолжала жить в своем родном городе. У нее было двое детей, старшая— Дашка, у которой было отчество Дмитриевна, младший— сын Мишка. Отчество у пацана было другое. Значит, она не будет жить с Дэном. Надо будет ему рассказать. В книге записи регистрации гражданского состояния, такого брака Дэн-Аленка, не было. Значит точно, она с ним жить не будет, но похищали ли ее? Отец попытался смоделировать разные ситуации с похищением подруги брата, но все сводилось к одному, нет достаточно достоверных сведений. Ее могли похитить цватпахи, но могли и не похищать с равной долей вероятности. Если она поехала к Отцу вместе с Дэном, значит, ее могли захватить цватпахи, а если она осталась дома, значит, ее цватпахи могли и не красть. Логично, только не достоверно. Дашка, значит. Дата ее рождения была много раньше, чем девять месяцев от момента исчезновения брата. Отец чуть не подавился. Аленка— беременна. Вот же чудо. Отец будет дядей. Ладно, хоть не тетей, подумал Отец. Аленка ждет на свет маленькую девчонку, и причина ее появления— Дэн, его брат. Мама об этом не знает. Очень интересно. Аленка— мама. Вот бы на нее посмотреть. В голове появились старые двухмерные цветные снимки. На фотографиях в тени разлапистых синих елей стояла Аленка, держа за руку трехлетнюю маленькую барышню с такими огромными синими глазами, что Отец усомнился в том, что

ее отец— Дэн. Девочка была одета в платьице с рыжей белочкой на передничке. Девочку любили, это было видно. Ухоженная нарядная маленькая принцесса с уложенными кудрями на макушке, в белых гульфиках, и нарядных сандалиях с помпончиком на спинке, позировала рядом с мамой. Удивительно было смотреть на еще не рожденную дочь своего брата, причем с такой стороны, что это уже было давно. Время удивительная штука. Не начнешь его понимать и ценить до тех пор, пока не посмотришь на него со стороны. Отец посмотрел.

—Компьютер, меня извести, когда мы прилетим на место, не хочу проспять этот великий момент.— Сказал Отец позевывая. Он рассчитывал немного подремать, пока продолжался полет.

—Мы уже прилетели.— Был ответ.

—Как так, ты же мне сказал, что полтора суток лететь будем. Как это вас, батенька, понимать?— Спросил Отец, чувствуя, что спать уже он не хочет.

—Зная ваше нетерпение, я немного замедлил скорость подгружаемых данных в ваш мозг, поэтому для вас время текло быстрее.

Значительно быстрее, подумал Отец. По его внутренним часам он пробыл на корабле не больше восьми часов. Компьютер сам бы не смог принять решение остановить внутреннее время Отца, слишком ответственное решение для бортовой железки, значит, это решение принял кто-то другой, бо-

лее могущественный. Похоже, что Декс приложился к этому обстоятельству, не боясь расправы Отца, поскольку остальные могли за это и по зубам получить.

–Выход дай, в реаль, на мостик или близко к нему.– Крикнул Отец в пространство.

Выход проглотил Отца. Очувившись на мостике, Отец пошел к бортовому экрану, на котором в объемном виде изображалась точка прохода. На экранах мониторов, отображающих пространственную модель этого уголка вселенной, точка прохода выглядела бесцветной невзрачной черной кляксой. Корабль стоял неподалеку от этой точки пространства, поскольку на экране движения звезд не было. Отец посмотрел в носовой иллюминатор, который располагался тут же. Перед кораблем была пустота. Лишь немая чернота, заселенная яркими пятнами звезд. Отец даже немного огорчился. Он хотел увидеть здесь что-нибудь, чем можно восполнить пустоту потери своего прошлого и Рыжей, но судьба распорядилась так, что ради этой немой черной точки пространства, которую без пространственных сканеров и видно-то не было, Отец поменял свою жизнь в корне. И лишь на сенсорах и в невидимом спектре можно было увидеть точку прохода, откуда доносились радиоголоса неизвестных братьев по разуму.

Вокруг Отца сновали люди в известных нам комбинезонах. Некоторые с опаской смотрели на гостя из ужасающего прошлого. Некоторые его не замечали, но никто не трогал и

не приставал к нему. Пару раз мелькнул в толпе Декс, но к Отцу не подошел. Отец стоял на мостике, смотрел на тихую кутерьму, которую не увидишь в полете, когда почти весь экипаж проводил время в конвертерном пространстве, облегчая путь маленькой космической посудине. На лицах экипажа отражалось нетерпение и живой интерес к существам по ту сторону известной нам вселенной. Может сегодня, может завтра, произойдет контакт. Это напряжение передалось и Отцу.

—Декс,— попробовал начать разговор Отец, когда пробежавший в очередной раз космический ксенобиолог был пойман за хвост.

—Отец не тронь меня. Не до тебя сейчас, потом поговорим.— Проворчал Декс, и, поджав, как дворняжка, хвост, скрылся в черном выходе.

Отец следовал за ним. Оказавшись в небольшой каюте, Отец отметил, что здесь теснее, чем в отеле на Луне. Казалось, весь экипаж судна находился здесь. Каюта была уставлена аппаратурой, сенсорами, мониторами, датчиками. Сверкали разноцветные реле, попискивали и квакали аварийные индикаторы. Люд делал свою работу. Некоторые производили замеры, другие шифровали сообщения, третьи декодировали полученные сигналы. Четвертые сидели со шлемами на головах, находясь в базе, анализируя все, что происходило в точке прохода. Отец потерялся возле первых, других, третьих. Потом все-таки поймал Декса.

–Декс, ну-ка отвечай,– сказал разозленный Отец, видя, что на него не обращают внимания, хотя он– причина этой экспедиции.

–Что тебе непонятно, видишь, вон дыра,– Декс махнул в сторону носового иллюминатора своей корявой чешуйчатой лапой.– Оттуда про тебя разговор ведут люди из другого измерения. Отстань, потом все подробно расскажу.

–Один вопрос.– Сказал Отец.

–Только один.– Кивнул головой Дексаметазон.

–Ты совсем не спал?

–Да нет, часов десять-то успел поспать, еще вопросы?– Декс скосил глаза и подернул их пленочкой, видимо сердился.

Отец понял, что от ящера он ничего сейчас не добьется.

–Компьютер, выход.– Сказал Отец.

–Правильно,– кинул кто-то Отцу.

Отец, очутившись у себя, прилег на подушки, прикрыл глаза и пошел в базу. Он видел себя частью кораблика, висевшего в пространстве. Он получал сигналы, шедшие из точки прохода, анализировал их. Он своей седалищной точкой чувствовал, что сейчас речь идет о нем, только конкретно чего от него хотят с этой и с той стороны, не понимал. Шел разговор как по глухонемому телефону. Наши спрашивали про одно, Инвизы, будто их не слыша, и спрашивали и говорили про другое. Отец видел всех, кто сейчас входил в состав оперативной группы. За ним тоже наблюдали. Находясь в се-

ти, он понял, что нужно предложить что-нибудь радикальное. Если сейчас разговор затянется, и стороны не придут к общему знаменателю, его променад по отдаленному будущему продлится еще на неоговоренное время. Отец предложил непосредственный, так скажем, полный контакт. Нужно выйти в открытый космос к точке прохода, может это спровоцирует этих невидимок к действию. Оперативная группа оценила этот жест, и пришла к выводу, что попробовать можно, и такой поступок не должен расцениваться собеседниками как акт агрессии. Отец скачал себе на кору головного мозга правила обращения со скафандром, приемы перемещения в пространстве, аварийные ситуации и методы борьбы с ними.

Отец никогда не рассматривал скафандр, как нечто необычное. Оказалось все совсем наоборот. Этот космический экзоскелет— плод развития всего человечества. Казалось, что человечество росло, развивалось, думало, воевало лишь для того, чтобы в конечном итоге сделать скафандр. Скафандр должен иметь каркасную функцию, вместе с тем он должен быть подвижным. Туловище, конечности должны быть легкими, прочными, непроницаемыми для космических и рентгеновских лучей. Вместе с тем вещество скафандра должно быть инертным, то есть не вступать в химическую реакцию с большинством известных веществ. Он должен сохранять гибкость и прочность в широком спектре температур, от нескольких сот градусов выше нуля, до почти трехсот (-273) градусов ниже нуля. Он не должен быть из-

лишне мягок при высоких температурах, и не должен быть хрупким при абсолютном нуле. При этом вещество скафандра должно иметь плохую теплопроводность. А также скафандр должен быть легким и максимально тонким, чтобы не мешать движениям. К суставным поверхностям требования те же самые, плюс максимальная подвижность в суставах. Это достигается чередованием подвижных пластин основного вещества и пластической формации. При достижении максимальной подвижности не должна пострадать каркасность скафандра. При перепадах давления, скафандр должен быть оборудован баррокомпенсирующей емкостью, чтобы при выходе в вакуум, скафандр не разорвало давлением внутри, и при высоких давлениях снаружи, скафандр не раздавило. Теплоизоляционный слой, следующий за внешним слоем, должен быть также максимально тонким и максимально теплосберегающим. Он не должен быть марким, легким в обработке, должен быть мягким и прочным. Этот же слой должен максимально элиминировать влагу из скафандра, но не высушивать его дочиства, чтобы избежать обезвоживания кожных покровов астронавта. Он должен сохранять оптимальную влажность, а значит должен иметь резервуар компенсатора влаги. Материал должен быть гигроскопичным и липофильным одновременно, чтобы удалять с потом и отторгнутый верхний слой эпидермиса кожи. На суставных поверхностях этот слой не должен стираться. Он должен содержать датчики разной направленности, как то—

баррорецепторы, датчики влажности, температуры, загрязненности, датчики концентрации углекислоты и многие другие. Сведения от датчиков должны сходиться в микрокомпьютере, который может мгновенно оценить обстановку, и при нарушении микроатмосферы декларировать ситуацию и предпринять меры, подлежащие автоматической коррекции, или представить список вариантов решения проблемы астронавту. Информация должна иметь максимальную презентабельность и ненавязчивость, чтобы не отвлекать астронавта от работы. Бортовой компьютер должен иметь максимальную степень защиты от внешних и внутренних повреждений, несколько степеней защиты и способов дублирования контролирующих систем. При высоких температурах он должен обеспечить максимальную вентиляцию внутреннего жизненного пространства скафандра, то есть скафандр должен иметь наружный охлаждающий контур и внутренний аккумуляционный контур, необходимый для эвакуации высоких температур из скафандра наружу. Скафандр должен иметь автономную систему питания, чтобы обеспечить работу всех структур скафандра, заинтересованных во внешнем источнике энергии. Система автономного питания должна быть компактной, легкой и максимально вместительной, должна иметь системы дублирования, самоконтроля и репортажа. Возможность быстрого замещения обязательна. Кислород. Скафандр должен быть оборудован внешним источником кислорода, с обязательной дублирующей

системой. То есть должен быть основной баллон с кислородом и аварийная емкость на случай аварии или повреждения основного резервуара. Скафандр должен быть оборудован внутренней системой вентиляции кислорода в скафандре, которая обеспечивается электрическим приводом и максимальным использованием кинетики самого скафандра при движении. Микронасосы, прикрепленные к основным суставам скафандра, наряду с электрическими воздушными помпами, обеспечивают непрерывную циркуляцию кислорода по микропорам и микротрубочкам термоизолирующего слоя. При этом из воздушной смеси удаляется углекислота, окислив которую получается кислород, возвращаемый в жизненное пространство, а уголь элиминируется. Шлем. Он должен быть изготовлен из материала максимально прочного во всех отношениях. Он не должен запотевать при высокой влажности и не должен замерзать при низких температурах. Эти жесткие требования продиктованы отсутствием термоизолирующего слоя у последнего. Стекло обязательно быть прозрачным, при сферической форме не должно иметь диоптрий. Шлем должен быть оборудован световым фильтром при яркой освещенности и дополнительную защиту при высокой радиоактивности. На шлем принудительно должны быть направлены воздушные потоки, чтобы обеспечить его максимальную прозрачность. На нем должны крепиться системы оповещения и системы управления скафандром. Возле шлема должен находиться микрофон и динамик,

для общения астронавта, они должны иметь минимальную пространственную емкость, и минимальный травмирующий момент. Скафандр должен быть оборудован радиостанцией, которая не должна мешать работе, и должна иметь минимальные размеры. Так же скафандр должен иметь резервуар воды, для питья, каниюля которого должна автоматически закрываться и убираться, чтобы не мешать астронавту. Скафандр должен быть оборудован набором инструментов для работы в открытом космосе и для саморемонта. Крепиться он должен в непосредственной близости, значит на ногах. Так же скафандр должен быть оборудован системой внешнего освещения, и внешними двигателями для движения в безвоздушном пространстве. Следовательно, скафандр должен быть оборудован топливом для внешних бортовых двигателей.

В общих чертах скафандр обрисован, и Отец очень удивился, когда узнал, как и для чего и каким образом он устроен. Оперативной группой тут же был создан сценарий выхода в космос, смоделированы различные ситуации первого физического контакта с неизвестной цивилизацией. Решено было отправить Отца в точку прохода вместе с Дексаметазоном. Кандидатуру рептилии обсуждали меньше всего. В бортовом спасательном шлюпе ящер и неандерталец должны подойти к невидимой точке, и, если ничего не произойдет, выпустить Отца в открытый космос. А там, как карты лягут. Отец не возражал. Риск подобной операции был, несо-

мненно, высок. Однако Отцу надоело сидеть взаперти, тем более что терять ему, в общем, было нечего. Пролетарий несчастный, подумал Отец про себя. Решено предоставить Отцу скафандр, с минимальными автономными функциями, чтобы Отец не навредил миссии и себе. Значит, на коротком поводке решили меня прогуливать, да и делайте что хотите, только я сам себе не враг, подумал Отец. Хотя задним умом Отец понимал, что это решение не скоропалительное, что оно направлено на достижение максимального эффекта от миссии, только старые инстинкты противились насилию над свободой. В конце концов, здесь мне от них не убежать, в свое время не вернуться, так хоть прогуляюсь, проветрюсь, подумал Отец. Будет, что потом в старости вспомнить.

Космический аппарат продолжал непрерывно производить замеры напряженности магнитного поля, гравитационных составляющих, интенсивности излучения и многие другие параметры. Цифры лились в мозг Отца непрерывным потоком. Они шумели в ушах, прятались где-то за желудком, убегали в сальниковую сумку через Винслово отверстие, возмущая поджелудочную железу, возвращались к солнечному сплетению вдоль нижней полой вены, шутили шутки с блуждающим нервом, в ответ на что кишка перистальтировала, словно земляной червь, а обкладочные клетки плевались соляной кислотой, и, находя пристанище в корке, оседали там, вызывая прилив красных клеток к серому веществу.

Отец полулежал в своем конверте в виде басурмана османской эпохи в чалме, и раздумывал над точкой прохода, ведущей в потусторонний мир, в котором по неизвестным причинам знали его, Отца. Он никогда там не был, никому не нагрубил, никого не убил, и тем не менее, его там знали, похоже уважали, если не любили. И Отец был готов пожертвовать собой ради общего дела. Ему было плевать на высокие мотивы, тем более что их не было вовсе. Ему было плевать на славу, тем более что этим ее не стяжать. Ему было плевать на богатство, тем более что там он ничего ценного обнаружить не собирался. Он хотел прогуляться, немного забыть про Рыжую, посмотреть мир, и, в конце концов, ему было просто любопытно.

Глава 11.

Спасательный шлюп медленно приближался к кораблю. Отец сидел в своем кресле несколько уставший, но довольный. Космическое путешествие со счастливым выходом в открытый космос подходило к концу.

—Декс, как я тебе?— Отец повернулся к своему инопланетному коллеге.

—В каком смысле...?— Не понял Декс и только завращал глазами, будто стараясь найти ответ на этот глупый вопрос вокруг себя.

—В том смысле, что я— крутой космический рейнджер, ко-

торый бесстрашно изучал точку прохода, рискуя своей жизнью, преодолевая все трудности и всякое такое.

–Рейнджер, ты там болтался, как тряпка на ветру, исследователь, я думал, ты в штаны надуешь от ужаса. Романтик без страха и упрёка...– Заскрипел Декс.

–Да. Умеешь ты утешить. Хоть бы порадовался за меня. Может тут у вас и в открытом космосе назначают свидания, а у меня сегодня второй день рождения.– Отец правую ладонь приложил к левому локтевому сгибу, отмеряя половину руки.

Дексаметазон, видимо не знал досконально земной жестикуляции, или ввиду своей необычайной тактичности сделал вид, что не понял Отца и продолжал невозмутимо:

–Я лично вообще ни разу в открытый космос не выходил, так что уймись. Вышел– молодец, не вышел– тоже ничего себе, девки любить не перестанут.– Заскрипел Декс.

Ящер сидел на своем кресле, которое бортовой компьютер подогнал под его физиологическую позу. На нем был надет скафандр того же типа, что носил Отец. Только размер его и форма были под стать веганской рептилии. Протоколы космических полетов запрещают находиться на космических судах экстренного или аварийного пользования без скафандров. Все что меньше прогулочной яхты, расценивалось, как судно аварийного пользования. Отец против этих протоколов не возражал. Ему нравился скафандр, он был такой удобный и крутой. Было лишь единственное послабление

служебного расписания— разрешалось находиться в шлюпе с открытым шлемом, который должен находиться в режиме ожидания экстренной ситуации. Они сидели в своих креслах и болтали. Отец немного запыхался. Болтаясь в космосе, его волосы легкой испариной слиплись на лбу. Отец заново переживал это удивительное приключение, выпавшее на его долю, кстати сказать, не без его же помощи, чем Отец в тайне от всех гордился. Мимо плыли звезды. В скафандре, в открытом космосе они выглядели еще ярче и больше, на фоне непроглядной бесконечной мертвой темноты, прямо так, сами по себе, не прибитые и не приклеенные к черному небу-своду, висели и блестели яркие— яркие звезды. Их было так много, как себе нельзя и представить на Земле. Звезд было, как у дурака фантиков, очень много.

Когда прозвучал сигнал готовности к полету, Отец и Декс заняли свои места в креслах пилотов. Процедура подготовки к выходу в космос в спасательном шлюпе в плановом порядке— достаточно перегруженная проверками бортовых систем процедура. Учитывая, что это— не эвакуация с корабля, а запланированный выход в космос, астронавт должен вручную проверить все необходимые системы. Проверке подлежали системы навигации, системы автоматического и ручного пилотирования, системы жизнеобеспечения, заряд батарей, топлива, и всякой другой мелочи. Знать их все не обязательно, нужно лишь выполнять голосовые команды компьютера, вроде: посмотрите сюда, ткните палец сюда, повер-

ни рычажок, и так далее. И все это нужно проделывать всякий раз, когда собираешься покинуть судно, учитывая, что до тебя то же самое делала корабельная автоматика.

После ручной проверки системы, Отец доложил о готовности к старту. При запланированном выходе в космос полет осуществляется с борта головного корабля. Самим пилотировать посудину не было нужды.

Открылся люк посадочной палубы корабля, и на Отца навалилась чернота, которую можно себе представить лишь в ужасе, когда тебе грезится всякая чушь в то время, когда ты с высокой температурой, укутанный в одеяло, наевшись аспирина, пытаешься забыться сном. Чернота непроглядная, пугающая непроглядная темень, бездонная бесконечная темнота. И, представив себе, что случись падать в этой темноте вниз, ты будешь падать всегда, даже когда умрешь с голода, и после этого ты будешь продолжать падать. А вокруг тебя будет непроглядная вечная чернота и точки звезд. Шлюп медленно отделился от палубы корабля. Вспыхнули на мгновение маршевые двигатели, капсула дрогнула и понеслась в пространстве. Отойдя на приличное расстояние, такое, что корабля не было и видно, вспыхнули тормозные двигатели, прикрепленные к крыльям. Отец, пристегнутый ремнями к креслу шлюпа, подался вперед. Спасательная скорлупка встала в точке прохода. Завизжал счетчик Гейгера: радиация выросла, но не была опасной.

Точка прохода. Отец ничего не почувствовал. Да потому

и не почувствовал, что ничего не происходило. Цифры лились потоком, откуда-то теперь изнутри корабля. Они рождались сами по себе в виде электромагнитных возмущений сами по себе, будто в шлюпе находилась невидимая, неосязаемая радиостанция. Само существование спонтанного рождения материальной субстанции отрицалось законом сохранения энергии, который гласит, что энергия никуда не исчезает и не берется из ниоткуда. В ответ на повышение радиации шлемы автоматически захлопнулись— скафандры перешли в аварийный режим. Теперь, чтобы открыть скафандр, необходимо прямое попадание небольшой баллистической ракеты.

—Отец, теперь точка прохода где-то в корабле, ты ее не видел?— Спросил Декс, пытаясь разрядить накалившуюся обстановку.

—Декс, это не та вон, смотри,— Отец указал на борт корабля, в том месте, где на обшивке был нарисован номер шлюпа и какие-то письма. Цифры и непонятные символы были видны, словно через рябое кухонное стекло, искаженными и кривыми.

Декс заскрипел, будто решил, что его Отец тоже разыгрывает, только взглянув на обшивку корабля, которая стала растворяться и появились звезды, ему стала не до скрипа. Декс схватил джойстик ручного управления шлюпом, приведя его в нужное положение. Вспыхнули маршевые двигатели, шлюп рванулся вперед. Обшивка корпуса вернулась в

исходное положение, звезды исчезли, буквы выпрямились. Пройдясь пространственным сканером, астронавты убедились, что это всего лишь пространственное искривление, в котором искривилось и изображение. Приборы корабля не указывали на какую-либо полумку, даже незначительную. Просто испуг. Сердце колотилось. С корабля доносились слова утешения и разочарования. Ничего не изменилось. Инвизы никак не прореагировали на непосредственную близость Отца. Согласно составленному плану, Отцу необходимо было выйти в открытый космос.

—Давай, дуй отсюда, я выпью за тебя водки, так и быть.— Декс лапой указал на корму шлюпа, в котором имелся круглый люк.

Отцу два раза повторять не было нужды. Словно ужаленный, Отец бегом припустился к люку.

Бортовой компьютер отозвал из шлюпа воздух в резервные баллоны. Шлюз открывался вручную. Отодвинув люк в сторону, Отец протиснулся в космос.

—Ух, ты,— Только и сумел произнести Отец. Для него пропал и верх и низ.

Отец выплыл в немую черноту, пронизанную мириадами космических лучей и цифр, которые лились в этот момент потоком из точки прохода. Нажатием на груди кнопки, Отец активировал заплечный ранец— двигатель.

—Отец, приготовься, сейчас мы тебя доставим в точку прохода. Ради Бога, не тушуйся, и ничего руками не трогай, а то

все провалишь, понял?— Спросил чей-то голос в наушнике.

—Декс,— заорал Отец,— не поверишь, шапка говорящая!

Отец радостно замахал Дексаметазону, выглядывавшему в носовой иллюминатор. Веганская рептилия с достоинством подняла лапу, будто провожая своего компаньона на подвиг.

Заработал заплочный двигатель, заурчали боковые вспомогательные сопла. Отца развернуло вниз ногами и понесло в космос. Жуть охватила Отца. Рядом в пустоте висел спасательный шлюп, который снизу выглядел мертвым, корабль не был виден вообще, а Отца тащило куда-то в пронзительную черноту. За спиной Отец чувствовал мерное дрожание двигателя и тепло, которое вырывалось из дюз. Вдруг вспыхнули вперед боковые наплечные сопла, и, судя по всему, движение прекратилось. Отец висел в черном пространстве.

—Отец, ты в точке прохода.— Сказал Декс.

—Поздравь меня!— Закричал радостный Отец.

Он ожидал чего-то жуткого: переворачивание, круги в глазах, прыжки в пространстве. Но нет, ничего не происходило. На поверхность шлема проецировалось предупреждение о нарастающем уровне радиации, напряженности магнитного поля. Показатели не были критическими, и защита скафандра справлялась. Отец висел.

—Поздравляю,— сообщил Дексаметазон.— Что чувствуешь?

—Есть хочу, женщину и пива ведро с воблой.— Сказал

Отец, и про себя добавил, и Рыжую.

—Отец, что-нибудь есть там? Скажи, может, ты что-то чувствуешь?— Спросила говорящая шапка.

—Ничего тут нет, только весело. Свиньи в космосе, вот это да, я сюда Басмача отправлю, баран жадный. Декс, пошли ко мне?

—Отец, ты там не дури, Бога ради. Виси смирно, болтай ногами или языком. Но ни чего не делай.— Сказал Декс.

—Декс, ну, что там Инвизы говорят что-нибудь про меня?— Спросил на всякий случай Отец.

—Они тебя не видят даже, как будто тебя и нет с ними.— Произнес голос с корабля.— Все, возвращаем тебя назад. Компьютер, верни нам Отца.

—Что за черт, чего они меня тогда тревожат. Вы им рассказали, что меня к ним привезли?

—Сказали. Они нам что-то говорят, понять их не поймешь сразу, потом расшифруем, но не про тебя, тут что-то про пространство и как его измерять вроде, но не про тебя, это точно.— Отозвался кто-то с корабля.

—Ну что ж, поехали домой. Жаль, монетку с собой не захватил.— Сказал Отец, по-прежнему размахивая конечностями.

—Зачем,— поинтересовался Декс.

—Чтобы вернуться, обычай Земной, вернее примета такая. Монетку оставишь— вернешься.

—Типа, жаба тебя задушит, и ты из скупости за монет-

кой назад придешь?— Отец услышал, как динамике раздался скрип.

—Декс, тебе надо будет постараться меня задушить. В моих ручищах слоны визжали, куда уж тебе?— Засмеялся Отец.

—Туше, батюшка, значит, ты меня жабой видишь?— Спросил Декс.

В голосе стояла желчь. Похоже, что Отец немного переборщил.

—Декс, прости, я немного погорячился, это я— жаба.— Успел молвить Отец.

Не успел он это сказать, как вздрогнул от неожиданности. Глаза уже успели адаптироваться к тьме, как вдруг вспыхнул основной двигатель скафандра вместе со вспомогательными. Отца развернуло опять вверх ногами. Еще вспышка за спиной, небольшой толчок и Отец поплыл к шлюпу. Возле люка Отец остановился, последний раз оглянулся назад, на непроглядную темень и точки далеких звезд.

—Он сказал— поехали,— проворчал Отец и скрылся в спасательном шлюпе.

—Декс, слушай, а почему тебя со мной не отпустили в космос, вдруг я чего-нибудь натворил там, я ведь непредсказуемый?— Спросил Отец, откинувшись на мягкое кресло в шлюпе.

—Моя жизнь слишком дорога, чтобы выпускать с тобой в открытый космос. Ты-то ладно, за таких как ты— недорого дают.— Сказал Дексаметазон очень серьезно. От его желез-

ного тона чуть не лопнул носовой иллюминатор.

– Ясно, это ты мне за жабу мстишь. А я вот так думаю, а... – Отец нахмурился. – А пошел ты...

– Потому, что меня в этом эксперименте и быть не должно. Это же не шуточки, не аттракцион. Тебя просили – получите. Дексаметазона не просили – извиняйте. – Уже мягче произнес Декс.

Вдали показался корабль. Со стороны он выглядел очень красивым. Стремительная форма, остроконечные антенны и установки придавали ему очень внушительный вид. Он не был большим, поскольку был оснащен конвертером пространства, ему и не обязательно быть огромным. Кораблик выступил из этой пугающей своей необъятностью бездны, и выглядел необыкновенно дорогим и близким, кусочком сердца, рукой друга. Пришвартовавшись к его борту, шлюп устроился на свое место на посадочной палубе. Люк задвинулся, приключение закончилось. Выбравшись из капсулы, Отец заревел, вытягивая затекшие конечности:

– Я – лев, я – царь зверей. – И издал рык.

– Ладно, лев, иди, пообедай в реале. А не то загнешься раньше, чем в книге судеб про тебя писано. – Сказал Декс, на четырех костях выбираясь из шлюпа. – Компьютер, выход.

– Пошли вместе поедим. – Сказал Отец. Ему сейчас не хотелось оставаться одному.

– Ты все равно не сможешь смотреть, как я ем. – Сказал Декс. – Ты такое не ешь. Так что отобедай уж сам. Потом

встретимся.

Декс пополз к выходу. Отец последовал за ним. Очутившись в кают-компании, Отец заказал себе у стойки органического синтезатора голубцы с татарским соусом. Скафандр остался на посадочной палубе в недрах выхода. Устроившись в креслице за столиком, Отец принялся поглощать куски вареного мяса, завернутые в капустные листья. По телу побежала теплая волна удовольствия, видно Отец уже давно не ел в реальном пространстве.

Человеку, в общем, немного нужно от жизни. Лишь несколько инстинктов определяют все поведенческие реакции. Первый— инстинкт сохранения вида. Это— главный инстинкт, которым руководствуется вся вселенная: все букашки и целые цивилизации. Посему первый инстинкт— считать основным. Второй— самозащита. Третий— самосохранение. Здесь все вегетативные реакции, как-то еда, сон, физиологические отправления... Отец наелся.

Вегетативная нервная система начала пошаливать. Блуждающий нерв заблудился окончательно. Его нервные импульсы все чаще можно было встретить возле центра удовольствия и сна. Отец даже сформулировал «патогенез» сна. По его глубокому убеждению, когда человек поест, кожа на его животе растягивается, натягивая ее на шею и на лицо, посему глаза сами закрываются. Отец для пущего удовольствия выпил еще стаканчик водки у стойки органического синтезатора и пошел к выходу.

Вернувшись к себе в османскую ложу, Отец, облачившись в кафтан и шаровары, полулежа на подушках, простонал:

–Компьютер, дай мне Рыжую по телеvidу.

Часть стены напротив превратилась в экран объемного телефона. На экране засветился логотип оператора связи. По низу экрана поползла полоса прогресса, указывая, что связь устанавливается. Экран вспыхнул, на экране появилась Рыжая.

–Привет,– сквозь слезы прошептала она. Губка ее подрагивала.– Я тебя люблю.

В горле у Отца образовался комок. Непонятно, толи это были эмоции, толи слюни, толи еще какая-нибудь слизь или секрет какой-то неизвестной железы, только и говорить и дышать Отцу стало тяжело одновременно. Он любил эту высокую рыжую противную девчонку. Он любил ее больше чем дышать, больше чем весь этот чертов мир вместе с основными инстинктами вместе взятыми. Ему не хватало кислорода без Рыжей, все мысли были заняты лишь ей. Она жила вместе с ним, и, незримо, делала с Отцом все глупости.

–Я люблю тебя, родная моя. Я скучал по тебе. Что делаешь?

–Ничего, лежу, реву без тебя, я ведь по настоящему тебя люблю. Даже кошки со мной лежали и ревели.

–Даже Лиса?– Спросил Отец. Рыжая кивнула.

–Компьютер, сейчас можно нульнуть на Землю или с Земли сюда?– Спросил Отец в пространство.

–Расстояние слишком велико.– Ответил бархатный баритон неосязаемого наблюдателя.

–Ты просто скажи да или нет, оратор.– Вежливо просил Отец.

–Нет.– Следовал ответ.

–А когда можно будет?– Выругался Отец в пространство.

–На подлете к солнечной системе.– Был ответ.

Стандартную программу бортового собеседника невозможно вывести из себя. Его ответы всегда будут взвешенными и ровными, не зависимо от тона собеседника. Отец это знал.

–Киса моя родная, скоро я прилечу и обниму тебя, душа моя. Я не могу без тебя.– Потом, подумав, добавил.– Долго.

–Я реву как с Луны нульнула, уже не знаю. Сашка, давай никогда– никогда не будем ссориться.

–Я давно это предлагаю, милая моя. Ты– самое дорогое, что у меня есть. Жалко, что я не могу к тебе придти.– Сказал Отец.

Рыжая протерла глаза и мяукнула. Отец довольный захихикал. Эта игра очень его забавляла. Рыжая очень реалистично мяукала, что приводило Отца в священный экстаз. За этим занятием они могли провести несколько часов жизни. Рыжая мяукала, Отец целовал ее, и оба объяснялись в любви друг– другу.

–Киса, моя, я сейчас где-то очень далеко от солнечной си-

стемы. Эти парни из зазеркалья опять заговорили и меня, уже наши бродяги, прямо с Армстронга забрали к себе на корабль. Помнишь, мы их за день до отлета моего видели всех. Это они уже тогда охотились за мной.

—Я знаю. Я уже сходила в базу. Там все и узнала. Ну ничего, лишь бы с тобой ничего не случилось, приедешь,— Рыжая оглянулась по сторонам в поисках вездесущей маман, и шепотом добавила,— я очень тебя хочу, родной мой.

—Киса, я люблю тебя больше жизни. Родная.— По шкуре побежали мурашки.

—Сашка, ты в конверте сейчас?— Спросила Рыжая и тень догадки сверкнула на ее лице. Отец кивнул.— Подожди, сейчас перезвоню. Сделай пока бетаку, как у тебя на лужайке, возле водопада.

Рыжая отключилась. Экран с синим логотипом оператора связи растворился в стене. Отец заказал у компьютера бетаку, чуть поодаль, за балдахинном. Вход в бетаку компьютер украсил массивным ламбрекеном с кистями. Отец поднялся и пошел в заветную комнатку, проверить ее убранство, чтобы было все, как любит Рыжая. Она велела рядом с огромной кроватью прибить к стене крючок для халата, в угол поставить рыжий торшер с тусклой желтой лампой под керосинку. И напротив кровати поместить зеркало, чтобы видеть все, что происходит в бетаку, если вид тебе загораживает кто-то.

Отец толкнул в дверь и остолбенел. В махровом халате на широкой кровати с отвернутым уголком одеяла, полулежала

полуобнаженная Рыжая. Лишнее говорить, что и зеркало и вешалка и торшер были на месте.

–Иди ко мне, милый,– протянула Рыжая к Отцу руки.

–О, черти,– Отец стал бросать на пол чалму, кафтан и пояс с шаровар. Шаровары сами скользнули к ногам. Отец очутился в объятиях Рыжей.

Влюбленные слились в долгом глубоком поцелуе, то и дело шепча слова, которые, в общем, и шептать то не было особого смысла. Все и так было понятно.

Руки, кожа, прикосновения. Дыхание, взгляды, проникновение. Пробуждение эмоций, которые долго спали. Здравствуйте. Живите долго. Милая. Я тебя люблю. Эстрогены, тестостерон. Два начала, два противопоставления, без которого не может обойтись даже вселенная. Два взгляда на одну и ту же категорию. Две непримиримых зависимости. Душа и кожа. Запах. Кожа пахнет лишь чистотой, дурманящий запах. Она пахнет Рыжей. Рыжая пахнет свободой. Свобода пахнет рыжими волосами и конопушками на веселых морщинках. Твои соски самые упругие. В них столько силы. Пальчики. Дай мне их. Я буду их целовать, пока буду жив. Я буду целовать твои ладони. Такие пряные молодые ладони. Я их люблю. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. Я люблю тебя. Я люблю каждый твой пальчик, их двадцать. Я люблю каждый твой ноготок, их двадцать. Я люблю каждую твою веснушку, их двадцать тысяч. Или меньше. Я люблю каждую твою морщинку в уголках твоих небесных глаз. В них– тайна миро-

здания. Я люблю каждый твой волосок, даже тот, что упал с тебя. Я люблю твои бровки. Я проведу по ним пальчиком, а ты закрой глаза и почувствуй, как сильно я тебя люблю. Они такие шелковистые. Они такие мягкие. Знаешь, они самые лучшие на свете. Хотя я видел не все брови на свете, но, почему-то я уверен, что твои— самые лучшие. Не открывай глаза, я их поцелую. Затаи дыхание. Я останусь с тобой навеки. Ты чувствуешь мои пальцы? Я весь твой. Если ты хочешь. Реснички. Они такие длинные. Не открывай глаза, ты меня ослепишь. Твои реснички дрожат, как нежные лепестки на вольном ветру. Это потому, что ты не спишь. Это потому, что ты хочешь открыть глаза. Не открывай. Я поцелую твои реснички. Они волнуют мою кожу, словно бабочка мягкими крыльями. Поморгай. Я люблю тебя. Как это прекрасно. Такой высокий лоб. Ты так вкусно пахнешь. Морщинки. У тебя есть морщинки на лбу. Я не знал. У тебя еще морщинки в углах глаз. И на лбу. Я их поцелую. Я их люблю. Я люблю каждую твою морщинку. И не важно где они поселились. Я укушу тебя за ушко. Оно такое милое. Смотри. Ты покрылась гусиной кожей. Это потому что я укусил тебя за ушко? Прости. Я больше не буду. Просто я сильно тебя люблю. Ты хочешь чтобы я еще раз укусил тебя за ушко? Хорошо. Ты такая милая. У тебя возле ушка волосы короткие. Они рыжие и короткие. А другие длинные. Теперь они еще и влажные. Я их поцеловал. У тебя такая красивая шея. Я ее люблю бесконечно. Такой не было даже у твоего жалкого подо-

бия— Нифертити. У тебя гладкая шея, белая с тонкой кожей. Вот здесь бьется твоя жизнь. Я губами прижмусь к тебе и к твоей жизни. Я буду дышать на тебя, и с тобой ничто не случится. Я буду глядеть на тебя и восхищаться твоей бьющейся жилкой. Я ее закрою собой, чтобы твоя жизнь принадлежала только мне. А с той стороны эту жилку закрыл твой непослушный локон. Я их поцелую вместе. Твой локон он такой нежный. Я немного сдвину его в сторону, потерпи пожалуйста. Я люблю тебя всю. Я тебе говорил это? Я всегда буду тебя любить, даже когда потухнут светила. Я это тоже тебе говорил? У тебя такие красивые ключицы. Они такие тонкие и правильные. Тут тоже бьется жизнь. Я коснусь тебя. Я коснулся твоей жизни. Это здорово. Смотри. Ты такая красивая. Ты— само совершенство. У тебя круглые тонкие плечи. Своим дыханием я обогрею их. На коже выступили капельки пота. Они так мило блестят. Вот они уже и исчезли. Смотри их уже нет. Зато появились другие, вот здесь, под ключицей. Здесь у тебя маленькие волоски. Так их не видно. Нужно к тебе прижаться щекой, чтобы в косом свете их увидеть. Никто кроме меня их не видел. Здравствуйтесь. Я вас люблю. Вот здесь у тебя родинка. Она такая маленькая. Она еле заметная. Я ее тоже поцелую. Родинка и невидимые волосики. Это так трогательно. Смотри. Я дышу, а твои волосы колышутся. Я не могу без тебя жить. У тебя на груди тоже маленькие волосики. Их много. Я их раньше тоже не видел. А вот здесь у тебя бьется сердце. Сразу за соском. Я

прижмусь к твоему сердцу. Самое родное и дорогое сердце. Я тебя люблю. Может и кусочек меня живет в твоём сердце. Ты так говоришь. Я тебе верю. Твой сосок. Он такой коричневый. Он такой упругий. Другого я касаюсь не пальцем, душой. А этот я очерчу языком. Он стал еще тверже. Тот, другой тоже твердый. Я его поцелую. Он такой же как возле сердца. Это прекрасно. Малышу это понравится. У тебя здесь выступили капельки пота. Здесь, на груди. Нет. Это мое дыхание и поцелуи. У тебя такая красивая грудь. Она такая мягкая и бархатистая. Я ее люблю.словно маленький холмик на ней— сосок. Две прекрасные груди. Мягкие, прелестные. Желанные. Боль и радость, счастье и разлука. В них все. Здесь за соском у тебя сердце. Будь я малышом, я бы лежал у тебя на левой руке. Хотя нет, просто на левой я бы лежал чуть чаще. Рядом с твоей жизнью, с тобой, душа моя. Я положу руку на твое сердце, пусть ему будет спокойно. Пальчиком проведу вокруг твоих сосков, я прижмусь губами к ним. Я люблю тебя. Кожа. Она матовая и белая. Вот тут у тебя тоже родинка. Она тоже маленькая, как зрачок в полдень. Рядом с пупком родинка. Это замечательно. Она маленькая, я ее люблю. Я буду ее оберегать. Твой пупок. Я его люблю больше жизни. Я не могу себе представить жизни без него. Я его поцелую. Он маленький, мягкий и податливый. Я вижу, ты улыбаешься. Тебе смешно, а мне не до смеха. Ведь я тебя люблю. А это очень серьезно. Это самое важное в моей жизни. Важнее тебя нет ничего. Ты пахнешь так, что у меня

не осталось ни одной трезвой мысли. Пьянящий аромат твоей кожи сводит меня с ума. Я ничего не могу с собой поделаться. А еще этот мягкий треугольник. Такой родной и теплый. Такой смешной и любимый. Самый дорогой. Я люблю тебя. Теперь ты— моя. Я с тобой навеки. Твои подвздошные гребни такие красивые и прямые. На них будет удобно спать нашему малышу. Я люблю тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.